

Где Бог когда я страдаю? Филип Янси

Вадим Кузнецов (DikBSD)

«Янси, Филип. Где Бог, когда я страдаю»: Триада; М.: 2009

ISBN ISBN 978–5–86181–402–7 (в обл.)

Аннотация

Эта книга была впервые издана в 1977 году, затем переиздана в 1990 и снова в 2001 — сразу после теракта, совершенного 11 сентября в Нью-Йорке. Все доходы от продажи последнего издания были направлены в фонд Красного Креста. Чему посвящена книга? Конечно же проблеме боли и страданий. Эта проблема не нова, и окончательный ответ на нее не прозвучит, видимо, никогда. Над ним бились Фома Аквинат, Блаженный Августин, отцы церкви. В те времена человек страстно искал оправданий для Бога. Ведь именно Он допускает несчастья, не так ли?

Современные авторы в большинстве своем следуют совершенно иному подходу: они пытаются загнать Бога в угол своими обвинениями, хотят заставить Его оправдываться перед человеком.

Существует ли третий подход к проблеме страданий? Да и возможен ли он? Это предстоит выяснить читателям книги. Она поможет каждому, кто столкнулся со страданиями и болью — своими собственными или чужими. Она поможет каждому, для кого боль стала препятствием на пути к Богу.

Филип Янси — писатель, автор одиннадцати книг, среди которых «Библия, которую читал Иисус», «Иисус, Которого я не знал», «Что удивительного в благодати», «Разочарование в Боге», Ты дивно устроил внутренности мои», «По образу Его», «Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?». Его отличает честный взгляд на мир, церковь и жизнь христианина. Он не боится поднимать вопросы, которые предпочитают избегать в христианском мире.

Где Бог когда я страдаю?

Предисловие

В книжном деле, равно как и в нейрохирургии, и в автомеханике, есть ценное правило: «Что не сломано — не чини». Если моя книга «Где Бог, когда я страдаю» продолжает пользоваться популярностью, то зачем я, презрев вековую мудрость, собираюсь ее переделывать?

Дело в том, что написал я ее давно, в середине семидесятых. Мне тогда еще не было и тридцати. В последующие годы я никогда не переставал размышлять на эту тему. Подобно гончей, идущей по свежему следу, я кружил вокруг загадки страданий, искал новые подходы к ее решению. После выхода книги я получил сотни откликов. Читать многие письма было тяжело — в них люди описывали свои странствия в мире страданий. Вот почему сегодня я ощутил необходимость возвратиться к давно законченной книге.

Многие богословы считают книгу Иова самой древней в Библии, и я не перестаю удивляться тому, что вопросы, которые мучили Иова, не менее остро стоят и перед нашими современниками. От столетия к столетию они звучат все громче и пронзительнее. Названием романа Мюриэль Спарк «Единственная проблема», в основу которого легла книга Иова, стала фраза из разговора персонажей: они размышляли, как всеблагой Господь может допускать страдания. «Это — единственная проблема, которую стоит обсуждать», — к такому заключению пришел главный герой романа.

И вот что еще меня поражает: все книги о страдании можно четко разделить на две категории. Старые авторы, такие как Фома Аквинский, Джон Беньян, Джон Донн, Мартин Лютер, Жан Кальвин и блаженный Августин, видят в страданиях и скорбях Божий промысел, который в конечном итоге несет нам благо. Они спокойно относятся к испытаниям и не ставят действия Бога под сомнение. В своих книгах они пытаются «пути Творца пред тварью оправдать». Классики пишут так уверенно, словно смягчить горечь страдания способна одна только сила приводимых ими доводов.

Современные книги о страдании разительным образом отличаются от старых. Нынешние авторы стоят на иной позиции. Зло и страдания настолько умножились, что их трудно совместить с традиционными представлениями о любящем и милосердном Боге. Бог перестал быть для наших современников влиятельным покровителем, и они отдали Его под суд. Создается впечатление, что современные писатели гневно требуют от Него ответ за все происходящее в мире: «Что ты можешь сказать в Свое оправдание, Боже?» Их представления о Боге меняются — они по-другому объясняют себе Его любовь, они усомнились в Его способности противостоять злу.

Сравнивая старые книги с современными, больше всего поражаешься полной перемене тона. Создается впечатление, что мы свято верим: никому еще не жилось так трудно, как нам. Неужели мы забыли, что Мартин Лютер и Жан Кальвин жили в те времена, когда не было еще ни радио, ни

пенициллина, а средняя продолжительность жизни составляла всего тридцать лет? Что Джон Беньян создал свои величайшие творения в тюрьме, а Джон Донн — на больничной койке в чумном карантине? Современные писатели — страдальцы? Нет. Они живут в уютных домах, работают в офисах с кондиционером, в их аптечке есть лекарства на все случаи жизни. Почему же они так негодуют на Бога?

Прочитав немало книг обозленных на Бога авторов, я задался вопросом: «А нужна ли новая книга о страдании?» Но после общения со страдающими людьми понял, что нужна.

Как ни странно, множество книг о страданиях совершенно чужды страждущим. Для человека, переживающего тяготы и невзгоды, проблема страданий — это не занимательная богословская задачка. Перед ними страдания предстают как насущный вопрос взаимоотношений.

Многие страдающие люди хотят любить Бога, но глаза им застят слезы, а их сердца переполнены обидой и горечью. Им кажется, что их предали. Как ни грустно это осознавать, но Церковь, вместо того чтобы нести утешение, нередко лишь усугубляет людские муки.

Пятнадцать лет назад я был еще молод и вряд ли имел право братья за решение столь непростого вопроса. Но уже тогда я адресовал книгу «Где Бог, когда я страдаю» именно смятенным и подавленным людям. Отклики читателей многому меня научили, и я решил переписать и расширить свой труд. Новое издание в какой-то мере отражает мой диалог с читателями, оно стало следующим шагом в моем духовном паломничестве.

Я уделил особое внимание разделу «Как справиться с болью», потому что убежден: являть страждущим Его любовь Господь поручил Церкви. Как правило, мы считаем, что на вопрос о страданиях должен отвечать Бог. Но тот же самый вопрос Он задает и нам: «А сами-то вы как отзываетесь на людские страдания?»

При переработке книги я использовал материалы моих статей, опубликованных в журнале «Христианство сегодня», а также брошюры «Помогаем страждущим», выпущенной издательством «Малтнама Пресс». Я благодарю редакцию журнала и издательство за разрешение воспользоваться этими материалами.

Глава 1

Неистребимая проблема

Тем не менее, возникает вопрос: где же Бог? Это самый тревожный симптом. Бывает, ты счастлив, так счастлив, что не нуждаешься в Нем. И если в такой момент ты обратишься к Нему с хвалой, то будешь принят с распростертыми объятиями. Но попробуй обратиться к Нему, когда ты в отчаянии, когда неоткуда ждать помощи — и что? Перед твоим носом захлопывается дверь, ты слышишь, как дважды поворачивается ключ в замке, гремит засов — и потом тишина. Поворачивайся и ступай восвояси.

Клайв Стейплз Льюис. «Боль утраты. Наблюдения»

Находясь рядом с людьми, которые испытывают сильную боль, я чувствую себя совершенно беспомощным. Беспомощным и виноватым. Я стою и наблюдаю, как лицо человека искажается гримасой боли, слышу вздохи и стоны. При этом я отчетливо понимаю, какая пропасть отделяет меня от страдальца. Я не способен войти в его страдания. Я могу лишь наблюдать за ними со стороны. И какие бы слова я в эту минуту ни произнес, они окажутся жалкими и искусственными — словно реплика из школьного спектакля.

Однажды я получил сигнал о помощи от своих близких друзей — Джона и Клавдии Клэкстонов. Каждому из них было чуть за двадцать. Они не так давно поженились. Я с изумлением увидел, как любовь полностью преобразила Джона: за два года, пока он ухаживал за Клавдией, он из жесткого циника превратился в ярого оптимиста. Теперь все его письма были преисполнены энтузиазма — в основном по поводу начала семейной жизни.

Но вдруг от Джона пришло письмо, которое сильно меня взволновало. Обычно он писал чисто, без помарок. А тут — сплошные перечеркивания. Причину Джон объяснил сам: «Прости, что в письме столько исправлений... Мне очень трудно подобрать нужные слова. Не знаю, как и сказать о нашем несчастье». Брак Клэкстонов натолкнулся на препятствие, которое супругам показалось непреодолимым. У Клавдии диагностировали болезнь Ходжкина — рак лимфоидной ткани. Врачи определили шанс на выживание в пятьдесят процентов.

Буквально на той же неделе Клавдии сделали операцию — разрезали ее от подмышки до

живота и удалили все злокачественные ткани. Накачанная лекарствами, ослабевшая жена Джона лежала теперь на больничной койке.

По иронии судьбы Джон в это время работал в местной больнице помощником капеллана. И тут он заметил, что перестал испытывать сострадание к больным. «С одной стороны, — рассказывал мне Джон, — я стал лучше понимать их состояние. Но мне было совершенно все равно! Небезразлична мне была только Клавдия. Мне хотелось кричать на страдальцев: «Перестаньте ныть, дураки! Вам плохо? А моя жена, может быть, сейчас умирает!»

И Джон, и Клавдия были христианами, но у них зародилась неожиданная обида на Бога — на верного и любимого Спутника, который их предал. «Почему такое случилось с нами? — спрашивали они. — Неужели один год счастья был всего лишь подачкой? А теперь — вот это?!»

Радиотерапия быстро изменила Клавдию. От ее бывшей красоты не осталось и следа. Она постоянно ощущала слабость, кожа потемнела, волосы выпали. Из-за раздражения слизистых она тут же срыгивала любую еду. Врачам пришлось на какое-то время прервать процедуры, потому что горло Клавдии настолько распухло, что ей было трудно глотать.

Потом лучевую терапию возобновили. Клавдии приходилось лежать обнаженной на металлическом столе. И в такие моменты, когда ничем другим заняться было нельзя, когда слышалось только щелканье и жужжание аппарата, бомбардировавшего ее тело невидимыми глазу частицами, когда каждый сеанс облучения старил ее на несколько месяцев, Клавдия могла размышлять лишь о Боге и о своем страдании.

Гости Клавдии

Клавдия надеялась, что братья и сестры по вере смогут хоть чуть-чуть утешить ее, хоть как-то прояснить то, что с ней происходит. Но служители и прихожане ее церкви говорили путано и сбивчиво. Их речи не приносили утешения.

Например, дьякон мрачно посоветовал поразмышлять о том, чему Бог пытается ее научить. «Видимо, что-то в твоей жизни Богу не угодно, — говорил дьякон. — Ты в чем-то отошла от Его воли. Такие болезни просто так не случаются! Бог использует внешние обстоятельства, чтобы предостеречь нас или наказать. Что Он тебе говорит?»

Через несколько дней Клавдию ждал сюрприз: ее навестила прихожанка, которую Клавдия знала только в лицо. Видимо, эта полная рассеянная женщина, вдова, добровольно взяла на себя обязанность подбадривать болящих. Она принесла цветы, спела несколько гимнов, прочла несколько радостных псалмов — типа «да рукоплещут реки, да ликуют вместе горы» (Пс 97:8). Когда Клавдия попыталась заговорить с ней о своей болезни, о перспективах лечения, вдова тут же сменила тему. Она думала, что страдание можно победить весельем и доброжелательностью. Больше она не показывалась.

Заглянула еще одна сестра — заядлая любительница телепрограмм, в которых выступали проповедники-целители. Излучая уверенность, она заявила, что единственная надежда Клавдии — это чудесное исцеление. Когда Клавдия пересказала посетительнице слова дьякона, та воскликнула: «Болезнь не может быть Божьей волей! Разве ты не читала Библию? Это дьявол! Это он рыщет как рыкающий лев, ища кого проглотить, а Бог исцеляет. Однако тебе недостает веры, чтобы обрести исцеление! Помни, Клавдия: вера движет горами. Она может сдвинуть и твою болезнь. Главное, произнеси с верой Божье обетование и провозглашай победу!»

Следующие несколько дней, лежа в кабинете с металлическими стенами, Клавдия пыталась «поймать веру за хвост», но ей казалось, что она чего-то недопонимает. У нее не было сомнений, что Бог обладает великой силой. Дело было лишь в том, чтобы убедить Его в искренности своей веры. Но Клавдии думала, что вера не похожа на мышцу, которую можно накачать при помощи специальных упражнений — вера представлялась ей чем-то неосоздаваемым, непостижимым, неуловимым. Одна лишь мысль об «овладении верой» вызывала у Клавдии чувство усталости. Она просто не понимала, что от нее требуется!

Самая высокодуховная прихожанка принесла стопку книг о том, что нужно славить Бога за все происходящее. «Клавдия, должен наступить момент, когда ты сама себе скажешь: Боже, я люблю Тебя за то, что Ты заставляешь меня вот так страдать! Такова Твоя воля. Ты знаешь, что для меня полезнее. Слава Тебе за то, что Ты меня так сильно любишь и позволяешь пройти через эти испытания. Не сказано ли: «За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия»? (1 Фес 5:18)».

Эти слова наполнили голову Клавдии гротескными изображениями Бога. Ей привиделась фигура, похожая на тролля — но только тролля, величиной со Вселенную, — который получал удовольствие от того, что мял беспомощных человечков пальцами, растирал их в порошок между

ладонями, швырял о камни... И существо это мучило бедных человечков до тех пор, пока они не начинали орать: «Боже, я люблю Тебя за то, что Ты так со мной поступаешь!» Подобная мысль вызвала у Клавдии возмущение. Она понимала, что любить такого Бога не способна.

Следующий посетитель — священник из церкви Клавдии — заставил ее почувствовать, что она — одна из избранных. Он сказал: «Клавдия, Бог назначил тебе пострадать за Христа. И Он вознаградит тебя за это. Бог избрал тебя за твою силу и цельность. По той же причине Он избрал и Иова. Бог использует тебя как пример для других. В зависимости от того, как ты поведешь себя в страдании, вера других людей возрастет или ослабнет. Ты — избранная! Так что не горюй. То, что нам кажется несчастьем, Богу видится благоприятной возможностью». Он посоветовал Клавдии представлять себя чемпионкой-бегуньей, а беды — всего лишь препятствиями на беговой дорожке, через которые требуется перепрыгнуть на пути к победному финишу.

Мысль об избрании и мученичестве польстила Клавдии — на нее нахлынуло приятное чувство жалости к себе. Но когда в следующий раз она испытывала боль, когда ее рвало, когда зеркало показывало ей, как она состарилась, Клавдия чуть не кричала: «Боже, зачем Ты избрал меня? На свете живут миллионы христиан, которые сильнее и лучше меня! Почему Ты не выбрал одного из них?» И она никак не могла почувствовать себя бегуньей. Ей было непонятно, почему Бог, если Он ее действительно любит, выставил на беговой дорожке так много препятствий.

Я тоже навестил Клавдию и увидел, что она совершенно запуталась после столь противоречивых «утешений». Какие уроки ей следует извлечь из происходящего? Как обрести достаточно веры? Кого слушать? Кому верить? В тот момент Клавдии было ясно лишь одно: счастливая жизнь с Джоном все дальше отступает в прошлое. Но Клавдия этого не хотела. А мне нечего было ей посоветовать. После разговора с ней у меня тоже появилась масса вопросов. Почему Клавдия лежит на больничной койке, а я стою рядом с ней — совершенно здоровый? Когда она пересказывала советы посетителей, меня охватил ужас: неужели назначение христианства — усугублять страдания?

В то время я работал в молодежном журнале, а заодно подрабатывал в других газетах и журналах. За короткий отрезок времени я написал для журнала «Ридерз Дайджест» шесть небольших очерков на тему «Жизненные трагедии». Мне довелось брать интервью у молодой канадской пары: обоих супругов покалечил медведь. Оба выжили, но молодой человек лишился глаза, а шрам на его лице невозможно было убрать никакими усилиями пластических хирургов. В другом городе двое молодых людей рассказали мне о том, как в детстве они отправились с отцом в поход. Неожиданно началась снежная буря. Путешественники наспех вырыли пещеру в снегу. Вход в пещеру отец закрыл своим телом. В ту ночь он замерз до смерти.

И все эти люди рассказывали мне о своих «утешителях». Человек с ампутированными конечностями заметил: «Больше всего мне досталось от моих верующих друзей. Они чуть не довели меня до депрессии». Рассказы о таких «целителях души» очень меня встревожили. Что-то здесь неправильно! Вера, у истоков которой стоит Великий Целитель, в кризисные периоды жизни должна нести людям мир, а не смятение.

Почему люди так страдают? И что говорит о страдании Библия? После беседы с Клавдией и подобными ей людьми я начал исследования, в результате которых появилась эта книга. Я старался понять: как мы — христиане — можем утешить тех, кто страдает? И одновременно искал в страдании то, что смогло бы укрепить мою собственную веру. Где Бог, когда мне больно и плохо? Действительно ли посредством страданий Он пытается что-то мне сказать?

Личный подход

Немецкий священник и богослов Гельмут Тилике долго путешествовал по США. После поездки его спросили, каков, по его мнению, самый большой недостаток американских христиан. Он ответил: «Они неадекватно воспринимают страдание». Я вынужден с ним согласиться.

Этот недостаток в значительной мере отвращает людей от христианства. Я расспрашивал студентов, чем им не нравится христианская религия. Большинство из них преткнулись о христианское восприятие страданий: «Я не способен верить в Бога, который допустил Освенцим и истребление народа Камбоджи», «Несмотря на молитвы христиан, моя сестра умерла от лейкемии. А ей было всего четырнадцать лет!»,

«Вчера половина людей земли заснули голодными — о какой христианской любви можно говорить?»

Ничто не вызывает столь живого отклика, как страдания ближних. Разве люди засиживаются до рассвета на кухне, заполненной клуби ми табачного дыма, обсуждая особенности осязания или

обоняния человека? А ведь обоняние — прелюбопытнейшая штука! Откуда оно у нас взялось? Зачем Бог наделил им Свое творение? И почему запахи в природе распределены так неравномерно: розы, например, пахнут очень сильно, а кислород вообще не имеет запаха? Почему нюх собаки в восемь раз сильнее обоняния человека? Это нечестно! Не странно ли, что людей не трогает проблема удовольствий? Почему, например, мы принимаем приятные ощущения как должное, но неистово протестуем против боли?

Я начал изучать литературу по проблеме страдания и обнаружил: она стала камнем преткновения для многих великих философов. Они не возражали ни против принципов христианства, ни против его нравственных норм. Христианство отталкивало их трактовкой проблемы страданий. Английский философ и публицист Сирил Джоуд писал: «Итак, какие же доводы не дают мне принять христианский взгляд на Вселенную?.. В первую очередь — наличие в нашем мире боли и зла». Подобную позицию разделяли и другие философы, например, Вольтер и Бертран Рассел.

Вопрос о боли и страданиях — тяжелый и мучительный. Но он встает перед нами вновь и вновь: несмотря на умствования ученых мужей, пытающихся дать на него изящный и законченный ответ, решить его не смог никто.

Наиболее емкое исследование по этому вопросу принадлежит известному английскому писателю Клайву Стейплзу Льюису. Книга «Страдание» написана блестящим мыслителем. Однако прошло время, и из-под пера Льюиса вышло еще одно произведение о страдании — эссе «Боль утраты. Наблюдения», которое он написал после смерти жены. Она умерла от рака. Свои размышления Льюис опубликовал под псевдонимом. Льюис задает себе те же вопросы, которые были подняты и в книге «Страдание», но теперь он отвечает на них иначе. В начале главы я привел цитату из этого эссе. От уверенности Льюиса не осталось и следа. Писателя переполняют переживания. Более того, они его захлестывают. «Вы никогда не узнаете, насколько сильна ваша вера во что бы то ни было, пока ее истинность не станет для вас вопросом жизни или смерти», — так писал Льюис.

Мы становимся похожи на Геркулеса, ведущего битву с многоголовой лернейской гидрой: находим все новые аргументы, чтобы оспорить доводы агностиков, но каждый наш аргумент разбивается о все новые примеры людских страданий. Страдание подобно вопросительному знаку, который рыболовным крючком впился в человеческое сердце. Как часто христианская апологетика выливается в жалкие извинения, превращается в смущенные расшаркивания!

Загадка страдания — одна из неразрешимых тайн. А философы сплошь и рядом пытаются подойти к ее решению с позиций логики, словно она — математическая задачка. Но моя книга не для философов, для них пишут писатели другого уровня. Когда пишу я, у меня перед глазами — прикованная к больничной кровати Клавдия Клэкстон. Человека, столкнувшегося со страданием, логические умозаключения волнуют меньше всего. Наши страдания реальны, как реальны были страдания Клавдии: утрата красоты и молодости, покрытая язвами глотка, страх неизвестности. А если — смерть? А что будет с ее мужем? От собратьев-христиан Клавдия выслушала много противоречивых советов. Но можно ли им верить?

Прежде чем приступить к работе над этой книгой, я беседовал с христианами, прошедшими через такие страдания, которые многих никогда не коснутся. Образ жизни им диктовала боль. Их день начинался с боли и ею заканчивался — если им, конечно, удавалось заснуть. А потом судьба столкнула меня с людьми, больными проказой. Они не ощущали физической боли, но отчаянно жаждали ее почувствовать. Эти страдальцы стали моими проводниками — они ввели меня в мир страдания, они показали мне, что значит в этом мире вера во Христа.

Прежде всего я хочу взглянуть на боль глазами биолога: образно выражаясь, рассмотреть ее под микроскопом, понять, какую роль она играет в жизни человека. Затем я попытаюсь взглянуть на мир с высоты птичьего полета. Меня интересует «вид сверху», Божий замысел. Неужели Бог совершил ошибку и боль — Его грандиозный промах? А напоследок я задам вопрос: как следует реагировать на страдания — и наши собственные, и наших близких? Как и чем помочь страдальцам?

Возможно, когда я в очередной раз свалюсь от гриппа и буду метаться в жару по постели, все мои выводы о боли покажутся мне неверными и неутешительными. Зато, работая над этой книгой, я, как христианин, пытающийся постичь замысел Бога о мире, узнал очень многое. Я стал лучше понимать смысл боли и страдания. Мое отношение к Богу изменилось.

Часть 1 Зачем нужна боль?

Глава 2 Нежеланный дар

Симптомы и болезнь — не одно и то же. Болезнь существует задолго до симптомов. Симптомы — не начало заболевания, а начало исцеления. Сама их болезненность и нежелательность только подтверждает, что они есть проявление благодати — дар Бога, послание от бессознательного с призывом начать исследование и изменение себя. Морган Скотт Пек. «Непроторенная дорога»

Я сижу в великолепном концертном зале Чикаго. Только что я с радостным воодушевлением слушал произведения Моцарта и Бетховена. Теперь настал черед длинного и сложного концерта Прокофьева. Прокофьев — совсем другое дело. Кровь, до этого притекавшая к голове, уже отлила к желудку, который переваривает воскресный завтрак. Я начинаю клевать носом.

В зале тепло и душно. Постепенно звуки разных инструментов начинают сливаться в монотонный гул. Веки наливаются свинцом. Спохватившись, я оглядываюсь вокруг и вижу множество разодетых любителей музыки, которых уже сморил сон. Тогда решаю и я: подперев голову рукой и опершись на подлокотник кресла, я проваливаюсь в дрему. Музыка замирает где-то вдали...

Бах! Мои руки–ноги раскинулись в разные стороны, плащ упал на пол. Зрители на соседних сиденьях бросают на меня неодобрительные взгляды. Я смущенно поднимаю плащ, усаживаюсь прямо и пытаюсь вслушаться в музыку. В висках у меня пульсирует кровь.

Что произошло? Когда меня охватила сладкая дрема, мой организм оставался на страже. Сознание отключилось, но рефлекторная система продолжала бодрствовать. Во внутреннем ухе есть орган равновесия — полукружные каналы, которые заполнены жидкостью и выстланы чувствительными волосками. Когда голова стала наклоняться вперед, волоски уловили, что я вот-вот потеряю равновесие. Голова уже почти стукнулась о спинку стоящего передо мной кресла — и тут внутреннее ухо просигналило тревогу. И руки внезапно раскинулись в стороны, голова резко дернулась вверх, а тело судорожно подскочило в кресле. Цирковой трюк, вызвавший всеобщее осуждение, был всего-навсего экстренной мерой, предпринятой организмом: нервная система попыталась предотвратить падение. Вот какие сложные процессы происходили в моем организме, когда я плавно погружался в сон.

Болевая система подчиняется примерно тому же механизму, что и сигнальная система органа равновесия, которая сработала в концертном зале. Датчики боли предупреждают мое тело об опасности — БОЛЬНО! — и я тут же обращаю внимание на поврежденный орган.

Знаки Творца

Но, несмотря на явную пользу, которую приносят многочисленные «предупреждающие датчики», люди не ценят болевую сигнальную систему. Она — предмет жалоб и объект неприязни. Мне еще не довелось прочесть ни одной поэмы, восхваляющей достоинства боли, или полюбоваться воздвигнутым в ее честь памятником. Мне не приходилось слышать посвященного ей гимна. В лучшем случае боль воспринимают как досадную неприятность.

Те, кто верит в любящего Создателя, плохо представляют себе, как истолковать смысл боли. В минуту отчаяния многие христиане готовы признать, что считают изобретение боли ошибкой Творца. И в самом деле, Он мог бы придумать более комфортный способ передачи сигналов опасности. Прежде я был согласен с этой точкой зрения.

Но сейчас я убежден, что дурную славу боль приобрела совершенно незаслуженно. Мне кажется, нам не хватает стихов, памятников и гимнов, прославляющих боль. Почему мой взгляд изменился? Потому что при пристальном изучении, при рассмотрении под микроскопом, болевая

сигнальная система организма открывается с другой стороны. В своих размышлениях о боли я буду отталкиваться от ее роли в организме человека. Зачем мне нужна боль? Что хочет сказать мне организм, когда у меня что-то болит?

Итак, отправная точка моего исследования — боль крупным планом. О фундаментальной функции боли забывают те, кто с негодованием вопрошает: «Где Бог, когда я мучаюсь от боли?» Я проштудировал множество философских и богословских трудов, посвященных вопросам боли. И что? Авторы в лучшем случае приходят к формальному признанию, что боль способна выполнять ряд полезных биологических функций. Но болевая сигнальная система заслуживает гораздо большего внимания: ведь она говорит о гениальном замысле Творца.

Давайте взглянем лишь на один орган человеческого тела — кожу. Эта эластичная и в то же время прочная одежда покрывает все тело, защищая его от неисчислимых опасностей окружающего мира. На поверхности кожи сосредоточены миллионы нервных рецепторов — болевых датчиков. Болевые рецепторы не разбросаны в случайном порядке — их расположение соответствует нуждам тела.

Ученые исследовали чувствительность кожи человека. Во время опытов они завязывали глаза испытуемым (беднягам студентам–медикам) и измеряли различные параметры. Например, при каком минимальном давлении человек ощущает прикосновение к коже постороннего предмета. В результате была получена шкала значений *абсолютного порога чувствительности*, выраженных в граммах на квадратный миллиметр поверхности кожи:

Кончик языка чувствителен к давлению в 2 грамма
Пальцы — 3 грамма
Тыльная сторона кисти — 12 граммов
Задняя сторона предплечья — 33 грамма
Подошва ноги — 250 граммов

Мы видим, что для кожи, хотя она и является единым органом, характерен широкий диапазон чувствительности к внешнему давлению. Языком мы продельываем весьма замысловатые действия: произносим слова или выковыриваем из зубов остатки пищи. Пальцами перебираем струны гитары, пишем письма и ласкаем любимых. Соответственно, чувствительность кожи в этих зонах должна быть высока.

Что касается менее деликатных областей, то вряд ли им нужна столь высокая чувствительность. Если бы кожа стопы столь же тонко воспринимала малейшее давление, то мозг, вынужденный постоянно прислушиваться к ее сигналам, быстро переутомился бы. На стопу все время воздействует множество раздражителей! Человек идет, на ногу давит обувь, стопа чувствует вес тела. Так что если пальцы или кончик языка способны ощутить нежное прикосновение перышка, то другим частям тела потребуется хороший шлепок, чтобы они уловили сигнал и передали его в мозг.

Исследования порога чувствительности лишь немного приоткрывают нам удивительные свойства болевой сигнальной системы. Оказывается, в разных ситуациях кожа воспринимает силу давления по-разному. Например, взяв в одну руку письмо весом в тридцать граммов, а в другую — в тридцать пять, я смогу сказать, какое из них тяжелее. Но если у меня в одной руке пакет весом пять килограммов, а в другой — пакет на тридцать граммов тяжелее, то разницы между ними я не почувствую. Пожалуй, я смогу ощутить разницу только в триста и более граммов.

В другом тесте определяли *абсолютный болевой порог*. Ученые измеряли минимальную силу, которую нужно приложить к игле, чтобы человек почувствовал боль. Болевые ощущения в различных органах возникают при давлении:

Роговица — 0,2 грамма
Предплечье — 20 грамм
Тыльная сторона кисти — 100 граммов
Подошва ноги — 200 граммов
Кончик пальца — 300 граммов

Обратите внимание на то, как эти данные отличаются от значений абсолютного порога чувствительности. Особенно разительны отличия в чувствительности кончиков пальцев: они способны ощутить давление в три грамма, но пока оно не превысит триста грамм, пальцы не почувствуют боли! Почему? Подумайте о тех действиях, которые выполняют пальцы. Возьмем

скрипача–профессионала. Чтобы звук скрипки был богатым и выразительным, его пальцы должны оказывать на струны давление широчайшего диапазона. Или взгляните на умелого пекаря. Вымешивая тесто руками, он способен уловить разницу в консистенции, даже если эта разница составляет всего два процента! В текстильной промышленности специалисты на ощупь определяют качество тканей. Кончики пальцев текстильщика должны быть крайне чувствительны к мельчайшим отличиям в фактуре материала.

Однако одной чувствительности недостаточно: чтобы выдерживать большие нагрузки, кончики пальцев должны быть достаточно жесткими. Представьте себе грубые ладони плотника или опытного теннисиста. А теперь подумайте, какой была бы их жизнь, если бы кончики пальцев при каждом ударе топора или при крепком сжатии ракетки посылали мозгу отчаянный болевой сигнал. Получается, человеческое тело устроено таким образом, что кончики пальцев крайне чувствительны к давлению, но относительно невосприимчивы к боли.

Совсем другое дело — роговая оболочка глаза. Чтобы пропускать свет, роговица должна быть прозрачной. Соответственно, в ней мало кровеносных сосудов, и она очень уязвима. Небольшое повреждение чревато слепотой, а попадание любого инородного тела, будь то заноза или песчинка, представляет серьезную угрозу. Неудивительно, что между болевыми датчиками роговицы и мозгом существует «горячая линия».

Я был свидетелем того, как начало бейсбольного матча на чемпионате Соединенных Штатов было отложено из-за мелкой неприятности: питчеру в глаз попала ресница. Судьи и полевые игроки сгрудились вокруг питчера и ждали, пока он, глядя в зеркало, вынимал волосок. Он не мог играть, пока в глазу оставался источник боли. Та же самая ресница, попавшая в нос или на руку, или любую другую часть тела, осталась бы незамеченной.

Колики, камни в почках и головная боль от мороженого

Если заглянуть внутрь человеческого организма, то мы найдем еще больше доказательств разумного устройства болевой системы. Уколы иглами и тепловое воздействие — излюбленные методы исследователей боли — при изучении внутренних органов не работают. На внешние раздражители наши внутренности никак не отзываются. И неудивительно. Если кожа предназначена именно для того, чтобы предупреждать о порезах, ожогах и ударах, то внутренние органы могут спокойно обойтись без подобной системы оповещения.

Внутри тела картина совершенно иная. Можно пламенем спички обжечь стенку желудка или проткнуть иглой легкие. Можно резать ножом мозг. Можно сжимать в тисках почки или сверлить кости. И все это не причинит пациенту ни малейшего дискомфорта. Болевые сигналы в этих случаях излишни — кожа и скелет защищают внутренние органы от подобных нападений.

Вместо этого органы, надежно укрытые внутри тела, снабжены собственной системой болевых рецепторов, которые реагируют на специфические угрозы. Допустим, врач введет в мой желудок резиновый шар и начнет наполнять его воздухом, чтобы слегка расширить желудок. Мозг тут же получит болевой сигнал — желудочные колики. Система безопасности желудка создана по особому заказу, и она полностью отвечает нуждам этого органа. Для почек — свой проект: образовался в почках камень размером с горошину, и они шлют в мозг сигналы о мучительной боли. А соединительная ткань суставов совершенно нечувствительна к уколам или порезам, но мгновенно реагирует на действие некоторых химических препаратов.

Случается, что внутренний орган сообщает мозгу о такой опасности, которую его болевые датчики почувствовать не в состоянии. Как это происходит? Как ему удастся предупредить мозг? В этом случае работает замечательный механизм *отраженной боли*. Чтобы просигнализировать об опасности, орган использует ближайшие болевые рецепторы. Известно, что при сердечном приступе люди часто жалуются на неприятные ощущения в области шеи, груди, челюсти или левой руки. Клетки кожи в этих местах здоровы, но они исправно посылают в мозг сигналы опасности, как будто с *ними* что-то неладно. Реальным виновником тревоги в данном случае является близлежащий орган — сердце. Кожа как бы одалживает свои болевые датчики сердцу и выступает в роли ретранслятора.

Когда в жаркий день лакомишься мороженым и поглощаешь его слишком быстро, сталкиваешься с удивительным явлением: начинает вдруг ломить лоб и глаза. Понятно, что мороженое никак не могло проникнуть в голову. Что же происходит? Блуждающий нерв из желудка посылает в мозг отчаянные сигналы о переохлаждении. Достигнув места соединения блуждающего нерва с тройничным, расположенным в области лица, сигнал боли переходит с одного нерва на другой. В результате холод в желудке отзывается болью в голове.

Нередко отраженная боль затрудняет постановку верного диагноза. Так, повреждение селезенки способно вызвать болевые ощущения в левом плече. Воспалившийся аппендикс умеет задействовать болевые рецепторы в любой области живота. Травма шеи часто отзывается болью в руке. Все эти примеры ясно свидетельствуют, что в человеческом организме прекрасно налажена работа системы-дублера, цель которой — предотвратить все возможные повреждения и болезни.

Загляните в медицинские библиотеки — сколько книг написано об удивительной болевой системе человеческого организма! Я рассказал лишь самую малость. Но даже те факты, которые я упомянул — продуманное распределение болевых рецепторов, соответствие между уровнем чувствительности и функцией органа, запасной механизм отраженной боли, — убеждают меня, что болевая система не могла возникнуть случайно.

Боль — это не скороспелая идея Создателя и не Его грандиозная ошибка. Боль — часть Божьего замысла об устройстве человеческого тела. Боль дана нам для нашего же блага. Боль необходима для нормального существования не меньше, чем зрение или нормальный обмен веществ. Без боли, как мы увидим, жизнь человека была бы полна опасностей и лишена многих привычных удовольствий.

Без боли — никуда?

Я начал восхищаться устройством болевой системы с тех пор, как познакомился с доктором Полом Брэндом. Я наткнулся на его имя в 1975 году, когда впервые заинтересовался вопросом боли. К тому времени я прочитал уже много книг по этой проблеме. Однажды моя жена откопала брошюру с необычным названием «Дар боли». Автор — доктор Брэнд. Вскоре после этого мы с доктором встретились в лепрозории в Карвилле, штат Луизиана. С тех пор мы начали сотрудничать и вместе написали три книги.

Работа доктора Брэнда принесла ему широкое признание. Он стал лауреатом премии фонда Альберта Ласкера Службы здравоохранения США. Королева Елизавета II отметила его заслуги, пожаловав ему звание Капитана Британской Империи. И все же наибольшую известность Пол Брэнд приобрел благодаря своей деятельности «в защиту» боли. Без тени сомнения доктор Брэнд провозглашает: «Благодарение Господу за то, что Он создал боль! Лучшего и придумать невозможно. Боль — это шедевр Творца!» Доктор Брэнд — ведущий мировой специалист по такому заболеванию нервной системы, как проказа. И у него есть все основания для того, чтобы считать боль ценнейшим даром.

Однажды доктор Брэнд получил целевой грант в несколько миллионов долларов. Перед ним стояла задача — спроектировать искусственную сигнальную систему, имитирующую передачу боли. Он прекрасно знал, что люди, страдающие проказой или диабетом, постоянно живут под угрозой: они могут потерять не только пальцы на руках и ногах, но и сами конечности. Причина в том, что их система оповещения молчит. Получается, что люди наносят себе раны и причиняют своему телу вред, а сами об этом не знают. Мысль разработать некую искусственную болевую систему выглядела очень заманчиво. Ведь она оградила бы больных людей от многих серьезных опасностей.

Во время работы над этим проектом доктору Брэнду пришлось примерить на себя функции Создателя, ведь от него требовалось предвосхитить потребности человеческого организма. В помощь себе доктор набрал целую команду профессионалов: три специалиста по электронике, специалист по биотехнологии, несколько биохимиков. Эта команда решила сосредоточить свои усилия на создании имитатора болевой системы для кончиков пальцев — пальцы очень активны и наиболее подвержены повреждениям. Творческая группа разработала нечто вроде искусственного нерва — своего рода передатчик, чувствительный к внешнему давлению. Его можно было надевать на руку, как перчатку. Избыточное давление на электронный нерв замыкало электрическую цепь, и тогда звучал сигнал тревоги.

Во время работы доктор Брэнд и его коллеги столкнулись с рядом технических трудностей. Чем дальше они углублялись в исследование нервных окончаний, тем сложнее выглядела их задача. При каком давлении датчик должен включать предупредительный сигнал? А что если при одном и том же приемлемом уровне давления, человек хватается в одном случае за перила, а в другом — за колючий куст? Как механический прибор сможет уловить разницу? Как отрегулировать датчик, чтобы можно было заниматься тяжелым физическим трудом или, скажем, играть в теннис?

Брэнд узнал, что восприятие боли нервными клетками меняется в зависимости от потребностей организма. К примеру, если на пальце вскочил нарыв, чувствительность пальца возрастает в десятки раз. Вот почему воспалившаяся заусеница постоянно привлекает внимание, да и сам палец становится неловким: тело как бы подсказывает, что палец надо поберечь. Получается,

что нервные клетки умеют сами усиливать «громкость» боли. В итоге организм замечает появление малейшей царапины. Ученые, даже имея неограниченное финансирование и самые современные технологии, не в состоянии воспроизвести подобное совершенство.

Рукотворные сенсоры стоили порядка пятисот долларов за штуку. Но чтобы защитить одну ногу или руку, их требовалось достаточно много. К тому же металлические детали сенсоров оказались подвержены коррозии. Чем дальше продвигалась работа, тем большее восхищения вызывало у доктора Брэнда и его сотрудников устройство болевой системы человеческого тела. Она состоит из нескольких сотен миллионов клеток, которые не требуют специального обслуживания и работают в активном режиме на протяжении всей жизни человека.

Сначала доктор Брэнд попытался придумать такую искусственную болевую систему, которая не причиняла бы пациенту реальной боли. Он знал: философы жаловались на несовершенство сотворенного мира. Они упрекали Бога в том, что Он не создал нервной системы, которая защищала бы от опасностей, но не причиняла бы при этом боли. У Брэнда была возможность улучшить изначальный замысел Творца и создать безболезненную защитную систему.

Поначалу команда Брэнда решила, что сигнал об угрозе будет звуковым. По их замыслу, звук должен был передаваться через слуховой аппарат — слабое жужжание, когда давление на ткани не превышает допустимую норму, и громкое гудение, когда оно становится опасным. Но выяснилось, что на звуковой сигнал человек должного внимания не обращает. Вот пациент с поврежденной рукой слишком сильно налегает на отвертку — раздается громкий предупредительный сигнал. Но пациент, словно не слыша звук, продолжает орудовать отверткой. И это не единичный случай, а обычное явление. Для людей, которые не чувствуют боли, звуковой сигнал оказался недостаточно убедительным.

Тогда ученые решили попробовать в качестве сигнала мигающий свет. Но вскоре им пришлось отказаться и от этой идеи. Причины были те же самые. В конце концов пришли к мысли об электрическом разряде. К подмышечной впадине пациента, которая еще не потеряла чувствительности, подсоединили электроды. И что же? Удар током *заставлял* пациента реагировать на сигнал. Оказалось, что безболезненного предупреждения об опасности явно недостаточно. Сигнал должен быть неприятным — как, собственно, неприятна и сама боль.

«Мы выяснили, что сигнализатор должен находиться вне досягаемости пациента, — говорит Брэнд. — Даже образованные люди, намереваясь совершить нечто, способное активировать сигнализатор, склонны его отключать. Потом, когда угроза получить неприятный удар током минует, они снова включают систему безопасности. Вот я и подумал: как мудро поступил Бог, лишив человека способности контролировать боль».

После пяти лет труда, потратив несколько миллионов долларов, Брэнд и его помощники оставили работу над проектом. Система предупреждения оказалась непомерно дорогой, причем ее механические детали часто выходили из строя. К тому же система не позволяла адекватно распознавать большинство ощущений, и с этим ничего нельзя было поделать. Естественная система оповещения, так часто называемая «грандиозной ошибкой Бога», оказалась слишком сложной. Ее не удалось воспроизвести даже при помощи самых современных технологий.

Вот почему доктор Брэнд может совершенно искренне заявить: «Благодарение Богу за боль!» Боль по определению — штука неприятная. Достаточно неприятная, чтобы принудить человека отдернуть руку от горячей плиты. Но именно это свойство боли и спасает человека от саморазрушения. Если предупредительный сигнал не требует немедленной реакции, мы склонны не обращать на него внимания.

Прислушайтесь к боли

Какова привычная реакция цивилизованного человека на боль? При малейшем недомогании он, чтобы заглушить неприятные ощущения, принимает анальгетик. Но такой подход направлен на снятие симптомов, а не на решение проблемы. Нельзя отключать сигнализацию, не выяснив, о чем она нас предупреждает.

Трагический случай — пример пренебрежения сигналом тревоги — произошел во время одного из баскетбольных матчей НБА. У ведущего игрока, Боба Кросса, была сильно повреждена лодыжка. Но, несмотря на травму, он хотел играть. Зная, что на решающей игре Кросс очень нужен команде, врач сделал Бобу массивное обезболивание — три укола сильного анальгетика в разные области ноги. Кросс вышел на площадку, но уже через несколько минут, когда завязалась активная борьба под щитом, раздался громкий треск. Его слышали все. В азарте борьбы Кросс ничего не заметил, он даже пробежал пару раз по площадке и вдруг упал. Он не ощущал боли, но лодыжка была сломана. Врач при помощи анестезии заглушил болевой сигнал. Это привело к серьезной

травме ноги и окончанию спортивной карьеры баскетболиста.

Боль — это не ошибка Бога. Боль — это Его дар. Но дар для нас чаще всего нежеланный. Боль следует рассматривать прежде всего как средство обеспечения безопасности. Вспомните неловкий случай, который произошел со мной на концерте. Тогда система оповещения уберегла меня от падения. Вот так и поразительная система болевых датчиков тоже всегда на чеку — ее задача не допустить вреда телу.

Не скажу, что всякая боль хороша. Порой она вспыхивает с такой силой, что жизнь становится не мила. Для человека, страдающего артритом или находящегося на последней стадии рака, боль — часть жизни. И в этом случае любое облегчение боли, не говоря уже о переходе в мир, где ее не будет, покажется раем. Но обычно болевая система выполняет повседневные защитные функции. Надо сказать, что ее устройство позволяет человеку успешно сохранять жизнь на нашей во многом враждебной планете.

Вот что говорит доктор Брэнд: «Причина недовольства болью может быть только одна: ее нельзя отключить. Боль способна разбушеваться с огромной силой. Она мучает умирающих раковых больных — несмотря на то, что ее сигналы услышаны и нельзя ничего сделать, чтобы устранить причины боли. Но как врач я уверен: к категории боли, помочь которой нельзя, относится менее одного процента всех случаев возникновения болевых симптомов. Девяносто девять процентов случаев — это кратковременная боль, которая указывает на то, что требуется лечение, отдых или изменение образа жизни».

Вы скажете: хорошо, но восприятие боли как Божьего дара не решает проблем, связанных со страданием. Однако взглянув на боль именно как на благодатный дар, мы обретаем возможность подойти к вопросу страдания реалистично. Ведь психологический дискомфорт, который человек испытывает при сильной боли, мешает ему увидеть непреходящую ценность этого мучительного ощущения.

Человек, сломавший руку и пачками глотающий анальгин, чтобы заглушить боль, вряд ли будет благодарить Бога. Но ведь именно в эти минуты боль приводит организм в боевую готовность, мобилизует защитные силы, стягивает их в район повреждения и заодно вынуждает больного воздержаться от тех занятий, которые могут усугубить травму. Боль привлекает внимание человека к больному органу, требует позаботиться о нем.

Глава 3 Ад без боли

Над шрамом шутит тот, кто не был ранен.

Вильям Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Человек испытывает боль. Чего он больше всего хочет в этот момент? Конечно, чтобы боль прекратилась. С этим не поспоришь. Так для чего же доктор Брэнд и его коллеги тратили время и силы, пытаясь воссоздать боль, в то время как большинство медиков стараются ее заглушить?

Я много узнал о том, как действует болевая система человеческого организма, и пришел к выводу, что она действительно является даром. Но чтобы преодолеть мое инстинктивное неприятие боли, одних знаний оказалось недостаточно. Неделя, проведенная мной в Луизиане с доктором Брэндом, этим защитником боли, развеяла мои последние сомнения.

Доктор Брэнд осознал ценность боли, когда начал работать с прокаженными. Именно благодаря его исследованиям стало ясно, что больные проказой страдают прежде всего из-за нарушений в болевой системе.

Слово «проказа» вызывает жуткие образы: культя, язвы на теле, ампутированные конечности, изуродованные лица. Если судить по книгам и фильмам, таким как «Бен Гур» и «Бабочка» (хотя в них есть масса неточностей), то проказа представляется жесточайшим бедствием. Проказа — самая древняя из известных болезней, она издавна наводила на людей ужас. На протяжении веков прокаженные обязаны были сообщать о своем приближении колокольчиком, трещоткой или криками: «Нечист! Нечист!»

Проказа и на самом деле жестокая болезнь, но жестокость ее проявляется не так, как у большинства других заболеваний. В начале она действует как обезболивающее средство: поражает болевые клетки на руках и ногах, в носу и ушах. Кожа утрачивает чувствительность. Вы, наверное, думаете: и что в этом плохого? Ведь болезни пугают людей именно болью. Чем же страшна болезнь, которая боли не несет?

Но именно потеря чувствительности становится причиной разрушения тканей. Она и налагает на человека легендарное клеймо проказы. На протяжении тысячелетий люди считали, что

появление язв на руках, ногах, лице вызывается самой болезнью. Новаторские исследования доктора Брэнда, проведенные им в Индии, показали: проказа вызывает лишь утрату чувствительности кожи. Разложение тканей является следствием того, что болевая система предупреждения перестает работать. А по мере развития болезни человек теряет конечности.

Как возникают повреждения? Этот вопрос доктор Брэнд задавал себе тысячу раз, обрабатывая раны на руках индийских крестьян. Казалось, все бесполезно.

Он лечил и перевязывал раны, а через несколько месяцев те же люди приходили к нему с еще более страшными травмами. Вначале доктор Брэнд, как и другие исследователи, полагал, что возбудитель проказы действует подобно грибку, повреждая все ткани без разбора.

Однако вскоре доктор Брэнд стал дотошно расспрашивать пациентов о тех действиях, которые могли привести к повреждению тканей. Однажды он с ужасом увидел, как больной проказой сунул руку прямо в раскаленные угли, чтобы вытащить печеную картофелину. Брэнд знал: ему предстоит лечить язвы и болячки на руках этого индуса, и причиной поражения рук будут ожоги, а не проказа. Этот крестьянин, не способный чувствовать боль, не моргнув глазом, позволил пламени оставить на руках страшные ожоги.

Тогда-то доктор Брэнд и начал внимательно следить за своими пациентами. Каким образом они наносили себе увечья? Однажды он увидел мужчину: тот вскапывал грядки, не обращая внимания на струившуюся по руке кровь. Брэнд осмотрел лопату. Из ее черенка, в том месте, где лежала рука крестьянина, торчал гвоздь. Другие пациенты могли голый рукой погасить фитиль лампы или спокойно пройти босиком по битым стеклам. Наблюдая за ними, Брэнд понял: проказа вызывает главным образом потерю чувствительности тканей и является лишь косвенной причиной их инфицирования. Это было революционное открытие. Однако, чтобы опровергнуть распространенные медицинские стереотипы, доктору Брэнду нужно было собрать дополнительные данные.

Как-то раз доктор Брэнд отправился на маленький склад, находившийся позади больницы. Он попытался открыть дверь, но ржавый замок не поддавался. В эту минуту мимо проходил один из самых юных его пациентов — тщедушный мальчонка лет десяти. Брэнд любил его за добродушный нрав и дружелюбие.

«Господин доктор, позвольте мне», — сказал мальчик, ухватил ключ и резким движением руки повернул его в замке. Брэнд онемел от изумления. Как этот хилый подросток, едва ли ему по пояс, смог проявить такую силу?

И тут врач заметил предательскую каплю крови, которая и привела его к разгадке. Брэнд осмотрел указательный палец мальчика: на нем зияла глубокая, до кости рана — кожа висела, обнажив сухожилия и сустав. Вот какой ценой дался поворот ключа! А парнишка ничего и не заметил! Для него это ощущение ничем не отличалось от других — покрутить пальцами монетку в кармане или поднять с земли камушек.

После этого случая Брэнд удвоил усилия. Он спешил обосновать гипотезу о том, что проказа является лишь косвенной причиной поражения тканей. Каждый день он осматривал пальцы пациентов и требовал объяснений для каждого волдыря или пореза. Он понял: прокаженные подвергались постоянной опасности из-за своей невосприимчивости к боли.

Очень показательны были травмы ног. Если больной подворачивал ногу, он тут же принаравливался к неудобству и шел дальше, подволакивая конечность. Нет боли — значит, нет и сигнала о том, что лодыжке требуется повышенное внимание и не следует подвергать ее нагрузке. Таким образом, любая небольшая травма приводила к более серьезному повреждению ноги.

Самые непонятные случаи происходили по ночам. Как исчезали части пальцев на руках и ногах, пока пациент спал? Разгадка оказалась весьма печальной: в палаты, окна в которых были всегда открыты, пробирались крысы и отгрызали пальцы мирно спящим людям. Лишь наутро больные замечали «недостачу» и докладывали об этом доктору. В результате появилось строгое правило: каждый пациент, выписывающийся из больницы, обязан был взять с собой кота, который охранял бы его по ночам.

Слушая жуткие истории доктора Брэнда, я понял, почему он с такой убежденностью говорит: «Благодарение Богу за боль!» Для него боль — драгоценный Божий дар, который он всем сердцем желал бы разделить с теми пятнадцатью миллионами человек в мире, которые страдают от проказы.

Проработав двадцать лет в Индии, доктор Брэнд перебрался в научный центр по изучению болезни Гансена (так в медицине называется проказа), расположенный в Карвилле, штат Луизиана, где и продолжил свои исследования.

Там я и встретился с доктором Брэндом впервые. Наше знакомство навсегда изменило мое

отношение к боли. Больница находится в безлюдной местности, поскольку люди до сих пор предвзято относятся к проказе. Карвилль был построен в 1890–е годы на месте заброшенной плантации на болотистых берегах Миссисипи, и добраться до него непросто. (Кстати, эта земля была куплена под предлогом строительства страусиной фермы, чтобы не вызывать протеста со стороны соседей.)

Территория лечебницы для прокаженных составляет около ста пятидесяти гектаров. Здесь есть не только корпуса, оснащенные современным оборудованием, но и поле для игры в гольф, и пруд, в котором много рыбы. Колючая проволока вокруг лепрозория давно снята. Сюда свободно приезжают посетители, трижды в день для них проводят экскурсии.

Приятная обстановка, прекрасный медицинский уход, бесплатное обеспечение новейшими препаратами — на первый взгляд жителям этой тенистой плантации можно только позавидовать. Сегодня медицина научилась контролировать течение болезни и в большинстве случаев купировать ее на ранних стадиях. Однако, как я быстро понял, один страшный симптом болезни остается. Речь идет о потере болевой чувствительности.

Посещение Карвилля

Я приехал в клинику для больных проказой. Два физиотерапевта, медсестра и доктор Брэнд расположились полукругом перед экраном монитора. Им предстоит обследовать трех пациентов.

Вот появился первый из них — гаваец средних лет по имени Лу (имя изменено). Я обратил внимание, что внешние признаки проказы у Лу проявляются сильнее, чем у остальных пациентов центра. Он попал в Карвилль на продвинутой стадии болезни. Брови и ресницы у него выпали, из-за чего лицо кажется неестественно голым. Веки парализованы, глаза полны слез, и поэтому кажется, что Лу непрерывно плачет.

Доктор Брэнд сказал мне, что Лу — практически слепой. Он ослеп из-за того, что не чувствовал боль: крошечные клетки на поверхности глаза перестали посылать сигнал о том, что слизистая раздражена. Но ведь именно этот сигнал и заставляет веко моргать! Лу моргал гораздо реже, чем требовалось, в итоге глаза его постепенно высохли.

Задача предотвращения слепоты у больных проказой стоит в Карвилле очень остро. Несколько пациентов ухитрились повредить глаза во время... умывания: умывались чересчур горячей водой, почти кипятком.

Кроме слепоты, Лу страдает и от других последствий проказы. Ступни Лу — беспальные обрубки. Он лишился всех десяти пальцев из-за случайных повреждений и последующей инфекции. Его руки покрыты глубокими трещинами и грубыми шрамами. Но не это привело его в клинику. Главная проблема оказалась скорее психологической, нежели физической.

Лу ощущал, что дверь между ним и остальным миром постепенно закрывается. Он перестал видеть людей, утратил осязание и уже не чувствовал ни рукопожатия, ни человеческого прикосновения. Лу еще слышал, но пребывал в большой тревоге: новое лекарство, которое он начал принимать, быстро снижало слух.

Дрожащим голосом Лу поведал нам, как страстно любит играть на автохарпе — интереснейшем инструменте, напоминающем электронные гусли. Когда он наигрывает родные гавайские мелодии, его переполняют воспоминания о счастливых днях детства. Искренний христианин, Лу прославляет пением Бога, нередко аккомпанирует в церкви. При игре Лу приходится прикреплять медиатор к тому участку большого пальца руки, который частично сохранил чувствительность. Так он ощущает вибрацию струн и регулирует силу щипка.

Но все же его палец недостаточно чувствителен, чтобы ощутить, когда давление становится опасным. Лу часами упражняется в игре на автохарпе, и на пальце образовалась мозоль, а потом открылась язва. Раньше Лу боялся обратиться в клинику, теперь же врачи стали его последней надеждой. «Может быть, вы поможете мне? Я могу играть на автохарпе, не повреждая пальца?» — его голос с сильным акцентом звучал умоляюще.

Врачи и физиотерапевты всматривались в экран монитора, на котором виднелось тепловое изображение руки Лу: прибор определял температурные зоны и выводил их на экран в виде яркоокрашенных областей.

На экране монитора рука Лу выглядела фантастически: бледно-зеленые, желтые, пурпурные пятна, между ними — все цвета радуги. Холодные зоны окрашены в зеленые и голубые тона. Ярко-красный цвет свидетельствует о воспалении: в эти места устремляется кровь и повышает температуру. Желтый цвет указывает на области повышенной опасности. На термограмме было легко различить единственное чувствительное место на большом пальце Лу — оно желтеет

пятнышком величиной с булавочную головку, потому что от постоянной нагрузки ему грозит воспаление.

Инфракрасная термография произвела в лечении прокаженных переворот. У людей, потерявших чувствительность, впервые появилась возможность получать предупредительные сигналы о состоянии организма. К сожалению, в отличие от болевой системы, этот метод выявляет угрозу лишь после вредоносного воздействия на ткани. Человек со здоровой болевой системой предпринял бы меры намного раньше. Пульсирующая боль в воспаленном пальце не давала бы ему покоя и не позволила бы ничего делать. Но Лу лишен этой роскоши: он был не в состоянии почувствовать, что происходит с пальцем.

Что решил консилиум? Врачи сконструировали специальную перчатку для руки Лу, чтобы ослабить давление медиатора. Доктор Брэнд строго предупредил Лу: необходимо давать пальцу отдых, постоянно носить перчатку и каждые несколько дней проходить осмотр. С этим Лу и отправился домой. Врач-физиотерапевт посмотрел ему вслед без особой надежды: «Лу терпеть не может перчатку. Она мешает ему чувствовать медиатор, и он хуже играет. Скорее всего, через пару дней он ее выбросит».

Перспектива Лу была весьма печальной: его связь с миром и так была тонка из-за утраты осязания, зрения, ухудшения слуха. И вот теперь ему грозило расстаться с последней любовью — музыкой. Не исключено, что когда он недели через две обратится в клинику, воспалительные процессы станут необратимыми и ему придется ампутировать палец. В Карвилле не принуждают к лечению. Но у Лу нет здоровой болевой системы, которая бы его защищала, поэтому пренебрегать предостережениями врачей для него — огромный риск.

Швабра и ботинки

В комнату вошел следующий пациент, Гектор. Его лицо столь не искажено болезнью, как у Лу, но я чуть не ахнул. Я уже привык к необычным цветам на мониторе термографа, но чтобы такое происходило с лицом... Кожа Гектора была синего цвета! Доктор Брэнд заметил мою реакцию и шепнул, что все дело в лекарствах. Препараты сульфонового ряда, обычно применяемые при лечении проказы, на Гектора не действовали. Врачи попробовали новое лекарство, которое, как выяснилось, производит окрашивающий побочный эффект. Гектор охотно пожертвовал своим нормальным цветом кожи в надежде, что новое лекарство остановит болезнь.

Гектор стремился помочь докторам. Растягивая слова, как истинный техасец, он вдумчиво отвечал на все вопросы. Нет, после последнего осмотра проблем у него не было. Однако термограмма показала иное. На ней отчетливо виднелось красное пятно на перемычке между большим и указательным пальцами правой руки. Мозоль скрыла внешние признаки воспаления, но под ней шел процесс нагноения.

Пытаясь отследить ежедневные действия Гектора, врачи устроили ему настоящий допрос. Как он бреется? Как надевает ботинки? Что делает на работе? Играет ли он в гольф? Не играет ли на бильярде? Гектор регулярно совершал какое-то действие и при этом слишком сильно нажимал на область между указательным и большим пальцем. Если не обнаружить это вредоносное движение, травма руки будет усугубляться.

Наконец, благодаря граду вопросов Гектор понял, в чем дело. Он работал кассиром в столовой. После дня спокойной и размеренной работы он помогал с уборкой — шваброй смывал с пола липкие пятна от пролитых напитков. Туда-сюда, туда-сюда — монотонно шаркала швабра, и Гектор не ощущал, что слишком сильно сжимает ручку. В этом и крылась причина повреждения и воспаления мышечных тканей между пальцами. Загадка разрешилась.

Пока Гектор рассыпался в благодарностях перед командой специалистов, физиотерапевт записал: попросить директора столовой найти для Гектора другое занятие.

Подошла очередь следующего посетителя. В отличие от большинства обитателей Карвилля, Хосе одет с иголочки. Брюки идеально отутюжены, хлопковая рубашка подогнана по фигуре. А туфли? Ничуть не похожи на неуклюжую ортопедическую обувь черного цвета, которую носит большинство больных. Модные коричневые туфли Хосе с зауженными носами были начищены до блеска.

Собственно, эти туфли и были виновниками проблемы. Хосе тщательно подбирал себе стильную одежду, поскольку работал на хорошей должности — он продавал дорогую мебель. Врачи Карвилля пытались убедить Хосе, чтобы он перешел на менее модную, но более удобную обувь, но Хосе отказывался. Работа и внешний облик были для Хосе важнее состояния его ступней.

Сейчас, когда Хосе снял туфли и носки, взору открылась ужасная картина. На ступнях не

было и намека на пальцы. За то время, пока инфекция пожирала ступни, костная ткань рассосалась. Вместо ступней были лишь культы, как после ампутации. Если на ноге нет пальцев, то нечем смягчить давление на стопу, когда пятка поднимется при ходьбе вверх. Так постепенно Хосе «снашивал» и ткани своих культей. На термограмме было хорошо видно, насколько далеко зашел процесс. Доктор Брэнд показал Хосе яркие желтые пятна, которые сигналили о серьезной угрозе.

В норме человек с воспаленной стопой тут же начнет прихрамывать или по-другому ставить ногу при ходьбе, чтобы смягчить давление обуви. Если боль в ноге не успокоится, то он обзаведется более удобной обувью. Но Хосе не ощущал сигналов опасности. Собравшиеся специалисты по очереди пытались вразумить Хосе, объясняя, насколько серьезно его положение. Однако тот стоял на своем. Он не будет носить ортопедическую обувь, сделанную в Карвилле. По его мнению, такую обувь носят только калеки, это будет отталкивать покупателей. Они подумают, что он нездоров. На лице и на руках у него нет заметных следов болезни, и он не наденет обувь, которая может его выдать.

Беседа закончилась тем, что доктор Брэнд позвал обувного мастера и попросил немного поколдовать над стильными туфлями Хосе, чтобы хоть немного ослабить давление на поврежденные части стопы.

Когда прием закончился и ушел последний пациент, доктор Брэнд обратился ко мне: «Люди часто думают, что боль — это враг, который лишает их счастья. Но я смотрю на боль, как на стража нашей свободы. Взгляни на сегодняшних посетителей: Лу отчаянно пытается найти способ, чтобы играть на своем любимом автохарпе. Гектор не может даже пол помыть, чтобы не навредить себе! А перед Хосе стоит суровый выбор: либо модно одеваться, либо сохранить ноги. Боль была бы для них подарком».

Смертоносное безразличие

Проказа — не единственное заболевание, которое глушит защитные болевые сигналы. В Карвилле изучают и другие случаи потери чувствительности. К потере болевых ощущений приводит и прогрессирующий диабет: больные сталкиваются с теми же опасностями, что и жертвы проказы. Многие из них теряют пальцы на руках и ногах или целые конечности из-за травм, которых можно было бы избежать. Алкоголики и наркоманы так же теряют восприимчивость к боли: каждую зиму многие из них умирают от переохлаждения, так как их тела перестают реагировать на холод.

Встречаются и врожденные дефекты системы восприятия боли. В Карвилле лечатся пациенты с такими нарушениями. Их организм обладает системой предупреждения об опасности, но ее сигналы *не воспринимаются* как боль. Они подобны световым или звуковым раздражителям, которые пытался использовать доктор Брэнд. И для таких людей что прикоснуться к раскаленной плите, что к асфальтовой дорожке — все равно. Ощущения одинаковые, нейтральные.

Особые проблемы появляются при воспитании детей с подобным дефектом. Одна семья рассказала мне жуткую историю, которая произошла, когда у их крохотной дочки выросли первые четыре зуба. Как-то раз мама девочки услышала, что та заливается смехом и воркует в своей комнате. Мама вошла, ожидая увидеть что-то забавное. Но ужас! Она обнаружила, что малышка откусила кусочек от своего пальца и развлекалась, размазывая по полу кровь.

Как объяснить таким детям, что спички, лезвия бритвы или ножи несут серьезную опасность? Как их наказывать? Малютка, о которой я рассказывал, отметила реакцию матери на ее забаву и стала использовать ее с умыслом. Стоило матери что-то запретить ей, как дочка тут же принималась кусать себе пальцы. К шестнадцати годам все пальцы у нее были изуродованы.

В медицинской литературе описано около ста случаев этого странного заболевания. Семилетний ребенок с такой силой ковырял в носу, что весь нос изнутри покрылся язвами. Восьмилетняя девочка из Англии в припадке ярости выдрала у себя почти все зубы и выковыряла глаза из глазных впадин. Дети, страдающие подобным нарушением, способны поражать своих друзей немыслимыми подвигами, например, проколоть себе палец иглой.

Невосприимчивость к боли обрекает людей на жизнь в постоянной опасности. Они не замечают вывиха запястья или лодыжки. Они прокусывают язык, жуя жевательную резинку. Их суставы страдают из-за того, что они не ощущают, когда нужно поменять позу. Одна женщина погибла, потому что не чувствовала головной боли, которая была симптомом серьезной болезни.

Да, такие больные способны перенести операцию без анестезии — но откуда им знать, что операция нужна? Здоровый человек почувствует, если у него начнется сердечный приступ или аппендицит, а эти люди? Они ничего не чувствуют. Нормальных людей боль заставляет реагировать на недомогания мгновенно, а тем, кто невосприимчив к боли, приходится судить о своем

самочувствию по слабым намекам. *Что это за странное сосущее ощущение в кишечнике? Неужели это прорвался мой аппендикс?*

Благодаря медицинской литературе я начал осознавать ценность боли еще до поездки в Карвилль. Я увидел, что главной проблемой всегда является не боль, а болезнь. Боль была лишь сигналом, при помощи которого организм извещал ту же Клавдию Клекстон, что раковые клетки наносили ей вред. Если бы не это предупреждение, она могла бы умереть, так и не узнав, что тяжело больна.

Неделя в Карвилле произвела на меня неизгладимое впечатление. Теперь всякий раз, когда у меня возникает желание посетовать на выдуманную Богом боль, я вспоминаю Лу. Слезящиеся глаза, обезображенное лицо, неспособность ощутить дружеское прикосновение — и страстное желание играть на автохарпе: музыка оставалась для него последней отрадой в жизни. Именно боль позволяет людям — тем счастливицам, кто ее ощущает — жить свободной и полноценной жизнью. Не верите? Съездите в лепрозорий и сами посмотрите, что такое мир без боли.

Не нужно рассматривать боль, как некую неприятность, которую всеми силами следует избегать. Боль — наша служанка. Нормальная жизнь на планете существует лишь благодаря боли. Болевые рецепторы сигнализируют здоровому человеку, когда следует позаботиться о чистоте, а когда поменять обувь, когда нужно ослабить руку при работе, а когда моргнуть. Жизнь без боли — путешествие в страну неощутимых опасностей, перед которыми мы беззащитны. Утративший осязание человек может чувствовать себя в полной безопасности лишь лежа в постели. Но даже тогда возникает угроза пролежней.

Глава 4 Агония и экстаз

Сократ:

— Что за странная это вещь, друзья, — то, что люди зовут «приятным»? И как удивительно, на мой взгляд, относится оно к тому, что принято считать его противоположностью, — к мучительному! Вместе разом они в человеке не уживаются, но, если кто гонится за одним и его настигает, он чуть ли не против воли получает и второе: они словно срослись в одной вершине.

Платон. «Диалоги» (Федон)

Факты заставляют нас признать, что боль — по крайней мере, боль определенного рода — приносит ощутимую пользу. Мы готовы согласиться с тем, что, если бы болевой системы не было, наше существование омрачалось бы множеством скрытых опасностей. Но мы редко задумываемся о теснейшей связи между болью и наслаждением, удовольствием. Эти два ощущения бывают так близки, что порой их трудно разделить.

Наиболее значительные и насыщенные переживания, как правило, сопряжены с болью. Удивительно, правда? Особенно учитывая то, как отрицательно современная культура относится к боли. Нас уверяют, что боль и удовольствие — две противоположности. Нам говорят, что боль мешает наслаждаться жизнью. Поэтому, если у вас заболела голова, немедленно примите новейшее и сильнейшее болеутоляющее. Если закапало из носа, срочно воспользуйтесь самым лучшим средством, устраняющим отек слизистой. Проблемы с кишечником? Зайдите в аптеку — там вы найдете широчайший выбор слабительных и закрепляющих средств, микстур, пилюль и клизм.

Я опять возвращаюсь к замечанию Тилике о том, что американцы совершенно не приемлют боли. Неудивительно. Мы, современные люди, живем в отрыве от собственной истории. На протяжении многих веков боль считалась естественной и неотъемлемой частью жизни, а вовсе не аномальным явлением. Но в современном мире ее стали расценивать как серьезную помеху.

Позвольте мне кое-что пояснить. Я такой же современный человек, как и вы. В магазинах я покупаю вымытое и аккуратно упакованное мясо. Я работаю в офисе с кондиционером. Я хожу по улицам в обуви, которая защищает ступни от соприкосновения с асфальтом. Однако я отдаю себе отчет в том, что все эти удобства мешают мне реально взглянуть на мир и увидеть в нем страдание. Я не вижу мира таким, каким его видели жившие до нас и каким его видят в наше время две трети обитателей планеты, не обремененные комфортом. Как и большинство американцев, я привык считать, что боль — это ощущение, которое можно и нужно устранять при помощи новейших технологий. Подобный подход лишь утверждает нас во мнении, будто боль и удовольствие несовместимы.

Вот что говорит лауреат Нобелевской премии биолог Джордж Уолд: «Представьте себе, я

дожил до шестидесяти девяти лет и ни разу не видел, как умирает человек. Я не бывал в доме умирающего. А рождение человека? Год назад одна акушерка пригласила меня присутствовать при родах. Подумать только: два величайших события в жизни — и они почти полностью исключены из жизненного опыта человека! Мы хотим, чтобы наша жизнь была эмоционально насыщена, но при этом вычеркиваем из нее сильнейшие человеческие переживания. Разве можно познать радость, не испытав боли?»

Шумы и помехи

Мозг человека в какой-то степени похож на усилитель, который принимает и обрабатывает сигналы, поступающие из множества источников. В арсенале человека есть датчики, которые постоянно обмениваются информацией с мозгом. Осязание, зрение, слух, вкус и обоняние — мозг обрабатывает сигналы от органов чувств. Боль в здоровом теле — всего лишь один из источников информации, рассказывающей о состоянии тела.

Если какой-то орган начинает работать хуже, то мозг автоматически усиливает громкость сигнала. Порой больной проказой не замечает снижения чувствительности, пока она не исчезнет полностью: мозг постоянно усиливает мощность угасающих сигналов — до тех пор, пока сенсоры не отомрут полностью, и сигнал не пропадет окончательно.

Меня удручает, что в попытках приглушить боль современное общество усиливает сигналы из других источников. У нас есть слух. И вот мы бомбардируем уши децибелами до тех пор, пока они не перестают воспринимать тихие и нежные звуки. Послушайте музыку любой другой эпохи — двенадцатого, шестнадцатого, даже девятнадцатого веков. И сравните ее с тем, что слушает большинство людей сегодня. А зрение? В глаза бьют яркие неоновые огни и люминесцентные краски. И постепенно нас перестают радовать цвета заката или переливы крыла бабочки. Какой восторг могла вызвать яркая бабочка-парусник у крестьянина в средневековой Европе, и какой увидит ее современный американец, если бабочка вдруг промелькнет в центре Лас Вегаса? А обоняние? Нас окружают искусственные запахи: открываете журнал — и вам предлагается новый аромат, потрите страничку пальчиком и нюхайте. Для многих из нас запахи окружающего мира сводятся к запаху туалетного ароматизатора, дезодоранта и выхлопных газов.

Мы сталкиваемся с людьми, которые настолько переполнены ощущениями, вызванными химическими веществами, что стали бесчувственными ко всему остальному. О таких мы говорим — «обдолбанный», но лучше, если уж продолжать аналогию «мозг — приемник», подошло бы слово «оглушенный». Как легко обитающему в среде хайтек молодому человеку принять подделку за истинное удовольствие. Велико искушение увидеть в жизни лишь компьютерную игру. Люди даже не задумываются о том, что ради удовольствия нужно порой помучиться и пострадать. Хочешь получить удовольствие? Готово: пристегните ремни — и понеслось!

Проблема наркотиков стоит очень остро. Вещества, изменяющие состояние сознания, распаивают перед молодыми людьми, которые еще не научились наслаждаться миром реальным, двери в волшебные миры. Их сегодня не соблазнить прогулкой вдоль болота под кваканье лягушек и стрекотанье кузнечиков. Им не интересно наблюдать за черепахами: как они плюхаются в воду и плывут, будто подводные лодки. Им мало вдыхать ароматы полевых цветов. Их не прельщают путешествия по диким нехоженным тропам, где ощущаешь всю мощь природы. Да и к чему? У нас есть заменитель реального опыта: уютно расположившись в креслах перед мерцающим экраном плоского телевизора, мы переживаем подъем на Эверест и триумфальное возвращение обратно. Ну и пусть наши органы чувств молчат — задействованы только глаза. Не важно, что в реальной жизни мы не покорили и ближайшего холма.

Подмена естественных ощущений искусственными наносит человеческому телу огромный вред. Атрофируются не только мышцы, но и органы чувств. Французские ученые подтвердили это экспериментально. Они поместили человека в темный изолированный бассейн с теплой водой. В отсутствие внешних стимулов чувства начинали отказывать. Человек становился беспокойным, терял ориентацию в пространстве, через некоторое время у него начинались галлюцинации. Подобные галлюцинации знакомы и пилотам истребителей, летающих на больших высотах, и часовым, охраняющим уединенные объекты. Если мозг не получает «пищи» от органов чувств, он начинает создавать собственные миры.

С другой стороны, регулярное упражнение органов чувств развивает восприимчивость. От постоянного использования нервные окончания становятся лишь чувствительней. Некоторые ученые считают, что кончики пальцев обладают столь высокой чувствительностью потому, что мы активно пользуемся ими с самого раннего детства. Если ежедневно растирать предплечье нейлоновой щеткой, то можно повысить его чувствительность. Постепенно поверхность кожи в

этом месте станет воспринимать больше приятных или болевых ощущений.

Ходить босиком, особенно по песку или траве, тоже полезно. Едва уловимые оттенки ощущений, которые возникают, когда идешь по лужайке или по пляжу, передают в мозг широкий спектр сигналов, что жизненно важно для его нормального развития.

Именно поэтому доктор Брэнд полусуто предлагал вместо пуховых матрасиков и одеялец укладывать малышей спать на жестких кокосовых циновках. Если малыш окружен мягкими предметами, все его ощущения сводятся к нежным прикосновениям. Это притупляет развитие нервных окончаний и ограничивает уровень восприятия окружающего мира. Брэнд признался, что только уговоры жены не позволили ему обнести манеж, в котором играли его дети, колючей проволокой. Жестоко? Но это сразу бы показало детям, что в мире есть вещи (например, нож или горячая плита), которые нельзя трогать, потому что они причиняют боль. Доктор считает, что во взрослой жизни изнеженные дети будут лишены множества ощущений.

Доктор Брэнд придерживался этих взглядов в течение всей жизни и остался верен им и в последние годы. «Когда-то я думал, что боль и счастье несовместимы. Я представлял себе жизнь в виде трех крайностей — словно график: пики по краям и впадина посередине. Левый пик — боль, сосредоточие несчастья. Правый пик — безоблачное счастье, экстаз. Срединная область — тихая спокойная жизнь. Я считал, что моя задача — упорно стремиться к счастью и бежать от боли. Сейчас я представляю себе жизнь совершенно по-другому. Я бы нарисовал один пик в центре, и ровную линию по обеим сторонам от него. Пик — это Жизнь, жизнь с большой буквы, в которой боль неразрывно переплетена со счастьем. А прямая — сонное, апатичное существование или смерть».

Боль и наслаждение

Природа очень расчетлива: некоторые исследования показывают, что одни и те же клетки и нервные пути служат для передачи как болевых сигналов, так и сигналов об удовольствии. На нейрофизиологическом уровне неприятное ощущение от укуса комара и приятное от легкой щекотки, воспринимаются одинаково. Разница лишь в том, что щекотку ощущаешь, когда кожи нежно касаются перышком или легко проводят пальцами по чувствительному месту. На щекотку и на укус реагируют одни и те же рецепторы, которые посылают в мозг совершенно идентичные сигналы. Вся разница в интерпретации — одно ощущение мозг истолковывает как приятное, а другое как неприятное.

У тела нет особых клеток, настроенных лишь на приятные ощущения. Датчики на кончиках пальцев доносят до мозга информацию о том, что вода слишком горячая, о том, что наждачная бумага царапает кожу. Они предупреждают о легком ударе током. И они же помогают ощутить нежность шелка или бархата. А сенсоры, которые вызывают ощущения сексуального удовольствия, — они же предупреждают и об опасности. Исследование эrogenных зон показало: кожа в этих местах изобилует клетками, реагирующими на прикосновение и давление (оттого-то эти зоны так болезненны). Но никаких специальных клеток, отвечающих за удовольствие, обнаружено не было. Природу не обвинишь в расточительности.

Существуют болевые ощущения, которые доставляют скорее удовольствие, чем дискомфорт. Что чувствуешь, если надавить ногтем на то место, которое невыносимо чешется от укуса комара? А какое наслаждение размять мышцы, смертельно ноющие после тяжелой работы? После дня катания на горных лыжах я всегда мечтаю о джакузи с обжигающе горячей водой. Я подхожу к ванне, выжидаю несколько мгновений и наконец, набравшись духа, опускаю в нее ногу. Ой! Ну и боль! Я стремительно отдергиваю ногу, потом пробую еще раз. Теперь я могу погрузить ноги по щиколотку — боль становится намного меньше. Так постепенно я полностью погружаюсь в воду. Минуту назад вода казалась мне невыносимо горячей, а сейчас я испытываю блаженство. Натруженным мышцам теперь намного лучше, чем в течение дня. (Мази, снимающие мышечные боли, действуют по тому же принципу: они слегка раздражают кожу, что приводит к ощущению жжения. Кровь по тревоге устремляется к больному месту, снимая напряжение в мышцах.)

Столь тесная связь между болью и наслаждением проявляется не только на клеточном, но и на душевном уровне. Как часто самые упоительные минуты наступают лишь после сильного напряжения.

Однажды я отправился в трудный поход по лесам штата Висконсин, проходивший в рамках программы «Любители странствий». Подобные программы очень хороши для людей, которые ощущают себя оторванными от природы, или для тех, кому не хватает острых ощущений. Подъем в четыре утра, штурм скальных выступов безо всяких перчаток, десять дней скитаний по лесам,

вторжение в царство кусачих черных мух и мошки — вот какие прелести ожидают избалованных горожан. Никогда еще я не чувствовал себя таким измученным, как в том походе. По вечерам я из последних сил заползал в спальник, еще не успевший просохнуть от вчерашней росы. Но и поспать толком не удавалось из-за расвирепевшей мошки — она проникала через ячейки москитной сетки и кусала больнее пчел.

И все же, вспоминая об этом походе, я думаю о том, как сильно он подействовал на мои чувства. Они буквально ожили. Во время похода я дышал совершенно иначе, чем дома, в Чикаго — я словно пробовал воздух на вкус. Мои глаза и уши как будто открылись — я видел и слышал то, чего раньше не заметил бы.

Как-то после долгого перехода по жаркой и пыльной тропе, с тридцатикилограммовыми рюкзаками за плечами, мы сделали короткий привал. И обнаружили небольшую полянку с дикой земляникой. Ни один приличный магазин не стал бы продавать такие сморщенные и пыльные ягоды. Но нам было все равно — это была пища и хоть какая-то влага. Я набрал целую пригоршню и закинул в рот. М-м-м, какое блаженство — у меня во рту разлился сладкий, ароматный земляничный сок! Никогда не ел ничего вкуснее этих крохотных ягод! Я набрал земляники, чтобы попозже повторить блаженство.

Сначала я было решил, что мы открыли новый, невероятно вкусный вид земляники. Я даже подумал, что наше открытие способно перевернуть всю «ягодную индустрию». Но когда восторги улеглись, я понял, что дело не во вкусе ягод, а в моем физическом состоянии. Мое тело хорошо и слаженно трудилось, мои чувства ожили, и в результате мне полнее открылось наслаждение вкусом. Ягоды не показались бы мне столь восхитительными, если бы не трудности пути и не жара, если бы в желудке не засосало от голода. Тяготы обострили мои чувства.

Спортсменам хорошо знакома эта удивительная связь между напряженным усилием и восторгом. Вот, например, тяжелоатлет, выступающий на Олимпиаде. Он не спеша подходит к тяжелой штанге. Делает несколько глубоких вдохов, разминает мышцы — на лице полная сосредоточенность. Примеряется. Затем спортсмен, присев на корточки и набрав в легкие побольше воздуха, напрягается и делает рывок. Какое страдание запечатлено на его лице! В эти доли секунды на нем мучительно отражается каждое усилие, необходимое, чтобы взять вес на грудь, а затем толкнуть его над головой.

Каждая мышца как бы вопиет: «Хватит!»

Но вот вес взят. Атлет с грохотом бросает штангу и подпрыгивает, взметнув руки над головой. Секунду назад он был воплощением смертных мук, а сейчас — упоения и восторга! Одно невозможно без другого. Если спросить штангиста, было ли ему больно, он, скорее всего, придет в недоумение — о чем это вы? Он уже позабыл о безумном напряжении: радость полностью поглотила страдания.

Писатель Лин Ятанг так разъясняет суть древней китайской философии: «Идти по пыльной дороге в жару, изнемогая от жажды, и вдруг кожей ощутить первые крупные капли дождя — разве это не счастье? Почувствовать, как ужасно чешется интимная часть тела, и уединиться, чтобы ее почесать — разве это не наслаждение!» В длинном перечне Ятанга почти каждое удовольствие сопряжено с болью.

Блаженный Августин в своей «Исповеди» тоже задается вопросом, почему душа больше радуется тому, что обрела, или тому, что ей вернули, а вовсе не тому, что всегда ей принадлежало? Августин говорит о полководце-победителе, чья радость тем больше, чем тяжелее была битва. О моряке, для которого штиль — наивысшее блаженство, но лишь после жестокого шторма. Он пишет о больном, который, выздоровев, испытывает величайшую радость от простой прогулки — такую, какой не ведал до болезни.

Августин приходит к выводу, что большой радости всегда предшествует большое страдание. Как и другие отцы Церкви, он прекрасно понимал: определенные ограничения, например, во время поста, возвышают чувства. Духовный труд успешнее всего свершается в пустыне.

Я надеюсь, что, состарившись, не буду коротать свои дни в безупречно чистой больничной палате, надежно защищенный ото всех опасностей окружающего мира. Такой покой меня не привлекает. Я вижу себя на теннисном корте — вот пожилой мужчина напрягается, чтобы резануть в ударе сверху. Или из последних сил, задыхаясь, я буду брести по тропинке к Йосемитским водопадам, чтобы еще раз ощутить на своей морщинистой щеке брызги воды. Короче говоря, я надеюсь, что не отрину боль и поэтому не лишу себя возможности чувствовать наслаждение.

Враги или друзья?

Спортсмены и художники знают не понаслышке, что путь к великим достижениям лежит через труд и страдания. Сколько лет упорного труда и невзгод пришлось пережить Микеланджело, когда он расписывал потолок Сикстинской капеллы Ватикана? Зато сколько поколений людей ими наслаждаются! Да что там! Любой, кому доводилось сколачивать кухонную мебель или возделывать огород, знает великую истину: радость, обретенная в поте лица, полностью затмевает страдание. Об этом же говорит и Христос: девять месяцев ожидания и подготовки, родовые муки, и — все покрывающая радость появления на свет ребенка (см. Ин 16:21).

Однажды я брал интервью у Робина Ли Грэма, самого молодого из всех путешественников, совершивших одиночное кругосветное плавание. (Об этой истории рассказывается в книге, написанной Грэмом, и одноименном фильме «Голубка».) Когда Робин отправился в путешествие, он был желторотым шестнадцатилетним юнцом. Он искал приключений и Почти не думал о будущем. Чего только он не пережил за время долгого плавания! Его судно трепали шторма, неистовая волна сломала мачту, он едва не погиб во время смерча. Попад в зону полного штиля вблизи экватора, когда не было ни ветерка, ни течения, он испытал глубочайшее отчаяние. В исступлении он облил лодку керосином, поджег ее и прыгнул за борт. (Неожиданный порыв ветра привел его в чувство — он забрался в лодку, потушил пламя и продолжил путешествие.)

И вот через пять лет Робин вернулся в гавань Лос-Анджелеса. Навстречу ему вышли парусники, толпы людей собрались на пристани, репортеры щелкали камерами. Сигналили машины, гудели пароходы, повсюду красовались плакаты с его именем. В этот момент Робин испытал такое ликование, с которым не могло сравниться ничто в его жизни. Понятно, что он никогда не ощутил бы подобного восторга после морской прогулки вдоль берегов Калифорнии. Именно пережитые тяготы превратили его возвращение в великое торжество. Робин покинул дом неоперившимся юнцом, а вернулся зрелым мужем.

Грэм понял, какое огромное удовлетворение испытывает человек, достигший цели. Он приобрел участок земли в Монтане, выстроил бревенчатый дом и поселился там. Издательства и продюсеры забрасывали его выгодными предложениями — организовать рекламный тур по стране, цикл передач с его участием. Но Робин отказался.

Мы, современные люди, привыкшие к удобствам и комфорту, склонны видеть в боли врага номер один, который мешает нашему счастью. Вот бы вычеркнуть боль из жизни, и тогда все станет замечательно! Однако, как показывает жизненный опыт того же Робина Грэма, боль и счастье неразделимы, они переплетены друг с другом, как нити утка и основы. Боль — неотъемлемая часть мира чувств. Страдание нередко становится прелюдией к наслаждению и удовлетворению.

Секрет счастья не в том, чтобы всеми средствами избегать боли, а в том, чтобы понять ее защитную и предупредительную роль и заставить боль служить себе.

Точно так же можно подходить не только к боли, но и к другим переживаниям, от которых мы прячемся. Когда я испытываю неприятные ощущения, я задаюсь вопросом: несут ли они хоть какую-то пользу? К моему удивлению оказалось, что практически всегда польза есть.

Возьмем, например, страх. Что хорошего в страхе? Я знаю, как страх проявляется на физиологическом уровне — организм мгновенно выбрасывает в кровь адреналин, сердце начинает биться чаще, улучшается реакция, мышцы наливаются силой. Так мобилизуют организм сотые доли секунды страха! Но подумайте: если на горном склоне лыжник не испытывает страха, то ничто не помешает ему совершить какой-нибудь безрассудный поступок или прозевать опасность. Страх, как и боль, бережет нас от вреда, причем страх начинает свое дело загодя.

Как-то швейцарского врача и писателя Поля Турнье спросили, как он помогает своим пациентам избавляться от страхов. Он ответил: «Я к этому не стремлюсь. Ведь страх вызывается всем, что имеет реальную жизненную ценность. Выбор профессии, вступление в брак, появление детей — все это страшит. А то, что не рождает страха, как правило, ничего и не стоит».

Давайте взглянем на еще одного «врага» — на чувство вины. Многие предпочли бы вовсе убрать его из своей жизни. Но представьте себе мир, который не знает о вине, и общество, которое никак не ограничивает своих членов. В юриспруденции термин «здравомыслие» определен, как «способность различать добро и зло». Без чувства вины мир скатился бы к безумию.

Чувство вины — болезненный сигнал, который посылает совесть, чтобы сказать нам: внимание, мы поступаем неправильно! В этом случае нужно сделать две вещи. Во-первых, подобно тому, как мы ищем причину боли, установить причину, по которой возникло чувство вины. Ведь

порой оно бывает ложным. Психологи это знают: они часто помогают людям избавляться от ложного чувства вины. Во-вторых, после того как причина установлена, нужно сделать следующий шаг — освободиться от вины.

Но не поддавайтесь первому порыву, желанию как можно скорее избавиться от ощущения вины (равно как и от боли). Смотрите глубже, ищите причину. Если вы отмахнетесь от чувства вины, подавите его, то оно не выполнит своего предназначения — не приведет вас к прощению и примирению. Само по себе чувство вины, как и боль, ничего не значит: они лишь указывают на то, что требует вашего внимания и вмешательства.

А если представить себе мир без другого вида страдания — без одиночества? Была бы возможна дружба или любовь, если бы Бог не заложил в нас потребность в общении? Именно эта потребность и не дает нам жить отшельниками. Но, значит, человеку необходимо познать боль одиночества, которая заставляла бы его покинуть свою нору, выйти к людям.

Не буду лукавить: в нашем мире много страданий и скорби. Но даже когда случается трагедия и помочь горю ничем нельзя, у человека все равно остается выбор — как отнестись к случившемуся. Преисполниться злости и обиды или попытаться найти в событиях, которые причинили боль, доброе зерно.

Не так давно в Лондоне провели опрос среди пожилых людей. Их спросили о самом счастливом времени в их жизни. Шестьдесят процентов опрошенных ответили: «Война, время бомбежек». Каждую ночь немецкие бомбардировщики сбрасывали на город тонны взрывчатки, превращая его величественные здания в груды щебня. И что же? Пережившие бомбежки вспоминают это время с ностальгией! Ведь именно те страшные дни научили людей держаться вместе и трудиться во имя достижения общей цели — победы. Беда показала им, что такое мужество, надежда, сострадание.

Когда у меня случается что-то плохое — ухудшаются отношения с женой, я ссорюсь с другом, терзаюсь чувством вины из-за промаха, сгораю от стыда из-за невыполненного обещания — я пытаюсь приравнять эти события к физической боли. Я стараюсь воспринимать их как сигнал: ага, вот на что надо обратить внимание, вот что следует изменить. Я хочу быть благодарным. И я действительно испытываю благодарность — правда, не за саму боль, а за возможность откликнуться на нее и вынести из того, что кажется лишь злом, нечто доброе.

Нежданное счастье

Иисус передал всю парадоксальность природы бытия словами: «...кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою... тот сбережет ее» (Мк 8:35). Это утверждение идет вразрез с курсом на самореализацию, который предлагает нам современная психология. Однако, если разобраться, христианство предлагает более глубокий подход. Христианская философия утверждает: подлинное Удовлетворение человеку приносит не осуществление Желаний, а служение другим людям. Христианское сужение — еще один пример тесной связи между страданием и радостью.

Я — журналист. За годы работы мне доводилось брать интервью у самых разных людей. Этих людей условно можно разделить на две группы: «звезды» и «служители». К звездам я отношу известных футболистов, актеров кино, музыкантов, писателей, телеведущих. О них пишут в журналах, их показывают по телевидению. Мы благоговеем перед ними и пытаемся как можно больше узнать об их жизни. Нам интересно, как они одеваются, что едят, каким видом спорта занимаются, кого любят и какой зубной пастой пользуются.

Должен признаться: наши кумиры — очень несчастные люди. Большинство из них несчастны в браке. Многие пережили развод. Практически ни одна «звезда» не может жить без личного психотерапевта. Людей, ставшими для нас героями, постоянно терзают сомнения. Они никак не могут решить вопрос собственной значимости.

Встречался я и со служителями. Это люди, подобные доктору Полу Брэнду, который двадцать лет проработал в Индии среди самых презираемых изгоев общества — больных проказой. Это медики, которые оставили высокооплачиваемую работу и отправились лечить больных в захолустье. Это сотрудники миссий милосердия, которых я встречал в Сомали, Судане, Эфиопии, Бангладеш и других центрах сосредоточия человеческих страданий. Это переводчики, которые отправились в джунгли Южной Америки, чтобы перевести на местные наречия Библию.

Я всегда восхищался этими людьми. Их пример воодушевлял меня. Но мне и в голову не приходило им завидовать. Однако сейчас, размышляя и сравнивая звезд со служителями, я отчетливо вижу: в привилегированном положении находятся служители. Они трудятся день и ночь

за скромную зарплату. Ими не восхищаются, им не аплодируют. Они растрачивают свои таланты и способности на убогих и сирых. Но почему—то действительно получается, что отдающие свою жизнь — обретают ее. В нашем жестоком и несправедливом мире они обретают мир иной.

Когда я задумываюсь о церквях, в которых побывал, я не вспоминаю величественных европейских соборов. Эти здания — музеи. А мне всегда приходит на память часовня в Карвилле или церквушка с протекающим потолком и обвалившейся штукатуркой в бедном квартале Ньюарка. Я вспоминаю церковь в чилийском Сантьяго — примитивное бетонное здание с рифленой железной крышей. И все потому, что в этих местах — там, где сосредоточено человеческое страдание, — я видел преизобилующую христианскую любовь.

История лепрозория в Карвилле очень интересна. Правительство купило участок земли, чтобы выстроить для прокаженных целый комплекс. Но найти строителей и обслуживающий персонал оказалось невозможно. Никто не хотел расчищать дороги, осушать болота, ремонтировать домики, оставшиеся от работников заброшенной плантации. Само слово «проказа» вселяло в людей ужас и отвращение.

В конце концов ухаживать за прокаженными в Карвилле приехали монахини из ордена «Сестры милосердия». Они поднимались за два часа до рассвета. Невзирая на жару, монахини всегда были одеты в белоснежные накрахмаленные платья. Дисциплина в ордене была строже армейской. Сестры оказались единственными, кто согласился трудиться в лепрозории. Им пришлось копать канавы и закладывать фундаменты зданий. Но их тяжкий труд превратил бывшую плантацию в пригодное для жилья место. Эти женщины трудами прославляли Бога, а улыбками несли радость окружающим. Подобное жертвенное служение — ярчайший пример соединения радости и страдания в одном деле.

Искать счастья в наркотиках, удовольствиях, роскоши — означает в итоге остаться ни с чем. Недаром говорят: «Счастье бежит от тех, кто за ним гонится». Счастье приходит неожиданно. Оно — побочный продукт любого благого дела, в которое человек вкладывает всю свою душу. Оно — награда за труд, а любой труд неизменно сопряжен с болью. Получается, что радости без боли не бывает.

Часть 2

Боль — весточка от Бога?

Глава 5

Стенающая планета

Представьте себе людей, живущих в одном доме. Половина из них думает, что находится в гостинице, а другая половина — что в тюрьме. Тот, кто думает, что живет в отеле, сочтет условия невыносимыми. А тот, кто считает, что он в тюрьме, удивится обилию удобств. Вот так и то, что кажется нам сегодня скверным вероучением, в итоге принесет утешение и силу. И те, кто пытается смотреть на наш мир с оптимизмом, окажутся горько разочарованы. Лишь люди, которые видят, насколько суров и безжалостен этот мир, обретут оптимизм.

Клайв Льюис. «Бог под судом»

Взгляните на наш общий дом — на землю. Посмотрите, как прекрасен закат: яркие краски постепенно сменяются нежнейшими пастельными оттенками. Или постоите босиком на берегу океана, зарыв ступни в мокрый песок, ощутите брызги набегающей волны. Всмотритесь в рисунки на крыльях бабочек: крохотные лоскутки небесной ткани имеют десятки тысяч вариантов окраски. Какой художник создаст подобное? Легко верить в любящего Создателя, находясь среди прекрасных творений.

Однако то же самое солнце, которое расцветивает закатное небо, дотла выжигает растительность на африканской земле, обрекая людей на голод и смерть. Ласковые волны прибоя, ритмично набегающие на берег, во время шторма обретают дикую смертоносную силу, губя людей и сметая прибрежные деревушки. А безобидные красочные создания, порхающие среди цветов, живут всего пару недель — они лишь часть безжалостного цикла жизни и смерти, которому подчинена природа. Природа — нам не мать, она наша падшая сестра. Земля, хоть и остается венцом Божьего творчества, являет собой сильно подпорченный шедевр.

А как же люди? Человечество дало нам Баха и Бетховена, Лютера и Гете. Но ведь Гитлер, Эйхман и Геринг — тоже представители человечества. Моя родина, США, в политический фундамент которой заложены принципы свободы, узаконенные в Билле о правах, прошла через

рабство и гражданскую войну. В каждом из нас мудрость, творческое начало и милосердие соседствуют с лукавством, гордыней и эгоизмом.

То же самое относится и к боли. При ближайшем рассмотрении она кажется верным другом. С точки зрения узкого специалиста — скажем, биолога — болевая система являет собой одно из поразительных творений. Нервная система, несущая отпечаток гения Творца, подобно шедеврам Рембрандта, вызывает восхищение и благоговение.

Но, как правило, собственную боль мы неспособны воспринимать теоретически. Своя боль не вызывает радостного изумления. Когда у нас есть возможность связать каждый болезненный сигнал с конкретной причиной, то болевая система выглядит разумной и совершенной. Но если взглянуть на человечество с высоты истории, то вырисовывается совсем другая картина: миллионы людей неумолимо движутся к смерти, страдают от голода, истекают кровью и изнемогают от болезней. И тут проблема страдания встает перед нами в полный рост.

Боль и страдание нельзя свести исключительно к физиологии нервных клеток. Существует и косвенное воздействие боли: она сокрушает душу, наполняет ее отчаянием и безнадежностью. Почему жизнь одних омрачена артритом, раком или врожденными пороками, а другие доживают до семидесяти лет в полном здравии? Поэт Уильям Блейк так выразил сущность земного бытия: «Под стоны матери и плач отца пришел я в этот мир, где опасностям нет конца...».

Философы обожают рассуждать о страданиях человечества, будто всю земную боль можно по каплям собрать в один котел и предъявить Богу: «Вот, мол, вся боль и муки земли. Что Ты, Господи, скажешь в Свое оправдание?» Но, как заметил герой романа Достоевского Иван Карамазов, боль касается каждого в отдельности. А незаслуженное страдание даже одного — единственного человека ставит вопрос о боли намного острее, чем формулируют его философы. Высшая гармония не стоит слезинки хотя бы одного замученного ребенка, считает Карамазов.

Может быть, боль задумана в качестве прекрасной защитной системы, но что-то на земле пошло не так и боль вырвалась из-под контроля. Теперь давайте определимся с терминами: под болью мы будем понимать защитную систему организма, а говоря о человеческих несчастьях, будем использовать слово страдание. В конце концов, болевой проказой боли не ощущает, но страдает сильно.

Конечно же, встречаются люди, которым не довелось испытать острой физической боли, но любой из нас сталкивался со страданиями, причиной которых бывают несовершенства характера или внешности, разрушенные отношения, мрачные события детства, удушающее чувство вины. Чтобы понять страдание нужно отойти от микроскопа: он хорош для того, чтобы показать, как исправно откликаются на раздражители нервные клетки. Но сейчас речь не об этом. Нам придется посмотреть в лицо людям, которые изнемогают от страдания. И тогда вопрос «Где Бог, когда я страдаю?» придется переформулировать: «Почему страданиям нет конца? Почему Бог допускает, чтобы мучились безвинные люди?»

Лучший из возможных миров?

Философы веками спорили о том, является ли земля лучшим из возможных миров. В основе спора лежит предположение, что всезнающий, всемогущий и любящий Бог обязан был создать прекрасную среду обитания для Своих тварей. Но что нас окружает? Мы видим больных СПИДом, детей с синдромом Дауна, скорпионов, смертельно опасных мух цеце, землетрясения и тайфуны. Неужели Бог не сумел сотворить что-нибудь получше? В романе «Кандид» Вольтер саркастически замечает: «Если это лучший из всех миров, то каковы же другие?»

В былые времена христианские богословы — блаженный Августин, Фома Аквинский — убедительно доказывали, что Бог сотворил лучший из возможных миров. Двадцатый век явил всю полноту человеческих страданий и не поскупился на природные катаклизмы. В результате сегодня о совершенстве мира рискнут говорить лишь самые отважные.

Я тоже не буду отстаивать подобную точку зрения. Но я не случайно столь подробно остановился на биологии болевой системы. Я считаю, что современные философы недооценивают всей сложности акта творения. Подразумевается, что Богу достаточно взмахнуть волшебной палочкой — и все опасности в мире исчезнут.

Как должна выглядеть совершенная вселенная, в которой в полной мере действовали бы все естественные законы, и при этом страдание было бы сведено к минимуму? Давайте рассмотрим несколько возможностей. Можно разом избавиться от всех бактерий. Но это будет катастрофа: в мире существует свыше миллиона видов бактерий, и лишь немногие из них — болезнетворные. Если не будет бактерий, то люди не смогут переваривать пищу! А тайфуны? Бангладеш и Индия

убедились на собственном горьком опыте, что благоприятный для сельского хозяйства климат неразрывно связан со столь масштабными природными явлениями, как тайфуны: когда нет тайфунов, не выпадают и дожди.

Любой творческий процесс включает в себя необходимость выбора. Катаясь на лыжах, я рискую сломать ногу. Конечно, я бы предпочел, чтобы мои кости были прочнее. Но если бы кости сделались крепче (хотя ученые так и не нашли материала, который годился бы для замены костной ткани), то мои руки и ноги стали бы толще и тяжелее: я был бы настолько массивным, что не смог бы кататься на лыжах. Будь наши пальцы толще и крепче, мы лишились бы возможности играть на фортепиано и заниматься многими другими видами деятельности. Создателю приходится выбирать между силой и подвижностью, между весом и объемом.

Доктор Пол Брэнд прочувствовал всю сложность выбора, когда попытался создать простой болевой датчик. Вот что он пишет:

«Чем больше я углубляюсь в законы природы и познаю, как устроены атомы, вселенная, твердые тела, молекулы, солнце, чем больше я вникаю во взаимосвязь природных механизмов, которые поддерживают жизнь, тем больше изумляюсь. Если нарушить хотя бы один закон, мир может рассыпаться, как карточная колода. Есть люди, которые искренне верят, что устройство природы и отточенность взаимодействия ее элементов — результат случайности. Выходит, если в течение достаточно долгого времени миллионы молекул будут сталкиваться друг с другом, то в нужном месте образуется нервная клетка с чувствительным окончанием, настроенным на прием сигналов оптимальной амплитуды? Попробуйте создать хотя бы один сенсор, как пытался сделать я! Можно ли создать его случайно?»

Большую часть жизни я занимался хирургией конечностей. Знаете ли вы, что книгами, посвященными различным методикам восстановления кистей рук, можно заполнить не одну комнату? Но никто еще не предложил, как улучшить здоровую руку. Да это и невозможно. Рука сделана потрясающе, и боль — неотъемлемая часть общего замысла. Девяносто девять рук из ста абсолютно здоровы. Но среди людей, неспособных чувствовать боль, все наоборот: в девяносто девяти случаях эти больные имеют травмы рук. Причина одна: не работает болевая система».

Человеческое страдание — результат действия двух сил, вживленных Богом в Его творение: законы природы и свободная человеческая воля.

Сами по себе они хороши, но, сделав эти две силы неодолимыми, Бог не запретил ими злоупотреблять. Возьмем, например, воду. Вода приносит пользу нам и прочей твари, потому что это вещество, которое по-особому отвечает на силу земного притяжения. Но в то же время, именно из-за жидкого состояния она представляет для нас опасность — в воде можно утонуть. Или хуже того — утопить ближнего своего.

Другой пример — дерево. Деревья плодоносят, дают тень и служат пристанищем для птиц и белок. Срубленное дерево имеет не меньшую ценность: дровами отапливают жилище, из древесины делают дома и мебель. Прочность, жесткость, горючесть — эти свойства древесины позволяют людям использовать ее с большой пользой.

Но на земле, где обитают люди со свободной волей, полезные свойства древесины можно обратить во зло. Свободный человек способен взять корягу и, благо она твердая, разmozжить голову другому человеку. Я думаю, что Бог мог бы всякий раз вмешиваться в ход событий и изменять свойства древесины, делая ее то мягкой и упругой, как губка, чтобы она отскакивала от головы, не причиняя вреда, то снова твердой. Но Бог так не поступает. Он запустил в действие законы природы, которые неизменны. А человек волен обратить их во зло, воспользовавшись своей свободой.

Вспомните, как Бог отвечал на упрёки Иова. Выслушав пространные жалобы этого мужа (они заняли целых тридцать пять глав), Бог явил Иову Себя и величие Своего творения. Иов был ошеломлен. А Бог с гордостью показывал ему творения рук Своих и спрашивал, можно ли их улучшить. Может быть, Иов лучше знает, как управлять миром? Бог и Иов как бы сравнивали свои достижения — нетрудно догадаться, кто победил.

Несет ли Бог ответственность за страдания этого мира? Да, но не непосредственно. Дать ребенку коньки, зная, что он может упасть и больно удариться, и толкнуть его на катке — разве это одно и то же?

Наш мир живет по определенным законам. В нем обитают существа, наделенные свободной

волей. Выходит, что болевая система, задуманная как чудесный дар, тоже может дать сбой и в падшем мире обернуться злом. Мог ли Бог создать ее по-другому: чтобы она приносила пользу, не доставляя при этом неприятностей? И снова мы вернулись к вопросу о том, будет ли действенная охранная система без боли. Работа доктора Брэнда, опыт людей, невосприимчивых к боли, показали: человеку недостаточно безболезненного оповещения об опасности. Нужна боль: она требует немедленной реакции.

Можно до бесконечности спорить о том, можно ли было устроить наш мир по-другому. Например, придумать некий выключатель для боли. Или оставить шторма, но исключить ураганы. Создать поменьше вирусов и бактерий. Никто не способен ответить на эти вопросы. Мы даже не знаем, как вирусы попали в наш мир. (Их создал Бог? Или вредоносные вирусы — следствие грехопадения, результат вмешательства сатаны, продукт молекулярно-биологических процессов?) Любые рассуждения бессмысленны, если вспомнить, как на вопрос о том, является ли земля лучшим из возможных миров, отвечает Сам Бог. Он однозначно говорит: «НЕТ!»

Дикое животное

Как на земле появились зло и страдание? Библия связывает их вторжение с великим и в то же время страшным свойством человека — свободой. Чем мы отличаемся от дельфинов, белок и медведей? Только *homo sapiens*, человек разумный, не подчиняется законам инстинктивного поведения, которые движут животным миром. Человек единственное млекопитающее, которое обладает подлинной свободой выбора.

Мы — свободны. Эта свобода, вылившись в неповиновение изначальному замыслу Творца, и принесла в наш мир горе. Теперь мы можем лишь догадываться, какой была идеальная первозданная планета. Человечество вышло за рамки дозволенного — и вот результат. «Мы говорим о диких животных, — пишет Честертон, — но ведь человек — тоже дикое и вольное животное. Остальные звери следуют жесткой морали своего племени и вида, только человек выпал из своих рамок. Все звери — домашние, только человек всегда бездомный».

Лишь человек представляет собой дикое существо. Стоя на крошечном космическом осколке переплавленной породы, он потрясает кулаками и кричит Богу: «Что хочу — то и делаю, потому что мне так хочется!» А результат? Теперь нас и нашу планету отделяет от Бога огромная пропасть. Самое удивительное, что Бог дает нам свободу делать все по-своему, попирая при этом все законы вселенной (по крайней мере, до поры до времени). Вот как пишет об этом Честертон: «Сотворив мир, Бог его освободил. Он создал не столько стихи, сколько прекрасную пьесу и отдал ее актерам и режиссерам, которые сильно ее попортили».

Для описания глобальных искажений, которые произошли во всем тварном мире в результате первого неповиновения Богу, богословы используют термин «грехопадение». Тогда-то в наш мир и вторглось зло. Сжатое описание событий в третьей главе Бытия дает нам лишь общее представление о последствиях древнего мятежа. Но и его достаточно, чтобы понять: последствия коснулись не только человека, но и всего Божьего творения. В поэме «Потерянный рай» Мильтон описывает это так:

«...И Земля
От раны дрогнула, и тяжкий вздох,
Из глубины своих первооснов
И всем своим составом издала
Природа, скорбно ознаменовав,
Что все погибло».

Вот что говорит об этом апостол Павел: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее... Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучится доньше» (Рим 8:19–20; 22).

Злоупотребление свободой привело к тому, что боль и страдания на земле умножились. Когда мужчина и женщина нарушили волю Бога, их мир был испорчен навеки. Как признает апостол Павел, после грехопадения страдание окутало всю Землю и всех ее обитателей. Планета, на которой мы живем, — стонет.

Вот почему, говоря о несправедливости земных страданий, нужно начинать с того, что Бог и Сам не рад тому, какой стала Земля. Все библейское повествование — от Бытия до Откровения — это рассказ о том, как Бог возвращает Своему творению утраченное совершенство. В начале и в конце Библии мы видим одну и ту же картину: рай, река, сияющая слава Бога и древо жизни. А история человечества втиснута где-то между началом Бытия и концом Откровения и являет собой

борьбу за возвращение утраченного.

Судить о Боге по нынешнему состоянию мира — глубочайшая ошибка. Возможно, когда-то наш мир и был лучшим из миров, но сейчас он не таков. Библия не оставляет сомнений: Бог крайне недоволен нынешним состоянием творения в целом и человека в частности.

Представьте себе: вандалы ворвались в музей, где выставлены картины голубого периода Пикассо. Движимые жадой разрушения они облили полотна красной краской и изрезали их ножами. Было бы верхом несправедливости оценивать творчество художника на основании этих картин — мало того, что они не являются вершиной его гения, но они еще и сильно испорчены. То же можно сказать и о Божьем творении. Нынешний статус земли — «проклятая». Но Бог пообещал устроить суд и привести землю в соответствие со Своим изначальным замыслом. Наш мир, погруженный во зло и страдание, не истреблен Богом. И это говорит не о жестокости Бога, а о Его милосердии.

Мегафон

Чем Бог может привлечь наше внимание? Как убедить отвергшее Бога человечество в том, что происходящее в мире идет вразрез с замыслами Творца?

Выражение Клайва Стейплза Льюиса «страдания — мегафон Божий» как нельзя лучше отражает действительность. «Господь говорит с нами тихо, доставляя нам радость, беседует с нами голосом совести и кричит, попуская страдания, — пишет Льюис. — Страдания — мегафон Божий, предназначенный для пробуждения спящего мира». Слово «мегафон» удачно отражает суть боли — она вопиет. Если я ударюсь ногой о камень или подверну лодыжку, боль прокричит мозгу: «Опасность!» Я думаю, сам факт существования страданий на земле — это вопль, говорящий о том, что с нашим миром не все в порядке. Страдание вынуждает нас остановиться и переосмыслить нашу систему ценностей.

В романе-притче Ричарда Адамса «Обитатели холмов» рассказывается о племени диких кроликов, которые вынуждены покинуть место обитания из-за прихода строителей. В своих скитаниях они наткнулись на другое кроличье племя. Кролики в нем были крупные, красивые, с густой, лоснящейся шерстью и отменными зубами. «Вот это жизнь! — воскликнули переселенцы. — Вам разве не приходится добывать себе пропитание?» Тогда красавцы (а это были домашние кролики) объяснили, что еду им приносят. И морковь, и яблоки, и кукурузу, и капусту. Жизнь у них — просто рай!

Прошло несколько дней, и вновь прибывшие заметили, что самый жирный и красивый кролик исчез. «О да, иногда кто-то пропадает, — признались домашние кролики. — Но мы не обращаем внимания, не хотим, чтобы это отравляло нам жизнь. Ведь вокруг столько приятного!» Вскоре пришельцы поняли, что вся местность вокруг усеяна силками, а над кроликами постоянно витает угроза гибели. Однако местные зверьки, не желая расстаться с удобной и сытой жизнью, охотно закрывали глаза на небольшую неприятность: постоянную угрозу смерти.

В этой притче есть глубокий смысл. Можно встать на точку зрения откормленных холеных кроликов, полагавших, что главная цель в жизни — удобство и комфорт. Многие люди так и считают. Надо жить хорошо: занять уютный дом, наслаждаться вкусной едой, заниматься сексом и ни в чем себе не отказывать. Вот и все. Однако наличие в мире страдания сильно портит им жизнь. И тогда приходится надевать шоры, как делали те одомашненные кролики.

Когда треть населения планеты голодает, трудно поверить, что мир создан ради моего удовольствия. Трудно поверить, что смысл жизни — наслаждение, когда пьяные подростки устаивают страшные дорожные аварии. Трудно быть гедонистом и искать лишь удовольствий, когда вокруг — смерть и страдания. От них не уйти. Но какой пустой была бы жизнь, если бы она состояла из одних удовольствий!

Страдание то шепчет, то переходит на крик — оно не дает нам забыть о нашем грехопадении. Что-то явно не в порядке: в мире столько войн, насилия и бедствий.

Тому, кто ищет лишь удовольствий, тому, кто верит, что жизнь создана для удовольствий, придется постоянно затыкать уши, чтобы не слышать криков боли.

Триста лет назад математик, физик и философ Блез Паскаль с горечью смотрел на своих друзей, которые, как он считал, уходят от решения важнейших жизненных вопросов. Свою точку зрения он изложил в неоконченной книге «Мысли»:

«Я не знаю, ни кто вверг меня в наш мир, ни что такое наш мир, ни что такое я сам; я нахожусь в жесточайшем неведении... Твердо знаю я лишь одно — что очень

скоро умру, но именно эта неминуемая смерть мне более всего непостижима.

И как я не знаю, откуда пришел, так не знаю, куда иду, знаю только, что за пределами земной жизни меня ждет либо вековечное небытие, либо длань разгневанного Господа, но какому из этих уделов я обречен, мне никогда не узнать. Таково мое положение в мироздании, столь же неопределенное, сколь неустойчивое. И вот мой вывод: ни в коем случае не следует убивать время на попытки разгадать уготованный людям жребий. Может быть, я и рассеял бы хоть отчасти свои сомнения, но не желаю тратить на это силы, шага лишнего не сделаю, чтобы найти ответ».

Глядя на легкомысленных людей, Паскаль в изумлении качает головой:

«Что за чудовищное зрелище являет собой человеческое сердце, в котором крайняя чувствительность к любому пустяку уживается с поразительной бесчувственностью к самому важному! Непостижимая зачарованность, противоестественная слепота, знаменующая всевластие той силы, которая их наслала!»

Некоторые религии либо полностью отрицают боль, либо пытаются подняться выше ее. Христианство же стоит на том, что страдание — это реальность нашего мира, доказательство его падшего состояния. Многие не принимают христианское объяснение происхождения страданий. Но мысль о том, что страдание вошло в мир в результате злоупотребления данной человеку свободой, идея мира грандиозного, но падшего, соответствует реальности — двойственной природе мира и обитающего в нем человека.

Мы похожи на людей, переживших кораблекрушение, — на Робинзонов, выброшенных на пустынный берег. От прежней жизни у нас остались лишь немногие реликвии.

Честертон так пишет о христианском мировосприятии: «Современный философ твердил мне, что я — там, где и должен быть, а я не находил себе места. Но вот я узнал, что я — не там, где надо, и душа моя запела, как птица весной. Внезапно осветились забытые комнаты в сумрачном доме детства, и я понял, почему трава всегда казалась мне удивительной, как зеленая щетина гиганта, и почему я так скучал по дому у себя, на земле».

Оптимисты пытались убедить его, что этот мир — лучший из возможных, но он никак не мог с ними согласиться. Христианские утверждения о том, что мы выброшены на мятежную планету, оказались убедительнее:

«А главное, встала на место проблема оптимизма, и в тот же миг мне стало легко, словно встала на место кость. Чтобы откреститься от явного кощунства пессимизма, я нередко называл себя оптимистом. Но современный оптимизм оказался унылым и лживым — он тщился доказать, что мы достойны этого мира.

Христианская же радость стоит на том, что мы его *недостойны*».

Бывает, что мегафон боли производит обратное действие: люди отворачиваются от Бога, который допускает страдание. С другой стороны, боль, как это было с Честертоном, способна привести человека к Богу. И как радостно верить Богу, когда Он говорит, что земная жизнь — еще не конец, и Он готовит прекрасную обитель для тех, кто последует за Ним на этой охваченной страданиями планете.

Трудно быть тварью. Мы думаем, что мы достаточно сильны, чтобы управлять миром без боли и страданий. Но страдания напоминают человеку о его зависимом положении. Мы полагаем, что мы достаточно мудры, чтобы самим придумывать законы нравственности, что у нас хватит сил стать праведниками. Нам кажется, что нам не нужен мегафон боли. Но, как показывает история, произошедшая в Эдемском саду, мы ошибаемся. Мужчина и женщина, жившие в мире, где страдания не было, пошли против Бога.

У нас, потомков Адама и Евы, тоже есть выбор. Можно довериться Богу или обвинить Его в уродстве нашего мира.

По ком звонит колокол

Если вы сомневаетесь в том, что страдание — это рупор, пойдите в отделение реанимации любой больницы. Вы увидите там самых разных посетителей: бедных и богатых, красивых и неприметных, черных и белых, умных и наивных, верующих и атеистов, интеллигентов и работяг. В отделении интенсивной терапии все различия стираются.

Здесь все посетители связаны одной, страшной тревогой: тревогой за близкого человека, который находится между жизнью и смертью. Здесь не важны финансовое и социальное положение, религиозные взгляды. Здесь забывают о расовой неприязни. Здесь чужие люди утешают друг друга или, не стеснясь, вместе плачут. Здесь многие впервые постигают тайну жизни и смерти. Сюда приглашают священника. Громкий голос страдания способен поставить многих людей на колени, заставить задуматься о самом главном. Как с сожалением заметил Гельмут Тилике, капеллан нужен в больнице, а на вечеринке его не ждут.

В этом, я считаю, и есть неизмеримая ценность страдания. Над нашей планетой стоит неумолкающий стон, она взывает об избавлении и исцелении. Но мы отказываемся слышать этот вопль до тех пор, пока нас не заставят прислушаться к страданию или смерти. Я не говорю, что Бог допускает страдание, чтобы до нас докричаться. Я не считаю, что каждый случай человеческого страдания связан с чьим-то конкретным проступком. Страдание возвещает человечеству о бедственном состоянии Божьего мира.

Джону Донну, английскому поэту семнадцатого века, довелось вынести немало страданий — они всегда были его верными спутниками. Тесть разозлился на него и добился того, что Джон потерял работу. Для него полностью закрылся путь в юриспруденцию. В отчаянии Джон стал искать себя в церковном поприще, сделался священником англиканской церкви. Но когда он получил приход, умерла жена, оставив ему семерых детей. Спустя несколько лет, в 1623 году, Джон тяжело заболел: его тело покрыли зловещие метки бубонной чумы.

Болезнь неумолимо развивалась, отнимая у поэта последние силы, — он стоял на краю могилы. (Потом выяснилось, что у него была не бубонная чума, а разновидность тифа.) В это тяжкое для себя время Донн написал серию молитвенных размышлений о страдании — сильные и проникновенные тексты. Его стихотворный сборник «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» был создан сразу, без черновиков — прикованный к постели Донн не сомневался, что умирает.

В этих стихотворениях поэт вызывает Бога на откровенный разговор. Оглядываясь на свою жизнь, Донн не видит в ней никакого смысла. Вот, после долгих блужданий, он наконец нашел свое служение — и тут его поражает смертельная болезнь. Впереди — только боль и смерть. Почему?

Какой смысл в болезни? Книга Джона Донна дает нам один из возможных ответов. Лежа у открытого окна, он услышал унылый колокольный звон, возвещавший о смерти, и подумал: колокол звонит по нему — друзья, узнав о его тяжелом состоянии, заранее его оплакивают. Но потом он понял: звонили по его соседу по палате, которого унесла чума.

Донн посвятил этому колокольному звону один из разделов своей книги — семнадцатый. Его стихотворный цикл — жемчужина поэзии:

«Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий — часть континента; и если море смоем утес, не станет ли меньше вся Европа: меньше — на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом. Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе».

Донн понял: даже когда колокол возвещает смерть другого человека, его звон служит суровым напоминанием о том, что все мы смертны. Не об этом ли человек старается не думать на протяжении всей своей жизни?

«...Со смертью каждого из нас не вырывают из книги соответствующую главу, но переводят ее на другой язык, и перевод тот лучше оригинала; так каждой главе суждено быть переведенной в свой черед; у Бога в услужении множество переводчиков: одни части переведены Старостью, другие — Болезнью, иные — Войной, а иные — Справедливостью, но на каждом переводе лежит рука Господа; и она сплетает вместе разрозненные листы для той Библиотеки, где каждая книга раскрыта навстречу другой: и подобно тому, как колокол, звонящий к началу службы, зовет не только священника, но и паству, этот колокол зовет всех нас: а для меня, кто по болезни своей стоит уже почти у самой двери, призыв его звучит громче, чем для других».

За триста лет до Льюиса, назвавшего страдание мегафоном Бога, Донн по-своему высказал ту же мысль: только страдание способно прорвать наши естественные защиты и толщу повседневной суеты. «Боже, мне нужен Твой гром. Твоя музыка не спасет меня», — писал Донн. Колокольный звон стал для него предвестием грядущей смерти. Для умершего поминальный

колокол — точка, знаменующая конец жизни. Для Донна колокольный звон обернулся вопросом, пронзившим все его естество: готов ли он к встрече с Богом?

Колокольный звон удивительным образом изменил ход мыслей Джона Донна. Гром страданий заставил его переосмыслить собственную жизнь, и то, что он увидел, стало для него откровением. «Я — человек, познавший страдание», — так сказал однажды Донн своей пастве. Но сейчас совершенно очевидно: периоды тяжких мучений служили его духовному обновлению. Испытания очищали от греха и закаляли характер. Бедность научила Донна уповать на Господа, истребила в нем ростки алчности. Неудачи и недоброжелатели помогли ему избавиться от суетных стремлений. Стало понятно: боль может обернуться благом.

Продолжая размышлять о своей жизни, Донн обратил взгляд на свое нынешнее положение. Может ли стать благом его недуг? Болезнь не давала возможности творить добрые дела, но она не ограничивала его в духовном плане. У Донна было много времени для молитвы: колокольный звон напомнил ему об умершем соседе, которому повезло меньше, чем ему, да и о других страдальцах Лондона. Появилась возможность научиться смирению, доверию к Богу, возрасти в благодарности и вере. Донн придумал своего рода игру: он представлял себе свою душу, которая поднявшись с постели, обходила комнату, в то время как тело оставалось бессильно распластанным на кровати. Он чувствовал, как укрепляется его дух.

Донн осознал, что, даже когда он немощен, жизнь его не бессмысленна. Все свои силы он направил в духовное русло: молитва, исповедь, духовный дневник — вот что занимало его теперь. Он перестал думать о себе и задумался о других.

Из книги Донна видно, как изменилось его отношение к страданию. Вначале он молился о том, чтобы Бог избавил его от боли. А потом — чтобы Бог обратил боль во благо, чтобы «научил его болезнью». Донн надеялся на исцеление — благо могло быть явлено и таким чудесным образом. Однако он твердо знал: даже если чуда не будет, Бог способен переплавить его в горниле страданий, сделать из дешевого металла чистое золото.

Глава 6

Что Бог пытается нам сказать?

Болезнь можно воспринять как призыв задуматься, или как милость. Но что если я не знаю, что означает моя болезнь? Я не могу прийти к однозначному выводу, хотя смерть уже грозит заключить меня в свои объятия. Господи, если болезнь послана мне во исправление, то позволь мне отнестись к ней, как к милости. Пусть болезнь по сути своей близка к наказанию, но для меня не существует более убедительного доказательства Твоей милости, чем возможность умереть в Тебе и после смерти моей соединиться с Тем, Кто умер за меня.

Джон Донн. «Обращения к Господу в час нужды и бедствий»

Вот что пишет журнал «Тайме» о событиях, произошедших в городе Юба, штат Калифорния:

«Кладбище Сатер, жаркий день. В окружении плачущих родственников застыла испано-американская семья. Муж и жена, взявшись за руки, бессмысленно глядели на гроб с останками их семнадцатилетнего сына Бобби. Шестеро одноклассников возложили на гроб букеты белых гвоздик. Маленькая племянница Бобби рыдала, обхватив гроб руками. Пришедшие на похороны люди тоже плакали. Отец Бобби стоял молча, лишь время от времени вздрагивая, словно от удара. Затем деревянной походкой супруги направились к лимузину, возглавлявшему печальную процессию.

На том же кладбище женщина по имени Хэрри Роузбро пустыми глазами смотрела, как хоронили ее сына. Он умер в день своего шестнадцатилетия. А Памела Энгстром — ее положили в гроб в подаренном матерью бело-голубом платье в полоску — погибла, едва достигнув восемнадцати лет. Среди жертв трагедии оказались и близнецы Карлен и Шарлей Энгл. Им тоже было по восемнадцать. Они любили распевать песни, которые сочиняла их мама: «Пой под солнцем», «Гордись своей страной»! После похорон запыленный автомобиль Шарлей стоял около дома. «Продается» — гласила надпись на стекле. Автомобиль больше никому не был нужен.

Пятнадцать тысяч жителей городка оплакивали погибших. Пятьдесят три хориста

из местной школы с руководительницей Кристиной Эстабрук ехали в автобусе, и при съезде с трассы водитель не справился с управлением. Автобус, смяв заграждение, рухнул с семиметровой высоты и перевернулся. Крыша оказалась промята до самых сидений...

Вокруг разлетелись забрызганные кровью нотные листы. «Я слышал, как кто-то на передних сидениях отчаянно кричал: «Боже!», — всхлипывал шестнадцатилетний Ким Кеньен. Его подруга, сидящая рядом, погибла. Восемнадцатилетний Пери Мартин, ведущий тенор хора, добавляет: «Все смешалось. Плач, стоны, чьи-то руки, ноги». Погибло двадцать девять человек, двадцать пять — получили ранения.

Эти ребята и девушки вместе учились в школе, вместе пели в мюзикле «Скрипач на крыше». Некоторым из них до окончания школы оставалось всего три недели, и в прошлую субботу уже был выпускной. И вот теперь их друзья, ошеломленные случившимся, бесцельно бродят по школьным коридорам. Время от времени они останавливаются около кабинета директора: здесь вывешивают больничные сводки о состоянии раненых. Карен Хесс, лидер союза учащихся, заметила: «Большинство из нас впервые столкнулись с таким горем — потерей близких друзей».

Почему именно Юба?

Почему это не случилось где-нибудь в Канзасе, Джорджии или Нью-Джерси?

Почему именно школьный хор? Почему не джаз-группа, не футбольная команда, не отряд следопытов?

Это была обычная дорожная авария. Да, жертв оказалось больше, чем обычно, но ее не сравнить ни с землетрясением в Калифорнии, ни с наводнением в Пакистане, ни с трагедией на пароме в Маниле. И, тем не менее, любое рядовое несчастье, подобное случившемуся в Юбе, вызывает множество тревожных вопросов.

Неужели эти двадцать девять подростков заслужили такой ужасной смерти? Может быть, Бог хотел им что-то сказать? Или трагедия была предупреждением для их родителей и друзей? Будь вы на месте других учеников школы, перед вами неизбежно встали бы подобные вопросы. А если бы вы оказались одним выживших в аварии? Наверное, вы всю жизнь думали бы о том, почему вы живы, а друзья — погибли.

Неужели Бог заставляет скользить школьные автобусы, а затем наблюдает, как они катятся под откос, ломая заграждения? А может быть, Он красным маркером наносит на карту маршрут, по которому пройдет ураган в Индиане? *Вот сюда, теперь снести этот дом, убить шестилетнюю девочку, а следующий дом минует, его надо оставить нетронутым.* Неужели Бог программирует земные события, точно видеоигру, экспериментируя со штормами, землетрясениями и ураганами? Неужели Он таким образом наказывает или вознаграждает людей, и мы — лишь беспомощные жертвы?

Столь дерзкие вопросы могут показаться чуть ли не богохульством. Но они терзают меня давно. Да и мои неверующие друзья атакуют меня подобными вопросами. В страдании практически все начинают задумываться о Боге — о том, каков Он. У меня есть книга «Теории болезни», в которой собраны результаты опросов среди ста тридцати девяти племен разных стран мира. За исключением четырех, все племена считают болезнь признаком немилости бога (или богов).

Большинство людей признает, что боль играет существенную роль в защите человеческого организма. Страдание же имеет определенную нравственную ценность: оно заставляет нас увидеть, что мы — смертные существа, живущие на стонущей от боли планете. Большинство христиан в своих выводах идут дальше и признают, что через мегафон боли Бог обращается к человечеству в целом. Но в том-то и особенность боли, что она всегда касается конкретного человека. Страдание — всегда дело сугубо личное, будь то приступ радикулита или депрессии.

Как-то я смотрел интервью с известной голливудской актрисой — ее любовник утонул в бухте неподалеку от Лос-Анджелеса. Расследование показало, что он упал за борт яхты, напившись до бесчувствия. Актриса взглянула прямо в камеру — на прекрасном лице боль утраты — и с вызовом спросила: «Как любящий Бог мог такое допустить?»

Скорее всего, актриса о Боге давным-давно и не вспоминала — месяцы, а может быть, и годы. Но вот, столкнувшись с горем, она гневно винит Бога. Беда мгновенно «включила» в ней недоверие к Богу — реакция почти на уровне рефлекса. Так случается с большинством. Страдание заставляет усомниться в истинности расхожих представлений о Боге. Когда случается несчастье, я помимо своей воли задаю себе вопрос: «Боже, что Ты хочешь мне сказать?» Этот вопрос

возникает, когда у меня начинается ангина и когда умирает друг. «Господи, что Ты имел в виду?»

Как-то на одном банкете мой собеседник затронул вопрос о недавнем землетрясении в Южной Америке, и с искренним удовлетворением отметил: «Знаете, при землетрясении христиан погибло намного меньше, чем неверующих». В словах этого мужчины звучали нотки торжества. Но я подумал о тех христианах, которые все-таки погибли: что они такого сделали, что обрекли себя на ужасную смерть вместе с язычниками?

А еще я подумал о бедствиях, которые коснулись непосредственно христиан: об армянской резне, о перевернувшемся автобусе с церковным хором, о наводнении, которое смыло христианский лагерь в Эстес Парк в штате Колорадо, о разрушениях в библейском колледже близ плотины Токоа Фолз. Выходит, что вера в Бога не гарантирует защиты от трагедий!

Случись трагедия, верующих, как и всех остальных, одолевают сомнения, им так же кажется, что их предали. Более того, христиане острее чувствуют несправедливость. Если миром правит случай, то неважно, в каком городе разбился автобус. Но если вы верите, что миром правит всемогущий и любящий вас Бог, то вам безразлично, что и где происходит.

Что говорит Библия

Самые горькие вопросы о боли и страдании всегда касаются причины страдания. Если Бог действительно властвует над миром и причастен ко всем земным трагедиям, то почему Он так несправедлив? Или все происходящее — Его каприз? Неужели Бог — этаким космическим садистом, который готов раздавить человека, словно окурочку и с удовольствием смотреть, как мы корчимся от боли?

В Библии нет однозначного ответа на вопрос «Кто виноват?» Иногда на занятиях воскресной школы я прошу кого-то из группы прочесть тот или иной отрывок из Библии и ответить на вопрос: «В чем причина происшедшего?»

Бытие 38:7. Очевидно, Сам Бог явился причиной смерти Ира: «Ир был неугоден пред очами Господа, и умертвил его Господь».

Лука 13:10–16. Сатана или по крайней мере «злой дух» был причиной болезни женщины, которая в течение восемнадцати лет была скорчена. Апостол Павел тоже называл свою болезнь жалом в плоть — ангелом сатаны.

Иов 2:4–7. В книге Иова мы видим действие сразу двух причин: страдание несет сатана, но лишь с дозволения Бога.

Притчи 26:27. Этот стих, характерный для Притч, подчеркивает существование причинно-следственной связи между поступками человека: делаешь зло — сам однажды пострадаешь.

Как я уже говорил в первой главе, толчком и написанию этой книги стали размышления о страданиях моей подруги Клавдии Клэкстон и о тех несуразных утешениях, которые ей приходилось выслушивать от верующих друзей. Но стоит прочесть вышеупомянутые отрывки из Писания, как перестаешь удивляться тому, что христиане так путаются в своих толкованиях боли. Могу привести десяток отрывков из Писания, каждый из которых по-своему объясняет причину несчастий. Я так и не нашел в Библии единой теории, которая бы популярно объяснила, зачем нужны страдания.

Ветхий Завет, например, не единожды рассказывает о том, как Бог сверхъестественным образом вмешивается в ход истории, чтобы наказать зло. Взять хотя бы историю десяти египетских казней! Есть другие подобные примеры. Я так и не нашел исчерпывающего объяснения, но могу предложить два общих наблюдения.

1. Многие отрывки Ветхого Завета предупреждают о плачевных последствиях, к которым могут привести конкретные действия человека. Немецкий библеист Клаус Клох убедительно показывает, что Псалтырь и Притчи, как и большинство других книг Ветхого Завета, отвечают принципу: «неправедные деяния приводят к серьезным последствиям». Они полны наставлений такого рода: «Леность погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод» (Притч 19:15). Те, кто писал эти книги, считали, что согласно Божьему установлению, каждый человек в отдельности и все общество должны жить по определенным законам. Честность, справедливость, милосердие приносят добрые плоды, а обман, несправедливость, жадность порождают ответное зло.

2. Некоторые тексты Ветхого Завета говорят о том, что Бог посылает людям бедствия в наказание за их дурные поступки. Книги Пророков полны зловещих предупреждений о грядущем суде. Но обратите внимание: словам о неизбежной расплате всегда предшествует предостережение. Пророки — Амос и Иеремия, Исайя и Аввакум, Осия и Иезекииль — перечисляют множество пороков и грехов, которые влекут за собой наказание.

И почти в каждом случае пророки оставляют надежду: Бог смиляется, если Израиль раскается в своих грехах и вернется к Богу. Но если народ будет упорствовать, Бог покарает. В подобных случаях наказание явно приходит от Бога, но оно никогда не бывает вызвано прихотью Бога, никогда не бывает несправедливым. В Ветхом Завете наказания всегда соответствуют природе отношений Бога с Его народом и заключенному между ними Завету. Наказания следуют только после серьезных предупреждений.

Я согласен: Ветхий Завет пропитан идеей вознаграждения/наказания, он вводит принцип: «поступаешь праведно — получишь награду; поступаешь неправедно — будешь наказан». Но я не считаю, что этот принцип в той же мере действует и сейчас. В книге «Разочарование в Боге» я доказываю, что правила, на которых был основан завет Бога с Израилем, отражали уникальные отношения, которые мы воспроизвести не сможем. Да этого и не требуется.

Подумайте о принципах Ветхого Завета в свете вопросов, которые сегодня встают перед людьми. «Почему именно я?» — неизбежно вопрошаем мы, когда с нами случается несчастье. И Клавдию Клякстон, и родных погибших в городе Юба подростков, и даже актрису, потерявшую бой-френда, — всех мучил этот вопрос. *Две тысячи машин мчались под дождем по автостраде — почему только меня занесло и выбросило в кювет? Толпы горнолыжников катались рядом со мной — почему только меня угораздило сломать ногу и испортить себе отпуск? Эта редкая форма рака поражает лишь одного из сотни тысяч — почему именно мой отец оказался «избранным»?*

Люди, попавшие в беду, терзаются подобными вопросами. Библейские примеры помогают в них разобраться. Вернемся к первому выводу, который гласит: определенные действия приводят к плачевным последствиям. Этот принцип в полной мере действует и в настоящее время. Лыжник, который выехал за ограждение и катается на склонах, где существует угроза схода лавины, подвергает свою жизнь опасности. Водитель, превышающий скорость на мокром шоссе, сам ставит себя под удар. Любители жареного и сладкого подвергают риску свое здоровье.

Но книга Притч не ограничивается столь тривиальными примерами. В ней говорится, что каждый наш поступок имеет и нравственный аспект: творимое нами добро и зло сказывается на нашем здоровье и оставляет след в нашей жизни. Современные аналоги древних пороков — курение, беспорядочные сексуальные связи, производство и употребление наркотиков, загрязнение окружающей среды, обжорство — напрямую ведут к серьезным последствиям. Выявленные закономерности стали предметом широкого обсуждения. Законы, заложенные при сотворении мира, одинаковы и для христиан, и для неверующих. Этот вывод подтверждает статистика: в штате Юта, где проживают мормоны, которые очень заботятся о своем здоровье, уровень сердечных заболеваний намного ниже, чем в соседней Неваде, известной своей свободой нравов, где этот показатель один из самых высоких.

А что сказать о втором выводе: Бог временами непосредственно вмешивается в жизнь людей, наказывая их за несправедливые поступки? Меня удивляет, как часто и необдуманно современные христиане ссылаются на этот принцип. Навещая больного, они приносят в подарок чувство вины («Должно быть, ты чем-то заслужил такое наказание») или обвинение («Ты, наверное, мало молилась»).

Заметьте: существует огромная разница между теми несчастьями, которые сваливаются на нас — спортивные травмы, редкая форма рака или автокатастрофа, и теми страданиями, которые Бог посылал в наказание в ветхозаветные времена. Каждое Божье наказание следовало лишь после однозначного предупреждения — ты творишь зло. Общеизвестно: чтобы наказание было эффективным, оно должно быть четко связано с проступком. Мало пользы, если родители будут время от времени подходить к ребенку и награждать его шлепком или подзатыльником. При таком подходе из ребенка вырастет неврастеник, а не ответственный и разумный человек.

Израильский народ прекрасно понимал, за что терпел наказания — пророки его детально предупреждали. Египетский фараон точно знал, за что на его землю обрушились десять казней: Бог предрек бедствия, указал их причины и объяснил, как можно предотвратить наказание. Библейские примеры бедствий, которые являются Божьей карой, укладываются в одну схему: беды постигают людей после многочисленных предостережений. Всем все понятно, и никто не мучается вопросом: «Почему?»

Так ли происходит сегодня с большинством людей? Получаем ли мы перед всяким бедствием прямое предупреждение от Бога о грядущей катастрофе? А когда беда приходит, сопровождается ли она исчерпывающими объяснениями? Если нет, то я должен задаться вопросом: правда ли, что мое несчастье — рак или автокатастрофа — это Божье наказание? Если страдания действительно являются наказанием, то кого и за что наказывает Бог? Болезни и бедствия поражают людей

произвольно, вне зависимости от их пороков или добродетелей.

Честно говоря, я считаю: если Бог не дает конкретного откровения, то следует поискать другую причину случившегося. В Библии есть места, в которых говорится о людских страданиях, никак не являющихся Божьей карой.

Что говорит Христос

Христиане верят, что приход Иисуса ознаменовал вхождение Бога в историю человечества. Бог перестал быть «где-то там». Он перестал быть Богом, Который лишь временами спускался вниз, чтобы что-то изменить в ходе истории. Бог воплотился в человеческое тело, живущее на земле. Он подчинил Себя физическим законам земного бытия и ограничениям, установленным для людей. Теперь, чтобы понять, как Бог относится к людским страданиям, посмотрите на Иисуса.

Христос никогда не читал страдальцам нравоучений о том, что следует смириться со своей долей. Он мгновенно откликнулся на мольбы несчастных и исцелял. Свою чудесную силу Иисус использовал для того, чтобы спасать, а не наказывать.

Чудеса исцеления всегда радовали и удивляли толпу, но все же не чудеса были главным в Его служении. Исцеления служили для того, чтобы донести до людей высшие истины. Временами казалось, что Иисус не желает вмешиваться в события. Он говорил, что творит чудеса потому, что люди в них нуждаются. Часто Он старался, чтобы слухи о Его дивных делах не распространялись. Бывали случаи, когда Иисус умышленно отказывался изменить естественный ход событий: в Свой самый тяжкий час Он не призвал ангелов, чтобы те избавили Его от мук.

Своим поведением Иисус показывает нам, что нехорошо Богу постоянно вмешиваться в нашу жизнь. Да и Царствие Небесное — это царство духа, которое Бог созидает в сердцах и умах людей без внешнего проявления Своей силы. Можно сказать, что Иисус не стремился радикально изменять естественные законы, по которым живет наш мир. Он не стал, например, вносить усовершенствования в работу центральной нервной системы. Вместо этого, Он «надел» ее на Себя со всеми ее нежелательными свойствами. Когда Иисус претерпевал мучения, Он вел себя так же, как все люди: Он испытал страх и ужас.

А как Иисус отвечал на вопрос о том, кто виноват в страданиях? Наиболее емко этот ответ прозвучал в тринадцатой главе Евангелия от Луки. И опять, как и в Ветхом Завете, мы видим, что ответ неоднозначный. Сначала Иисус заявляет, что сатана навлек болезнь на женщину — мучил ее восемнадцать лет. А в конце главы Иисус оплакивает Иерусалим. Как и ветхозаветные пророки, Он предвидит, что упорство и неповиновение жителей города навлекут на них большие бедствия.

Чуть раньше в этой же главе, Иисус отвечает на вопрос о двух происшествиях, которые явно обсуждались в народе. Первым было жестокое подавление восстания в Галилее. Вторым — несчастный случай на строительстве Силоамской башни, где погибли восемнадцать человек. Эти два случая наиболее близки к тем бедствиям, с которыми сталкиваются люди сегодня. Выходит, еще в первом веке иудеи вопрошали Иисуса о причинах трагедий, подобных гибели подростков в Юбе или зрителей под рухнувшей на них крыше стадиона.

Христос дал исчерпывающий ответ, но загадка осталась: Он не сказал, почему так случилось. О причинах — ни слова. Однако Иисус со всей определенностью указал: несчастья не были следствием конкретных поступков, нарушивших Божьи законы. «Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам... Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам...» (Лк 13:1–5).

Скорбящим родственникам не следовало мучить себя вопросом, что погубило их близких. Иисус ясно говорит: жертвы трагедий не сделали ничего, чтобы заслужить подобную судьбу. Они были ничем не хуже других людей. Иисус не проясняет причину, но мы понимаем: башня могла упасть из-за неправильно заложенного фундамента. Я думаю, что родным погибших школьников Иисус ответил бы так же: «Думаете, они были грешнее других подростков?» Автобус мог перевернуться из-за ошибки водителя или скрытой поломки.

Но Христос на этом не останавливается. Сказав несколько слов о трагедиях, Он переходит к разговору о вечных истинах, которые затрагивают каждого слушателя: «Если не покаетесь, все так же погибнете». И рассказывает притчу о милости Божьей, хранящей нас. Он дает понять: для тех, кого катастрофа не коснулась напрямую, это не меньший урок, чем для пострадавших. Любая трагедия должна подталкивать к мысли о покаянии — ведь не исключено, что следующая автокатастрофа или следующий теракт оборвут твою жизнь. Таким образом, бедствия связывают воедино пострадавших и свидетелей случившегося, напоминая о том, что жизнь коротка.

«Почему?» или «Для чего?»

Однажды я присутствовал на похоронах девочки-подростка, погибшей в автокатастрофе. Ее мать причитала: «Бог забрал мою девочку домой. Наверно, у Него есть причины... Благодарю Тебя, Господи!» Я не раз встречал христиан, которые во время болезни искали ответ на вопрос: «Господи, чему ты хочешь меня научить этой болезнью?» Как часто звучит мольба: «Где мне взять достаточно веры, чтобы избавиться от болезни? Что мне сделать, чтобы Бог меня спас?»

Может статься, что эти люди неверно воспринимают свои несчастья. Может быть, каждый раз, когда у нас что-то болит, Бог и *не пытается* сказать нам нечто конкретное? Боль и страдание — неотъемлемая часть земной жизни. Христиане от них не избавлены.

Порой мы понимаем, отчего заболели: неправильно питались, мало двигались или подхватили вирус. Неужели Бог будет вмешиваться каждый раз, когда существует угроза нашему здоровью?

В моем понимании отношение Иисуса к боли близко к тому подходу, о котором я писал выше: «страдания — мегафон Божий». Наличие страданий свидетельствует о том, что с нашей планетой что-то не в порядке. Страдание — это предупреждение, адресованное всему человечеству: «Если не покаетесь...» И из этого вовсе не следует, что каждое конкретное несчастье — результат прямого вмешательства Бога.

Есть еще одна евангельская история, которая проясняет наш вопрос. Я говорю о случае, когда Иисус отверг традиционные объяснения страдания. Ученики с жалостью указывают Ему на слепорожденного. «Кто согрешил, он или его родители?» — спрашивают будущие апостолы. Их волнует, чем человек заслужил болезнь. Иисус отвечает без обиняков: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божий» (см. Ин 9:1–3).

Пытаясь ответить на вопрос «Почему?», ученики смотрели в прошлое. Иисус же обратил их взоры в будущее — Он ответил на другой вопрос: «Зачем?» Я убежден, что в этих словах заключена суть библейского отношения к страданию. Библия не дает однозначных ответов на вопросы «Почему?», которые адресованы в прошлое. Но она дает надежду на будущее, надежду на то, что страдание может трансформироваться во благо. Слепота — трагедия для человека, но она может послужить к тому, чтобы явилась слава Божья.

Иногда Бог являет Свою славу, свершая чудо, как в случае со слепорожденным. Иногда — нет. Но в любом случае, страдание — это возможность, чтобы на нас явились дела Божий.

Глава 7 Для чего мы здесь?

На гниющей соломке ощутил я в себе первое шевеление добра. Послепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, — она проходит через каждое человеческое сердце — и через все человеческие сердца...

...Все писатели, писавшие о тюрьме, но сами не сидевшие там, считают своим долгом выражать сочувствие к узникам, а тюрьму проклинать. Я — достаточно там посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно: «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни».

Александр Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»

Выходит, что Библия дает очень разные ответы на вопрос о причинах страданий. Однако тема страдания раскрывается в ней настолько полно, что суть Божьего ответа не оставляет сомнений. Она ясно выражена в книге Иова, находящейся точно в середине Ветхого Завета.

Книга Иова — одна из самых древних книг Библии. А читается она как современная — в ней напрямую затронут вопрос о страдании, который столь остро звучит в наше время. Историю Иова пробовали пересказать современным языком такие авторы, как Роберт Фрост, Арчибальд Маклиш и Мюриэль Спарк.

Иов был человеком праведным и преданным Богу. Он любил Бога всем сердцем. Кто-то, а уж Иов страданий ничем не заслужил, но его-то Бог и выбрал, чтобы показать сатане всю силу человеческой преданности.

И вот Иова преследует одно ужасное бедствие за другим. Даже одного из них было бы достаточно, чтобы сломить человека. Набег кочевников и пожар, разгул воли человеческой и разгул стихии — Иов теряет все, что у него было. Из его многочисленной семьи в живых остается лишь жена, но и она не в состоянии утешить Иова. И тут положение Иова усугубляется — его тело покрывают гнойные язвы.

В течение нескольких часов на бедного Иова обрушиваются все ужасы ада, он теряет

богатство и здоровье. Ему остается лишь причитать, соскребая гной с ран. Он в состоянии примириться с болью, но ему невыносимо ощущение, что Бог его предал. Иов всю жизнь верил в Божью справедливость и милосердие. Но то, что с ним произошло, идет вразрез с его представлениями о Творце. Иова мучают тягостные вопросы, которые задает почти каждый страдалец: «Почему я? Чем я провинился? Что Бог хочет мне сказать?»

Друзья пришли утешить Иова, и вместе они пытаются постичь тайну страдания. Друзья — люди набожные и почтенные. Их речи блещут ученостью. Но в сущности все их доводы сводятся к одному: «Иов, Бог хочет тебе что-то сказать. Беспричинных страданий не бывает. Здравый смысл подсказывает, что праведный Бог справедлив к людям. Послушных и верных Он вознаграждает, а грешников наказывает. Покайся, и Бог помилует тебя».

Жена Иова предложила другое решение проблемы: похулить Бога и умереть. Но Иов отказывается и от ее совета. Пусть Бог несправедлив к нему, но отречься от Него Иов не может. Где найти ответ? В отчаянии Иов допускает, что Бог, как садист, «пытке невинных посмеивается» (Иов 9:23).

Под напором друзей Иов колеблется, противоречит себе, частично соглашается с ними. Но он не может и не хочет закрывать глаза на несправедливость, творящуюся в мире. Жулики тучнеют и благоденствуют, а праведники живут в бедности и страданиях. Добро вознаграждается явно не всегда, а зло — не наказывается.

Яростные речи Иова не сравнить со спокойными здравыми рассуждениями его друзей. Но обдумывая свое положение, он вновь и вновь приходит к выводу: они неправы. Вопреки доводам друзей, Иов твердо стоит на своем. На первый взгляд его убеждение противоречиво: он, Иов, не заслужил страданий, но Богу, тем не менее, можно доверять. Однако даже когда друзья язвительно бросают ему: «Разве ты праведнее Бога?» — Иов не колеблется.

Больше всего меня тревожит то, что доводы друзей очень напоминают взгляды современных христиан. Разве осталась хоть одна грань проблемы страданий, которую не затронули в «здравых» речах друзей Иова? Тем не менее, развязка неожиданная — Бог гневно осуждает высокоумные Своих защитников. «Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих, — говорит Бог одному из них, — за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов 42:7).

Таким образом, в Ветхом Завете, где страдания часто предстают как Божье наказание, пример Иова сияет особым светом. Книга Иова — окончательное развенчание стереотипа, связывающего каждое бедствие с карой Господней. Да, Библия утверждает, что в земной жизни действует принцип «что посеешь, то и пожнешь» (см. Пс 1:3; 36:25), но история Иова свидетельствует, что действие этого закона не всегда нам понятно и порой не столь прямолинейно, как нам хотелось бы. Иов менее всех заслуживал страдание, но мало кто страдал так, как он.

Абсолютно справедливый мир

На первый взгляд рассказ об Иове — это рассказ о страдании, то есть о том, чему я посвятил свою книгу. Но если присмотреться внимательнее, то оказывается: книга Иова поднимает совсем другую проблему — вопрос о свободе человека. Иову пришлось претерпеть незаслуженные страдания, но благодаря его стараниям нам стало ясно, насколько Богу важна любовь людей, любовь искренняя и добровольная.

Эта проблема весьма непростая, она заводит в тупик великие умы. Карла Густава Юнга вопрос о поведении Бога по отношению к Иову привел к странному выводу. Выдающийся психиатр предположил, что решение Бога о воплощении и смерти Христа было продиктовано чувством — Богу стало стыдно за Свое обращение с Иовом. Юнг считал, что Бог пришел в мир в теле Иисуса Христа для достижения нравственного совершенства.

Скорее всего, Юнг не учел, насколько высоко Бог ценит свободное проявление любви человека. Испытания Иова явились результатом небесного спора: «А воистину ли человеческие существа свободны?» Сатана заявляет, что вера человека обусловлена внешними обстоятельствами. Иов приучен любить Бога, но попробуйте лишить его всех благословений и увидите, как рассыплется его вера. Ни о чем не подозревающий Иов был избран объектом вселенского спора о человеческой свободе.

Спор между Богом и сатаной — не просто словесное состязание. Сатана заявляет: Иов любит Бога лишь потому, что Бог «кругом оградил его» (Иов 1:10). Это обвинение ставит под вопрос цельность Самого Бога. Выходит, что Бога можно любить лишь за Его благодеяния. А раз люди хранят Ему верность только из корысти, то Бог их как бы подкупает. Сатана бросил вызов Богу. Теперь все зависит от Иова — как он поведет себя, когда лишится всего, что, как утверждает

сатана, составляло основу его веры.

Чтобы лучше уяснить суть вопроса о свободе человека, представьте себе мир, в котором каждый действительно получает по заслугам. Как выглядел бы мир, где царит абсолютная справедливость?

Мораль там должна действовать согласно неизменным законам, аналогичным законам природы. За неверными поступками неизбежно должно следовать наказание.

Так работает болевая система: коснитесь пламени и «наказание» не заставит себя ждать — боль просигнализирует о том, что вы поступили неправильно. В царстве справедливости наказание за грех следовало бы столь же незамедлительно. Ваша рука потянулась, чтобы что-то украсть — вас остановит болевой шок. С тем же постоянством в подобном мире должны вознаграждаться благие деяния: заполнили налоговую декларацию честно — и вас тут же захлестнула волна удовлетворения. Так дрессированный морской котик получает рыбку за каждый хорошо выполненный трюк.

Этот воображаемый мир может показаться довольно привлекательным. Он — честен, закономерен и предсказуем. Каждый ясно понимает, что от него хочет Бог. В таком мире царит справедливость. У этого аккуратного мира есть только один минус, но минус принципиальный: он не соответствует Божьему замыслу. Бог хочет от нас любви, причем главное — любви добровольной. Она для Бога чрезмерно важна. Ради того чтобы мы обладали свободой воли и имели возможность добровольно отдать Богу свою любовь, Бог допускает, чтобы наша земля, как метастазирующая раковая опухоль, на время оказалась рассадником зла во вселенной. Но лишь на время.

Мир, живущий по неизменным и справедливым законам, лишен подлинной свободы. Мы поступали бы праведно, но только ради награды, то есть на добрые дела нас толкал бы эгоизм. А любовь к Богу? Если бы Бог вживил в нас жажду по Себе, то было бы невозможно Его не любить. Но при этом не было и речи о свободе выбора, не было бы разнообразных и равно привлекательных вариантов действий. Подобный мир был бы миром автоматов, функционирующих по схеме «действие — реакция». Сравните с тем, что предлагает нам Библия: христианские добродетели люди обретают, лишь избрав Бога и Его волю, и при этом они борются с искушениями, мешающими им следовать за Господом.

Библия являет нам Бога, равнодушного к человеку. Бог — муж, Который ухаживает за своей женой. Он добивается ее любви. Такое сравнение не годится для мира, где царствует справедливость, где каждый поступок неизбежно влечет наказание или награду. Для мира справедливости больше подошел бы образ содержанки или жены-рабыни: женщину балуют, осыпают подарками, но при этом держат взаперти, чтобы, не приведи Господи, не изменила. Бог относится к людям не так, Он не держит нас на коротком поводке. Бог нас любит, отдает нам Себя и с нетерпением ждет от нас ответной любви.

Бог желает, чтобы мы избрали любовь по доброй воле, даже если такой выбор повлечет за собой страдание. Бог хочет, чтобы мы жаждали Его больше, чем приятных чувств и вознаграждений. Он желает, чтобы, даже когда у нас есть веские причины отречься от Него, мы оставались Ему верны, как остался верен Иов. Вот в чем, на мой взгляд, заключается основная мысль книги Иова. Сатана обвинил Бога в том, что Тот не дал людям подлинной свободы. Но неужели Иов был предан Богу лишь потому, что наградой за преданность было благоденствие? Суровые испытания, перенесенные Иовом, дали сатане ответ. Иов стоял на том, что Бог благ и справедлив, хотя происходящее с ним было ярчайшим примером несправедливости Бога. Иов искал Даятеля не потому, что получал от Него дары. Когда дары были отняты, он продолжал Его искать.

Кузница духа

Если мир полной справедливости не позволяет Богу получить от нас то, чего Он хочет — любви без принуждения, то такого мира Бог для нас и не желает. В первых главах этой книги я показал, что боль — это ценный, даже необходимый атрибут жизни на земле. Соответственно и страдание может стать полезным для достижения Божьей цели.

Я упоминал о том, как важен для нас «мегафон страдания». Его голос напоминает нам о том, что люди оказались на нашей стелющейся планете не для того, чтобы купаться в удовольствиях. Но тогда — для чего? Если цель Бога — не наше счастье, то зачем нужен этот мир? Зачем мы Богу?

Пояснить намерения Бога можно на примере обычной семьи. Допустим, отец решил оградить любимую дочурку от всякой боли. Он не позволяет малютке и шагу ступить — она может упасть! Отец всюду носит дочь на руках или возит ее в коляске. Через некоторое время изнеженная дочь

превратиться в инвалида: атрофируются мышцы, она не сможет передвигаться сама и будет полностью зависеть от отца.

Как бы сильно отец ни любил дочь, он не сумеет выполнить самую важную задачу: вырастить самостоятельного человека, приспособленного к взрослой жизни. Для девочки будет полезнее, если отец перестанет навязывать ей свою заботу, и она научится ходить, хотя при этом не раз споткнется и упадет! Проведем параллель с Иовом. Он один, он отчаянно страдает, он не находит ответов, несущих ему утешение. Но испытание рождает в нем новую, глубокую силу. Раввин Авраам Гешель сказал: «Такую веру, как у Иова нельзя поколебать, потому что она — результат потрясения». Клайв Льюис развивает эту мысль в книге «Страдание». Он пишет:

«Нам нужен, в сущности, не Отец, а небесный дедушка, добродушный старичок, который бы радовался, что «молодежь веселится», и создал мир лишь для того, чтобы нас побаловать. Конечно, многие не осмелятся воплотить это в богословские формулы, но чувствуют именно так. И я так чувствую, и я бы не прочь пожить в таком мире. Но совершенно ясно, что я в нем не живу, а Бог тем не менее — Любовь; значит, мое представление о любви не совсем верно.

Художник не станет беспокоиться, если набросок, которым он хотел позабавить детей, не совсем такой, как он думал. Но о главной своей картине, которую он любит, как мужчина любит женщину, а мать — ребенка, он беспокоится снова и снова и тем самым беспокоил бы и картину, если бы она могла чувствовать. Нетрудно представить, как чувствующей картине, которую скребут, смывают и начинают в сотый раз, хочется быть легкомысленным наброском. И нам естественно хотеть, чтобы Бог предназначил нам менее славную и утомительную долю; но это значит, что мы хотим, чтобы Он любил нас меньше, а не больше».

Вопрос о страдании не дает человеку покоя. Страдание раздражает тех, кто убежден, что, эволюционируя, человек достиг совершенства, а совершенному существу нужны идеальные условия жизни. У христиан на этот счет другое мнение. Вот как выразил его профессор Джон Хик в книге «Философия религии»: Бог имеет дело с несовершенными созданиями, развитие которых еще не закончено. Эти размышления возвращают нас к вопросу о смысле земной жизни. Жизнь на земле воспитывает человека: она нужна, прежде всего, для нашего духовного развития.

Мы уже говорили о преимуществах мира, в котором действуют жесткие законы, а человек имеет свободу: он волен злоупотребить своей свободой и нанести вред своим братьям. Джон Хик рисует нам картину мира-утопии, в котором человек полностью огражден от всякого страдания и зла, и приходит к выводу: в мире, в котором человек не делает ошибок, Бог не сможет осуществить Свои замыслы:

«Предположим, окружающий мир вдруг стал раем, где исключена любая возможность боли и страданий. В этом мире будут совершенно иные законы. Например, человек не сможет ранить другого человека: нож убийцы превратится в момент удара в бумагу, а пуля растворится в воздухе. Банковский сейф, из которого похитили миллион долларов, чудесным образом наполнится вновь. (В обычном мире это вызвало бы инфляцию.) Мошенничество, обман, коварство и предательство не окажут никакого влияния на состояние общества. Несчастные случаи уйдут в прошлое, невозможно будет получить травму: и скалолаз, сорвавшийся с горы, и ребенок, вывалившийся из окна, плавно спланируют на землю. Даже азартный водитель не попадет в аварию. В том мире не будет потребности работать, помогать в тяжелые времена друзьям, так как в нем не будет реальной нужды и реальных трудностей.

Чтобы приравниваться к конкретным ситуациям, природе пришлось бы выйти за рамки общих законов и каждый раз вырабатывать частные закономерности: иногда предмет должен быть твердым, а иногда — мягким... Человеку не пришлось бы учиться уважать законы природы: в мире отсутствовали бы два главных учителя — страдание и смерть.

Если вообразить себе такой мир, то станет ясно: в нем наши представления об этике не имели бы никакого смысла. Например, суть противоправных действий — нанесение вреда ближнему. Но в гедонистическом раю не может быть противоправных действий, как нет и правовых — между ними отсутствует разница. Мужество и стойкость в мире, в котором нет опасностей и трудностей, тоже ни к чему. Не было бы и условий для воспитания в человеке щедрости, доброты, жертвенной любви, благоразумия, доброжелательности и других добродетелей, без которых не может существовать стабильное общество. Из этого следует, что в мире сплошного удовольствия не может появиться нравственная человеческая личность. Это был бы худший из возможных миров.

И тут становится ясно: мир, в котором свободные разумные существа имеют возможность развить свои лучшие качества, должен быть похож на наш мир. В нем должны действовать

всеобщие неизменные законы. В нем должны быть реальные опасности и трудности. В нем должны быть боль, неудачи, скорбь и разочарование. В нем должно быть место поражениям.

Если мы согласны с вышесказанным, то нельзя не согласиться и с тем, что наш мир со всей его «тоской и тысячей природных мук, наследьем плоти», создан не для того, чтобы давать нам наслаждения. Боль — не помеха, от которой нужно избавиться. Назначение нашего мира — быть «кузницей духа» ».

В каком-то смысле Богу легче было бы вмешаться в земные дела — гипнотически внушить нам веру и чудесным образом во всем помогать. Но Он выбирает другой путь: Он протягивает к нам руки и зовет к Себе, просит нас активно участвовать в созидании нашего духа. А это всегда путь борьбы и страданий.

Для чего?

Представление о земле, как о кузнице духа проясняет ряд трудных для понимания мест Библии. Да, Библия не раскрывает причин страдания каждого конкретного человека. Но в ней много примеров, которые показывают, как Бог использует страдания для достижения Своих целей. Бог говорит через пророка Амоса: «За то и дал Я вам голые зубы во всех городах ваших и недостаток хлеба во всех селениях ваших; но вы не обратились ко Мне» (Ам 4:6). Почти на каждой странице пророческих книг — предостережения народу: перестаньте творить беззакония, иначе испытаете великие бедствия.

Большинство из нас придерживается другой системы ценностей, отличной от Божьей. Для нас величайшая ценность — это сама жизнь (и соответственно самое тяжкое преступление — убийство). «Жизнь, свобода и стремление к счастью» — вот как основатели Соединенных Штатов определили наивысшие ценности, на страже которых должно стоять государство. Совершенно очевидно, что Бог придерживается иной точки зрения. Да, Он ценит жизнь человека, Он объявил ее священной. Это значит, что только Бог, а не человек, имеет право отбирать жизнь. Но во дни Ноя, Бог не колеблясь, воспользовался Своим исключительным правом. Ветхий завет пестрит примерами: Бог забирает жизнь людей, чтобы остановить распространение зла.

Библия повествует, что для Бога есть вещи пострашнее, чем страдания Его детей. Вспомните о мучениях Иова, Иеремии или Осии. Бог и Себя Самого не избавил от мук: только представьте, что значило для Бога стать человеком и принять позорную смерть! О чем говорят эти примеры? О том, что Бог лишен сострадания? Или о том, что есть вещи, которые для Бога неизмеримо важнее, чем безмятежная жизнь Его верных последователей?

Как я уже говорил, Библия ставит вопрос о страдании иначе, чем мы. На вопрос «Почему?», обращенный в прошлое, редко дается однозначный ответ. Вместо этого возникает вопрос, обращенный в будущее: «Зачем?» Мы оказались на земле не для того, чтобы осуществить свои желания и обрести совершенную жизнь, свободу и счастье. Мы здесь для того, чтобы измениться, чтобы уподобиться, насколько возможно, Богу, чтобы подготовиться к жизни вечной. И этот процесс таинственным образом воздействует на нашу жизнь: сквозь боль пробиваются радость и наслаждение, зло преобразуется в добро, страдание рождает драгоценные плоды.

Обращается ли к нам через страдание Бог? Искать в тяжелую минуту Божьего откровения опасно, по-моему, это противоречит Писанию. Возможно, причина моего страдания — лишь в том, что в мире действуют незыблемые законы. Но если рассматривать страдание в исторической перспективе, то становится ясно: да, Бог обращается к нам через него. Или, вернее, вопреки страданию. В симфонии, которую Он создает, есть и минорные аккорды, и диссонансы, и утомительные повторения. Но те из нас, кто, повинаясь Его дирижерской палочке, исполняют свою партию от начала до конца, — те, обновившись в силе, запоют новую песнь.

Два заблуждения

Споры о боли часто уводят нас в чистую философию. Разговоры о лучшем из возможных миров, свободе воли или кузнице духа занимают умы, отвлекают страдальцев от насущных проблем, но ничего не решают. Однако я счел необходимым поднять эти вопросы — они непосредственно связаны с нашим восприятием страданий.

У меня сложилось впечатление, что христианин, подобно канатоходцу, постоянно балансирует между двумя опасными заблуждениями. Отклонение вправо или влево может привести к трагическим последствиям.

Первое заблуждение состоит в том, что мы связываем все страдания с Божьей волей, считая их наказанием за людские грехи. Второе, противоположное заблуждение: жизнь с Богом исключает

страдания.

Я уже упоминал о горестных последствиях первого заблуждения. Мне не раз доводилось беседовать с верующими, испытывающими тяжелый недуг. Все без исключения признавались: когда братья и сестры по вере твердят, что эта болезнь — наказание за некий грех, им делается лишь хуже. И вместо поддержки — ведь для борьбы с болезнью им более всего нужны силы и надежда — страждущие получают чувство вины и сомнения. Я рад, что автор книги Иова подробно записал обвинительные речи его друзей. Эта книга всегда будет напоминать мне: в какую бы благочестивую форму ни была облечена моя мысль, я не имею права убеждать страдальца, будто случившееся с ним — Божья воля.

Восприятие страданий как Божьего наказания влечет за собой тяжелые последствия. Печальные тому свидетельства есть в истории Церкви. В средние века женщин сжигали на костре за еретический поступок — принятие обезболивающих средств во время родов. «В болезни будешь рождать детей» (Быт 3:16), — напоминали священники, приговаривая несчастных к смерти. Когда Эдуард Дженнер открыл вакцину от оспы, против него ополчились священнослужители — нельзя вмешиваться в промысел Божий! Да и в наши дни существуют религиозные секты, которые отказываются от медицинской помощи.

Светские писатели использовали эту религиозную тему в своих произведениях. Альбер Камю в романе «Чума» описывает католического священника, которого раздирают сомнения. Отец Панлю не знает, что ему делать: бороться с чумой или проповедовать о ниспослании ее Богом. Проповедь отражает его внутреннюю борьбу: «Тут отец Панлю заверил свою аудиторию, что ему нелегко будет произнести эти слова, поэтому нужно желать их, раз их возжелал Господь. Только так христианин идет на то, чтобы ничего не щадить, и раз все выходы для него заказаны, дойдет до главного, главенствующего выбора. И выберет он безоговорочную веру, дабы не быть вынужденным к безоговорочному отрицанию... Христианин должен уметь отдать себя в распоряжение воли Божьей, пусть даже она неисповедима. Нельзя говорить: «Это я понимаю, а это для меня неприемлемо»; надо броситься в сердцевину этого неприемлемого, которое предложено нам именно для того, чтобы совершили мы свой выбор. Страдания ребенка — это наш горький хлеб, но, не будь этого хлеба, душа наша зачахла бы от духовного голода». Но отец Панлю сам не в силах принять мысли, высказанные им во время проповеди. В последствие, будучи не в силах вынести страданий умирающего ребенка, он отрекается от веры.

Сомнения отца Панлю были бы неразрешимы, если бы Библия однозначно не опровергала идею о том, что всякое страдание — результат совершенного греха. Библия описывает скорби невинного Иова. Сын Божий исцелял болезни, а не насылал их. Если согласиться с утверждением, что Бог посылает нам страдания как урок (так, например, учит Ислам), то придется стать полным фаталистом. Если Бог посылает нам полиомиелит, СПИД, малярию, чуму, рак, желтую лихорадку и прочие недуги в качестве назидания, то какой смысл с ними сражаться?

Когда в семнадцатом веке «черная смерть» поразила Англию, многие уличные проповедники торжественно провозглашали: чума — это Божья кара. Но были и другие верующие — и среди них врачи и священники, — которые остались в Лондоне и помогали больным. Священник деревни Эйам уговорил триста пятьдесят ее жителей, среди которых уже было много зараженных, не уезжать, чтобы не разносить болезнь. Двести пятьдесят девять человек умерли, но жители деревни не дали заразе распространиться.

Даниэль Дефо в «Дневнике чумного года» описывает, насколько отличалось отношение к эпидемии христиан и магометан. Когда чума пришла на Ближний Восток, местные фаталисты не изменили своего поведения — они продолжали посещать людные места. Процент смертей в восточных странах был выше, чем, скажем, в Лондоне, где соблюдались меры предосторожности.

В наши дни есть и христиане-фаталисты, хотя фатализм больше свойственен исламу и индуизму, нежели христианству. Несколько лет назад в США были проведены исследования, чтобы выяснить, почему в южных штатах жертв урагана всегда бывает больше, чем на среднем западе. Исследователи учли и различия в конструкции домов, но главная причина заключалась в том, что южане более религиозны и во время стихийных бедствий проявляют большую пассивность: «Если суждено, чтобы ураган разрушил мой дом, пусть так и будет». А жители среднего запада напротив, прислушиваются к прогнозам погоды, стараются подготовить дом к урагану и на время разгула стихии спускаются в укрытия.

Если заключения исследователей верны, то налицо опасное искажение христианской веры. Южанам необходимо следить за ураганными предупреждениями и принимать нужные меры. Отцу Панлю нужно было занять место в рядах борцов с чумой. Иисус во время своей земной жизни, сражался с болезнями. Он не проповедовал о неотвратимости судьбы и не требовал безропотного

принятия страданий.

Мы, обитатели стонущей планеты, имеем право бороться со страданием. Это даже не столько наше право, сколько обязанность. Тем, кто не согласен, стоит перечитать притчу о добром самарянине из Евангелия от Луки (глава 10) и притчу об овцах и козлах из Евангелия от Матфея (глава 25).

Богословие здоровья и процветания

В последнее время в церквях стало преобладать второе грандиозное заблуждение. Новые течения провозглашают, что верующий избавлен от страданий. Богословие здоровья и процветания могло возникнуть только в обществе изобилия, где хватает обезболивающих средств.

Христианам Ирана или, скажем, Камбоджи вряд ли пришло бы в голову его проповедовать. Один православный христианин как-то заметил: «Создается впечатление, что для вас, западных верующих, богатство — это доказательство Божьего благословения. Бедность, неустройство и страдания для вас символ Божьей немилости. Мы подходим к страданию иначе. Мы считаем, что скорбь может быть знаком Божьей милости и доверия. Мы с уважением относимся к тем христианам, которым Бог посылает страдание».

Сегодня много внимания уделяется чудесным исцелениям. О них пишут в журналах, их показывают по телевизору. Многие проповедники сулят исцеление каждому, кто хочет его принять.

Я никоим образом не стану приуменьшать значение чуда физического исцеления. Но чудеса не решают проблему страдания — смертность христиан составляет 100 процентов. То есть она такая же, что и среди нехристиан. И у тех, и у других с возрастом ухудшается зрение. И у тех, и у других случаются переломы. И у тех, и у других бывают повреждения мягких тканей тела при аварии или при теракте. И те, и другие болеют раком. И те, и другие разделяют скорби этого мира во всей полноте.

Современное увлечение чудесными исцелениями часто влечет за собой побочные эффекты: неисцеленные чувствуют свою богооставленность. Недавно я смотрел в прямом эфире телепрограмму на эту тему. Свидетельство мужчины — он рассказал, как Бог исцелил его ногу за неделю до запланированной ампутации — было встречено горячими аплодисментами. Слушатели визжали от восторга, а ведущий сказал: «На сегодня это самое лучшее чудо!» А я подумал о людях с ампутированными конечностями. Кто-то из них, наверное, смотрел эту передачу и сокрушался о том, что им не хватило веры.

В отличие от многих телепроповедников, апостол Павел полагал, что христианская жизнь несет с собой не столько богатство и здоровье, сколько скорбь. Он писал Тимофею: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3:12). Если человек болен, это не означает, что он обязательно страдает за грех. Христианская вера — не космический скафандр, защищающий верующего от любых опасностей. Бог не допустил такой роскоши даже для Своего Сына.

Завлекал очки, гласящие, что жизнь со Христом гарантирует достаток и здоровье, очень похожи на доводы сатаны из книги Иова. Как мы помним, действительность их опровергла. Чтобы понять, как связаны страдания и вера, советую еще раз вспомнить, чему нас учит Библия. Откройте одиннадцатую главу Послания к Евреям — величайшую главу о вере. Автор перечисляет людей, которые в разные времена проявили верность Богу. Большинство святых, упомянутых в первой части главы, обрели Божье благословение. Это Исаак, Иосиф, Моисей, Раав, Гедон, Давид. Однако дальше автор говорит о других верных, «которые испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча».

Апостол Павел пишет об их жизни: они «скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли». И какой вывод? «Все сии, свидетельствовавшие в вере, не получили обещанного». А что говорит сам Бог об этих людях, которые стремились к лучшей, горней участи? «Посему и Бог не стыдится, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город».

Читая книгу Дэвида Ватсона «Не убоишься зла», я думал об этих Божьих избранниках. Ватсон — известный английский писатель, проповедник и лидер харизматического движения. Он пребывал на вершине успеха, когда вдруг обнаружилось, что у него рак кишечника. И тогда Ватсон, окруженный верными друзьями, начал отчаянную борьбу за свою жизнь. Он вступил на путь целительной веры. И сам Ватсон, и большинство его друзей были убеждены: Бог чудесным образом избавит его от рака.

Однако болезнь наступала, Ватсону становилось все хуже. И ему пришлось обрести иную веру — ту которая двигала святыми, о которых пишет апостол Павел. Ему потребовалась та самая

вера, которая помогла выстоять Иову. В книге Ватсон рассказывает, как он к ней пришел.

Последние слова книги были написаны Ватсоном в январе. В феврале он умер. Многих его книга разочаровала — они хотели прочесть о чуде. Однако теолог Джеймс Пакер, уже после смерти Ватсона написавший предисловие к его книге, увидел в ней возрождение давней христианской традиции — искусства умирать. До недавнего времени достойная смерть считалась вершиной жизни верующего, славным ее завершением.

Пакер пишет:

«То, что Дэвид до последней страницы книги надеялся на исцеление, не мешает восприятию мыслей автора. Исцеления не произошло. Но Бог не всегда открывает Своим служителям исход тех обстоятельств, которые побудили их написать книгу. Тема книги «Не убоишься зла» — победа над смертью. Но победа заключается не в том, чтобы отвернуться от страшной реальности. Победа в том, чтобы, глядя в лицо смерти, двигаться вперед, зная, что путь верующего — это путь славы.

До самого конца Дэвид был убежден, что Бог хочет даровать ему телесное исцеление. Мне же кажется, что Бог хотел призвать Дэвида домой, — но предварительно исцелив его душу, как Он когда-нибудь исцелит и примет всех нас. Со смертью мы *не теряем* здоровье и жизнь. Умирая, мы *обрекаем* и то, и другое».

Глава 8

Биться с Богом — руки коротки

Одни говорят, что для богов мы как мухи, которых бьют мальчишки летним днем. Другие, напротив, говорят, что перышка и воробей не уронит, если Бог не заденет его пальцем.

Торнтон Уайлдер. «Мост короля Людовика Святого»

Представьте себе, что вы прикованы к больничной койке. Ваша жизнь поддерживается с помощью капельниц. Все, что вы нажили, уничтожил ураган. Дом, машина, деньги, спрятанные в кубышке, — все исчезло. Ваша семья погибла. Вас некому навестить, кроме нескольких странноватых соседей. Жизнь в вашем теле едва теплится.

Вы в глубоком горе. Ваши молитвы пронизаны горечью, в голове крутятся неотвязные вопросы. «Вот если бы Бог сошел ко мне и ответил на терзающие меня вопросы, — говорите вы себе. — Я хочу Ему верить, но разве я могу? Случившееся перечеркнуло все мои представления о любящем Боге. Вот бы мне встретиться с Ним! Пусть Сам скажет, почему Он уготовил мне такой путь. Тогда было бы легче вынести мучения».

Один человек побывал в подобном положении, и его желание исполнилось. Иову, отцу всех безвинно пострадавших, явился Бог и ответил ему из бури. Этот Божий ответ — одних из самых длинных монологов Библии. Речь Бога венчает книгу о страдании. Значит, Его ответ заслуживает самого пристального внимания: возможно Бог записал в Библии то, что хотел бы сказать нам лично.

Вспомним произошедшее с Иовом. Что мог сделать Бог? Он мог бы мягко коснуться Иова и сказать, что испытание будет способствовать личностному росту страдальца. Мог бы сказать, что гордится Иовом, который помог Ему победить в споре с сатаной: «Иов, Я знаю, что с тобой обошлись несправедливо, но ты справился. Ты даже не представляешь, что значит твоя стойкость для Меня и для всей вселенной!» Бог мог бы поведать Иову о свободе воли человека и о трагических последствиях грехопадения. (И даже рассказать ему о ценности боли и объяснить, насколько хуже была бы жизнь без страдания!)

Несколько участливых фраз, ободряющая улыбка, краткое объяснение происходящего — это утешило бы Иова. Но ничего подобного Бог не делает. Наоборот, Он набрасывается на Иова с упреками: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне» (Иов 38:2–3).

С высоты Своего положения Бог обрушивает на Иова вопрос за вопросом, не говоря ни слова о его страданиях — то есть, о том, о чем Иов спорил с друзьями на протяжении тридцати пяти глав.

Уроки природы

О речи Бога написано немало. В этой знаменитой речи, которая не вызвала бы ни малейшего удивления, будь она адресован Фонду защиты дикой природы или зеленым, Бог указывает Иову на чудеса природы. Я и сам восхищаюсь этими великими чудесами, но к восхищению примешивается замешательство. Зачем в подобный момент говорить о природе?

Верующие с восторгом цитируют Божью речь, украшают жилье календарями с отрывками из нее, но задумываются ли они об обстоятельствах, при которых прозвучали Божьи слова? Они

обращены к бездомному, полунагому Иову, лишившемуся друзей и семьи, покрытому язвами, отчаявшемуся. Казалось бы самый неподходящий момент для восхваления природы! Почему же Бог уклоняется от ответа на вопросы, которые мучили беднягу Иова?

Божья песнь открывается ликованием. О чем говорит Бог измученному страдальцу? А вот о чем:

О восходе: «Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее?»

О дожде и снеге: «Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града? Из чьего чрева выходит лед? Кто может расчислить облака своею мудростью и удержать сосуды неба, когда пыль обращается в грязь и глыбы слипаются?»

О буре: «Кто проводит протоки для излияния воды и путь для громоносной молнии? Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?»

О львах: «Ты ли ловишь добычу львице и насыщаешь молодых львов, когда они лежат в берлогах или покоятся под тенью в засаде?»

О горных козах: «Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах, и замечал ли роды ланей?»

Можешь ли расчислить месяцы беременности их? И знаешь ли время родов их?»

О диких ослах: «Кто пустил дикого осла на свободу, и кто разрешил узы онагру, которому степь Я назначил домом и солончаки — жилищем? Он посмеивается городскому многолюдству и не слышит криков погонщика».

О птицах: «Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу? Твоею ли мудростью летает ястреб и направляет крылья свои на поддень? По твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое?»

О коне: «Ты ли дал коню силу и облек шею его гривой? Можешь ли ты испугать его, как саранчу? Храпение ноздрей его — ужас».

Львицы, отслеживающие добычу, орлы, парящие в небе, крокодилы и дикие быки — Бог с удовлетворением и гордостью художника проводит перед взором Иова всех этих удивительных тварей. Он будто бы говорит Иову: «Иов, неужели ты настолько могуществен, что способен повторить Мои достижения? Или ты настолько мудр, что можешь править миром? Силен ли ты, как и Я? Столь ли звучен твой голос, как и Мой?» Бог саркастичен: «Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико!» (см. Иов 38–41).

Божьи слова сокрушили Иова полностью. Он покаянно признает свое поражение: «Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал» (Иов 42:2–3).

Ответил ли Бог на вопросы Иова о страдании и несправедливости? Нет. Создается впечатление, что Он уходит от объяснений умышленно. (Интересно, что многие люди пишут книги в защиту репутации Бога, стараясь доказать, что Бог неповинен в наших страданиях, в то время как Сам Бог об этом не заботится.)

Но откуда тогда столь воинственный тон? Что, собственно, Бог хотел от Иова?

Бог хотел доверия. Мне кажется, что блистательную речь Бога можно свести к одному простому тезису: «Иов, пока ты не уразумел, как устроен мир материальный, не указывай Мне, как управлять миром духовным».

Мы подобны Иову: мы тоже плохо понимаем устройство мира, в котором обитаем, хотя способны его видеть и осязать. И тогда — кто мы такие, что позволяем себе судить о нравственной стороне Божьего правления? Пока у нас нет мудрости и умения, чтобы вызвать бурю или сотворить совершенной формы снежинку, разве имеем мы право призывать Создателя к ответу?

У всемогущего Бога, Правителя Вселенной, хватит мудрости, чтобы защитить Свое дитя — Иова, пусть в это и трудно поверить. Бог создал меня и мир — место обитания человека. Так разве Он не способен позаботиться обо мне?

Недоработки бестселлера

Слова Бога, завершающие книгу Иова, — одна из главных причин, по которым я не могу согласиться с выводами нашумевшей книги «Когда с хорошими людьми случается зло». Ее автор — раввин Гарольд Кушнер. Книга появилась после того, как жестокая болезнь — детская прогерия, унесла жизнь его сына. У этой болезни есть и другое название — синдром преждевременного

старения. На глазах Кушнера его мальчик превратился в лысого, морщинистого, немощного старичка и умер.

Как ни удивительно, книга стала бестселлером. Кушнер пишет о том, как в эти страшные и тягостные дни он познал Божью любовь, но потерял веру в Божью силу. Раввин пришел к убеждению: Бог — благ, и Ему ненавистны наши страдания, но Он не властен усмирить страдание, Он не в состоянии справиться с прогерией. Он бессилен. «Богу нелегко справиться с хаосом, царящим в этом мире», — заключает Кушнер. Поэтому на нашей планете существует страдание. А Бог — это «Бог справедливости, но не Бог силы». Другими словами, Бог тоже мучается от боли, которой полна земля, но сделать ничего не может.

Книга Кушнера приобрела популярность, потому что несла людям утешение. Автор выразил словами то, во что люди всегда хотели верить: Бог жаждет нам помочь, но не в состоянии это сделать. Умоляя Бога решить наши проблемы, мы требуем от Него непосильного. Мысли Кушнера находят отклик в сердцах многих людей. Но верны ли они?

Если Кушнер открыл неведомые доселе истины о Боге, то почему в речи, обращенной к Иову, Бог не высказал их Сам? Книгу Иова можно было бы назвать «Когда самое плохое случается с лучшими людьми». А ведь заключительная сцена книги дает Богу отличную возможность пуститься в рассуждения о Собственном бессилии: «Иов, Мне жаль, что так получилось. Надеюсь, ты понимаешь: Я здесь ни при чем. Я бы и рад помочь, но не могу». Иова такие слова утешили бы. Но Бог так не говорит.

Вместо этого в заключительных главах книги Иова перед нами разворачивается впечатляющая картина Божьего величия и могущества. Равной ей нет во всей Библии. Бог не извиняется за Собственное бессилие — Он воспевает чудеса природы и провозглашает Свое всемогущество.

А если Бог не обладает всемогуществом, то зачем Он хвалится своей мощью в самый неподходящий момент — когда возникли сомнения в Его всевластии и силе? Иудейский писатель, лауреат Нобелевской премии Эли Визель, мне кажется, лучше всех прокомментировал образ Бога, нарисованный Кушнером: «Если Бог — на самом деле таков, то Ему пора подать в отставку и уступить Свое место существу, более искусному в управлении миром».

«Что делать?» или «Почему?»

Речь Бога ответила на вопросы Иова, но принесла ли она облегчение нам? Нелегко понять, почему Иов удовлетворился столь, казалось бы, уклончивым ответом. Хотя нужно признать, что сами мы голоса Божьего, говорящего к нам из бури, не слышали, а потому нам трудно до конца понять реакцию Иова. Но на самом деле Божье присутствие — вот что заполнило мучительную пустоту в душе Иова. Какие же уроки можем из этого извлечь мы, к которым Бог не обращался лично?

На мой взгляд, книга Иова ставит вопрос о страдании так, как впоследствии поставил их Христос (см. Лк 13 и Ин 9). Страдание заставляет человека задуматься о двух гранях своего бытия. Во-первых, о *причинах* горя: почему это случилось со мной? Кто виноват? Во-вторых, о *собственном отношении* к несчастью. Большинство из нас бессознательно ищет причину, по которой случилась беда. О том, как отнестись к страданию, человек задумывается позже. Но в случае с Иовом Бог вообще не касается причин — Он говорит о внутреннем самоощущении Иова.

Получается, Бог как бы разграничивает сферы ответственности. Он берет на Себя заботу об управлении вселенной, со всеми ее бедами. А людям, таким как Иов, полностью поглощенным своей трагедией, Бог дает совет: «Хватит ныть! Ты не понимаешь, о чем говоришь!» Или, как говорит современный американский писатель Фредерик Бюхнер: «Бог ничего не объясняет — Он вспылит и спрашивает Иова: «Да кто ты такой?» Он показывает: объяснить Иову то, что тот требует, — все равно, что разъяснить теорию Эйнштейна головному моллюску. Бог не раскрывает Своего великого замысла — Он раскрывается Сам».

А Иову нужно беспокоиться лишь об одном: как отнестись к своему бедствию. Бог ни словом не обмолвился о причинах страдания Иова, Он обратил взгляд в будущее. Произошла трагедия — что ты будешь делать? Искать виноватых? Это ничего не даст. Иову нужно было принять на себя ответственность за собственные поступки — вот что находится в его власти, а не во власти Бога.

В Библии мы постоянно встречаемся с таким подходом к страданию и невольно приходим к выводу: вопросы «Почему?» и «От Бога ли это?» — не главные. Самый важный вопрос — «Как мне себя вести, если со мной случилось несчастье?». Поэтому меня больше интересуют истории

людей, которые дали страданиям свой ответ, и меньше заботят теоретические рассуждения о них.

Вопрос о страдании — в том виде, в котором его ставит Библия, — адресован не столько философам, сколько практикам: он прямо касается восприятия человеком страдания и веры. Пастор Стефан Браун говорит об этом так (только не воспринимайте его слова буквально): «Всякий раз, когда неверующий заболевает раком, Бог попускает, чтобы раком заболел и христианин. Это нужно для того, чтобы мир почувствовал разницу между ними».

В чем же эта разница? В том, как отнестись к страданию? Библия дает нам ответ ясный, но — увы! — не утешительный:

«С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка»

(Иак 1:2–4).

Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете

(1 Пет 4:12–13).

О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа.

(1 Пет 1:6–7).

Один из лучших ответов родился у апостола Павла, когда у него возникли разногласия с коринфскими христианами. В порыве негодования Павел написал им очень жесткое письмо. Но возвращаясь в мыслях к написанному, он говорит: «Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было; ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда» (2 Кор. 7:8–9).

Опечалились к покаянию, опечалились ради Бога — эта мысль апостола точно определяет возможную реакцию на страдание. И становится яснее, почему наше отношение к скорбям важнее понимания их причины. Смысл сказанного Павлом созвучен словам Христа о безвинно погибших людях: «Неужели вы не понимаете, что так же погибнете, если не отвернетесь от своих злых путей и не обратитесь к Богу?» (см. Лк 13).

Добрые плоды

«Радуйтесь!» Чем этот евангельский призыв отличается от совета тех, кто рекомендует страждущим и недужащим «думать о хорошем»? Ведь практически все библейские призывы к радости содержат упоминание о добрых плодах. Страдание несет нам нечто важное — оно заставляет нас измениться.

Убеждая верующих радоваться, апостолы не имели в виду, что нужно улыбаться и делать вид, будто ничего страшного не произошло. Ни в действиях Христа, ни в писаниях Павла на такое нет даже намек. Стоицизм не предполагает детского доверия к Богу, столь свойственного христианству. Самоуверенность — идеал не христианский.

Нет в словах апостолов и намеков на мазохизм — он не призывает наслаждаться болью. Радоваться в скорбях — вовсе не означает излучать счастье, когда хочется плакать. Нет, Библия говорит о другом: она ставит во главу угла результат, те добрые плоды, которые способен произрастить из страдания Бог. Но чтобы это сделать, Богу нужно, чтобы мы Ему доверились. Процесс, который происходит в душе человека, когда он отдает себя и события в руки Божьи, определяется словом «возрадоваться».

В Послании к Римлянам перечислены этапы этого процесса: «...но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим 5:3–5). Выходит, что такое качество, как терпение, развивается лишь благодаря перенесенным трудностям: человек, который всегда получает то, что хочет, не сможет научиться ни терпению, ни стойкости. А скорби становятся тем орудием, которое помогает развить ценные свойства характера.

И тут призыв апостола Павла «Радуйтесь!» обретает реальный смысл. А что говорит апостол Иаков? Он не уговаривает нас радоваться искушениям, но советует радоваться, когда мы с ними сталкиваемся. Есть ли разница? Несомненно. В одном случае звучит призыв радоваться страданию,

а в другом — радоваться возможности духовного роста, которую страдание нам дает. Нас наполняет радостью не само случившееся несчастье, а уверенность в том, что страдание произрастит в нашей жизни добрый плод. Ценна не боль, а те уроки, которые мы из нее извлекаем. И тогда страдание перестает быть бессмысленным: мы можем теперь «возрадоваться в Господе», Который любое бедствие силен обратить во благо.

Объяснив, почему следует радоваться скорбям, Павел затем делает вывод: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу» (Рим 8:28). Его слова нередко искажают, придавая им иной смысл — «с любящими Господа дурного не случается». Но Павел имеет в виду другое. Под словом «всё» он подразумевает скорби, притеснения, гонения, голод, наготу и опасности. Павел и сам пережил немало страданий. Но — как видно из жизни Павла — Бог использовал все тягостные обстоятельства, чтобы осуществить Свои цели, преобразив как самого апостола, так и через его служение мир. Скажу точнее: Бог не режиссировал тяготы, а используя тяжелые обстоятельства, трудился над душой Павла.

Выходит, Господь посылает нам страдания, чтобы осуществить Свои благие намерения? Но вспомните историю Иова: на его вопросы о причинах несчастий Бог не отвечает. Мы же, не понимая причин, все равно продолжаем строить догадки: «Кое-кто из родственников покался на похоронах. Наверное, для этого Бог и призвал к Себе нашего друга». Но это бессмысленно. Наша задача — определиться, как мы поведем себя в беде. Апостол Павел и другие новозаветные авторы заверяют нас: если нашим ответом на страдание станет доверие к Богу, то Он, без сомнения, обратит зло во благо. Недаром говорится в книге Иова: «Бог спасает бедного от беды его и в угнетении открывает ухо его» (Иов: 36:15).

Поняв, что страдание способно приносить добрые плоды, мы меняем свое отношение к невзгодам. Имея достойную цель, люди способны добровольно идти на страдание (пример — спортсмены и беременные женщины). Как показывает Библия, христианское отношение к страданию дарует надежду и больному человеку: уповая на Господа, доверившись Святому Духу, Который уподобляет нас Христу, мы обретаем истинную надежду — ту, которая «не постыжает». Проще говоря, страдания делают нас лучше. Мучение, каким бы бессмысленным оно ни казалось, может принести дивные плоды.

Итак, где же Бог, когда я страдаю? Он — в нас. Он — не злой гений, который, стремясь причинить боль, строит против нас козни. Нет, Он — в нас, и Он неустанно преобразует зло во благо. Можно сказать с полной уверенностью: Бог способен превратить зло в добро. Однако это не значит, что Бог, стремясь произрастить добрые плоды, намеренно навлекает на нас несчастья.

Путь Марии

Однажды мы с доктором Брэндом беседовали о христианах, переживших тяжелейшие страдания. Он рассказал мне нескольких историй. А я спросил, как повлияли несчастья этих людей на их веру — приблизили их к Богу или отдалили от Него. Брэнд задумался. Оказалось, что кто-то прилепился к Богу всем сердцем, а кто-то с горечью от Него отвернулся. Видимо, решающую роль сыграло, какой вопрос занимал умы страдальцев. Те, кто отчаянно пытались понять причину своих бедствий: «Чем я заслужил подобные муки? Что Бог хочет мне сказать? За что Бог наказал меня?» — отходили от Бога чаще. В отличие от них, страдальцы-победители принимали свое положение и, несмотря на все трудности, доверяли Богу.

Тогда же доктор Брэнд поведал мне об одной из своих самых известных пациенток — о Марии Вергес. Нет, Мария вовсе не болела проказой. Она была многообещающим молодым специалистом и в Индии, в больнице для прокаженных, проходила у доктора Брэнда стажировку. Однажды Мария отправилась на пикник. Машину, в которой она ехала, вел студент. Молодому человеку очень хотелось похвастаться своим умением водить автомобиль. Первые несколько километров им пришлось тащиться за неторопливым школьным автобусом. В конце концов, потеряв терпение, студент выехал на разделительную полосу и прибавил газу. Заметив встречный автомобиль, студент хотел было притормозить, но по ошибке нажал педаль газа — машина резко вильнула, слетела с моста и покатила по крутой насыпи.

Марию Вергес нашли лежащей без движения у подножия склона. На лице, от виска до подбородка, зияла страшная рваная рана. Марию подняли — ноги у нее болтались, как у тряпичной куклы.

Следующие месяцы были мучительны. На улице стояла сорокапятиградусная жара. Мария лежала в раскаленной палате на вытяжке, закованная в специальный пластиковый корсет. Ее ожидало изнурительное лечение. Каждую неделю медсестры проверяли, не вернулась ли к ногам

чувствительность, и каждый раз Марии приходилось признать, что она не чувствует булавочных уколов.

Доктор Брэнд видел, что Мария все глубже погружается в отчаяние. Однажды он зашел к ней побеседовать. «Мария, — сказал он, — мне кажется, тебе стоит подумать о твоей будущей врачебной карьере». Мария сначала решила, что доктор шутит, но он продолжал говорить. Доктор Брэнд убедил ее, что она способна дать больным уникальный дар — свое понимание и сострадание. Мария долго размышляла о его словах. Она сомневалась, сможет ли когда-нибудь достаточно окрепнуть, чтобы работать врачом.

Но прошло время, и Мария начала лечить прокаженных. Персонал больницы замечал, что в ее присутствии пациентов покидало ощущение безнадежности, оставляла тоска, и они переставали себя жалеть. Прокаженные изумленно перешептывались, наблюдая за доктором в инвалидной коляске. Положение у молодой женщины было не лучше, чем у них. И, как и у них, лицо ее было изуродовано шрамами. Вскоре Мария стала ассистировать хирургу во время операций, хотя для нее — сидящей в коляске — это была крайне утомительная работа.

Как-то раз доктор Брэнд встретил Марию, когда она ехала в своей коляске от одного больничного корпуса к другому. Он поинтересовался, как у нее дела. «Сначала мне казалось, что для меня все кончено, — ответила девушка, — но сейчас я вижу, что жизнь моя наполнена смыслом».

На пути к выздоровлению Марии приходилось терпеть мучительные и болезненные лечебные процедуры. Она перенесла серьезную операцию на позвоночнике. Молодая женщина страдала недержанием мочи. Ей приходилось бороться с пролежнями. Но теперь в ней затеплилась надежда. Она поняла: ее состояние — не Божья кара, которая обрекает ее на жалкое прозябание. Наоборот, болезнь может оказать ей неоценимую услугу, сделав ее великолепным врачом.

Мария — сидящая в коляске с улыбкой на изрезанном шрамами лице — мгновенно находила взаимопонимание с пациентами-инвалидами.

Спустя некоторое время Мария стала ходить с помощью ортопедического аппарата. Она получила стипендию института Физиотерапии и реабилитации и какое-то время работала там. В итоге она возглавила одно из новых отделений Института физиотерапии в Индии.

История Марии показывает нам удивительный путь от безысходности к успеху. Если бы Мария непрестанно вопрошала, почему с ней случилась эта трагедия, она не вышла бы из тупика. Но она обратилась к Богу и задала Ему другой вопрос: «Что дальше?» Она научилась доверять Богу и вверила Ему написание нового сценария своей жизни. По всей вероятности, Мария Вергес достигла в жизни намного большего, чем получила бы, не будь этой трагедии.

Я знаю многих людей, которые отвернулись от Бога из-за страданий. Их примеры совсем не похожи на историю Марии. Они постоянно твердят о своих болезнях, как будто болезнь — единственное, что есть в их жизни. Они упиваются жалостью к себе, давая полную волю чувствам, таящимся в глубине души каждого человека.

Страдалец всегда стоит перед выбором: с гневом и отчаянием отвернуться от Бога или принять случившееся и найти возможность вернуть себе радость. Я не говорю, что Бог больше любит тех, кто ищет Его воли, и отвергает тех, кто отворачивается от Него. Я не говорю, что одни страдальцы более духовны, чем другие. Я глубоко убежден, что Бог понимает, когда люди в беде злятся, вопят, протестуют. Понимает Он и тех, кто учится находить в страдании благословение. (Не забывайте, Бог больше благоволил к честному возмущению Иова, нежели к набожным речам его друзей.)

Богу не нужно, чтобы мы реагировали на страдание «правильно». У Него нет потребности удовлетворить некие Свои родительские амбиции. Ради нас, а не ради Себя, стремится Он увести наше внимание от причин трагедии к нашему отклику на нее. В самом деле, путь поиска радости в страдании сам по себе несет исцеление: чувства радости и благодарности снимают напряжение, успокаивают нервы, избавляют от страхов и помогают организму мобилизовать защитные силы.

Стало бы нам легче, если бы мы точно знали, почему Бог допустил ту или иную скорбь? Нередко такое знание лишь усиливает горечь. В бедственном положении действительно другое — доверие к Богу. Уповающий на Бога утрачивает самонадеянность, его вера обновляется, становится глубже, полнее. И тогда страдание помогает нам обрести качества, имеющие непреходящую ценность.

«Я не прошу у Тебя ни здоровья, ни болезни, ни жизни, ни смерти. Прошу об одном: используй мое здоровье, мои болезни, мою жизнь и мою смерть во славу Твою... Только Ты, Господи, знаешь, что для меня полезно. Ты — Владыка, Ты — Господин. Поступай со мной по воле Твоей. Давай мне, отбирай у меня, подчиняй мою волю Твоей. Господи, я знаю только одно: идти за Тобой — хорошо, а противиться Тебе — плохо. Таков мой критерий добра и зла. Я не знаю, что для

меня лучше: здоровье или болезнь, бедность или богатство, я не вправе об этом судить. Такое знание недостижимо ни для людей, ни для ангелов. Оно сокрыто в глубинах Твоего Провидения, перед которым я благоговею, не пытаясь в него проникнуть».

Молитва Блеза Паскаля.

Часть 3 Ответ на страдания

Глава 9 После падения

*Неотступно память о страданье По ночам, во сне, щемит сердца,
Поневоле мудрости уча. Небеса не знают состраданья. Сила — милосердие
богов.*

Эсхил. «Агамемнон»

Страдание бесценно. Чрезвычайно важно, как человек отнесется к страданию. Очень правильные слова. В теории. Но теоретическое страдание мало кого волнует. Нам интересно другое: действуют ли эти принципы в реальной жизни?

Чтобы это понять, я встретился с двумя христианами, которые ежедневно вынуждены сражаться с болью — физической и душевной. С болью, которую не всегда удастся усмирить. Трагедия вырвала их из налаженной жизни в самом начале, когда они лишь начинали свой жизненный путь. С тех пор существование каждого из них во многом определяется пережитыми страданиями. И все же Брайан Штернберг и Джони Эрексон-Тада откликнулись на беду по-разному. Их истории настолько яркие, что каждая заслуживает отдельной главы.

2 июля 1963 года Брайан Штернберг упал с трехметровой высоты. Секунда полностью перевернула и его жизнь, и жизнь его семьи. В старших классах школы Брайан страстно увлекся редким видом спорта — прыжками с шестом. Он получал невероятное удовольствие, ощущая, как слаженные усилия мышц рождают головокружительный прыжок: мощный разбег, резкий толчок вибрирующим от напряжения шестом, взлет с легким отклонением назад (похоже на прыгающего ягуара!), стремительный полет ногами вперед, мгновение невесомости над планкой и захватывающее дух падение на маты.

Брайану было мало оттачивать технику прыжка. Зная, что хорошо натренированное тело прибавляет мастерства, он занялся еще и гимнастикой. Силовой балет — так можно назвать гимнастику, в которой спорт теснее всего смыкается с искусством. Практически каждый день после занятий в школе, Брайан шел в гимнастический зал, где на батуте отрабатывал прыжки и технику падения. Он научился делать перевороты в воздухе и крутить сальто. Прыжки с шестом требовали жесткого контроля над каждым движением, гимнастика же давала телу свободу.

Поступив в Вашингтонский университет, Брайан установил рекорд страны среди первокурсников. Вскоре спортивные журналы назвали его сильнейшим прыгуном мира. Шел 1963 год. Президентом был Джон Кеннеди, задачей номер один для американцев была победа над русскими спортсменами. Казалось, что в лице Брайана Америка имеет достойного кандидата на высшую ступень пьедестала. К девятнадцатилетнему юноше было приковано внимание всего мира.

В тот год имя Брайана постоянно мелькало в спортивных заголовках. Не имея себе равных в соревнованиях на открытых стадионах, он установил еще и новый рекорд США для закрытых помещений. Затем он побил мировой рекорд и сразу дважды улучшил свои собственные результаты. Брайан прочно занял место первого прыгуна США. Другие знаменитые прыгуны достигли предела своих возможностей, а Брайан продолжал поднимать планку.

Для семейства Штернбергов это время было счастливым. Они прекрасно понимали, что слава приходит и уходит, а спортивные звезды быстро гаснут. Но когда они всей семьей садились в машину и ехали на стадион посмотреть, как прыгает их Брайан, наступал общий праздник.

Все изменилось второго июля, через три недели после того, как Брайан установил свой последний мировой рекорд. Сейчас, несколько десятилетий спустя, Брайан Штернберг по-прежнему борется. Но это уже совсем иная борьба — борьба с отчаянием и одиночеством. В его теперешних состязаниях больше нет места для взлета с шестом.

Трагедия

Все начиналось вполне обычно. Брайан взял свитер и крикнул матери, что едет на тренировку. По мосту через реку и дальше — к университету, где он всегда занимался. Команда

легкоатлетов США готовилась к поездке в Советский Союз. Брайан тренировался без устали. Он начал тренировку, как обычно, с гимнастической разминки. Вот как он описывает то, что случилось дальше:

«В прыжках на батуте бывают страшные моменты, когда ты только оторвался от сетки и летишь вверх.

В эти мгновения даже самые опытные гимнасты испытывают смутную панику. Но паника проходит, как только снова коснешься сетки. Меня как раз и охватило подобное чувство: взлетев в воздух, я потерял ориентацию. Я был в полной уверенности, что приземляюсь на четвереньки, но оказалось, что я пошел головой вниз.

Я услышал, как в шее что-то хрустнуло, а потом все ощущения пропали. Я видел, как мои руки и ноги болтаются как у тряпичной куклы, но я их не чувствовал. Мое тело все еще подскакивало на батуте, а я изо всех сил пытался крикнуть: «Меня парализовало!» Голос был слабым: в легких не было силы — паралич затронул и дыхательную систему.

Я ничего не мог сделать. Не мог даже двинуться. Сначала я страшно перепугался, а затем страх почему-то прошел. Я достаточно спокойно сказал сбежавшимся людям: «Не двигайте меня и не трогайте шею». В какой-то момент я почувствовал, что у меня нет сил дышать, и я теряю сознание. Неожиданно я вспомнил, что недавно рассказывал товарищу об искусственном дыхании. Я тут же попросил его сделать мне дыхание рот в рот, не запрокидывая мне голову назад.

Пока мы ждали врача, меня несколько раз охватывала невыносимая мука. Не физическая боль, нет, но до меня наконец дошло, что случилось. К счастью, тогда я мог думать только о ближайшем будущем. Я и не подозревал, что никогда не смогу ходить».

О том, как работает спинной мозг, известно далеко не все — его сложно исследовать без вреда для пациента. В первые сорок восемь часов медики не знали, выживет Брайан или нет. Но даже когда стало ясно, что он будет жить, они не могли с уверенностью сказать, как пойдет восстановление двигательных способностей.

Следующие восемь недель Брайан провел жестко пристегнутым к специальной стальной конструкции с брезентовыми полотнищами, закрепленной на шарнирах, что позволяло ее поворачивать. Ее еще называют «брезентовый сэндвич». Медсестры переворачивали Брайана каждые несколько часов, чтобы предотвратить появление пролежней и уберечь его от других осложнений.

Когда его, наконец, освободили, Брайан смог поворачивать голову. Однако первое время он боялся ею шевелить, помня ужасный хруст при падении. Выяснилось, что у него работают и некоторые плечевые мышцы. Брайан, прыгун с шестом, отличался великолепно развитой плечевой мускулатурой, но теперь мышцы начали атрофироваться. Чтобы замедлить процесс, врачи подсоединили к ним электроды: под действием электрических разрядов мышцы сокращались. Брайан с удивлением наблюдал, как подергиваются его мышцы, но ничего при этом не чувствовал.

Первое время он совершенно не чувствовал боли. Нервная система ничем не напоминала ему, что у него есть ноги, руки или туловище. Брайану казалось, что он висит в воздухе, он даже не ощущал матраца, на котором лежал.

Так Брайан и пребывал в кровати, не чувствуя ничего, кроме головы. Казалось, он и был — одна голова. У него начались осязательные галлюцинации. В его воображении существовала другая пара рук и ног, которые подчинялись его воле. Когда Брайан сосредоточенно представлял себе, скажем, баскетбольный мяч, то его подсознание каким-то образом создавало ощущение баскетбольного мяча. Юноше казалось, что он на самом деле держит его в руках. Сначала подобные игры доставляли ему много удовольствия — они давали надежду, что настанет день, когда воображаемые ощущения станут реальностью.

Но вскоре эти игры обернулись для него проклятием. Вызвав в воображении мяч, Брайан потом никак не мог от него отделаться. Или вместо мяча он начинал вдруг ощущать лезвие бритвы. Оно насквозь прорезало его ладони. Конечно, это происходило в воображении, но мозг воспринимал реальный болевой сигнал. Какое-то время ему казалось, что в кончики пальцев ему вкручивают металлические шурупы.

Ночью начинались другие кошмары: мерзкие и назойливые видения. Будто он как муха ползает по стенам и по потолку. Или видения без смысла и картинок — на Брайана наваливались бесформенные глыбы ужаса. А после ночных кошмаров наступало утро. И это было еще страшнее: ведь в отличие от ночного кошмара, от действительности не уйти.

Хуже, чем галлюцинации, были для Брайана приступы депрессии. Они начинались без всякого предупреждения. Брайан видел, как его сильное тело ссыхается и съеживается от бездействия. Он вынужден был тупо рассматривать одни и те же стены. Раз за разом он предпринимал отчаянное усилие — пытался заставить мышцы слушать команды мозга. И каждый

раз после очередной неудачи Брайан еще глубже погружался в бездну отчаяния. Он кричал врачам: «Хватит! Ничего не получается. Я не могу больше так лежать — я больше не вынесу. У меня нет больше сил. Все напрасно...» И речь его прерывалась рыданиями.

Когда накатывали тошнотворные приступы депрессии, Брайан хватался за то немногое, что у него осталось. Рядом с ним были его девушка и его семья. За него переживали тысячи людей по всему миру. Каждый день по часу и больше родители читали ему письма и открытки со словами поддержки. Читали до тех пор, пока к горлу не подступал комок. Мужчина семидесяти девяти лет написал: «Мое тело уже отслужило свой срок, но спинной мозг работает исправно. Если бы я мог отдать его тебе...»

Мировое спортивное сообщество тоже не осталось в стороне. В Советском Союзе в честь Брайана выпустили специальную медаль. Футбольная команда из Канзаса сыграла благотворительный матч, чтобы помочь Брайану с оплатой медицинских расходов.

Однако настал момент, когда уже ничто не помогало Брайану справиться с депрессией. Врачам нечем было его утешить — люди с такими травмами, как у него, на ноги не встают. Выбраться из пучины отчаяния ему помог разговор с участниками конференции спортсменов-христиан. Брайан больше часа разговаривал по телефону со спортсменами, тренерами и другими людьми, имеющими отношение к спорту. Их вера в исцеление зажгла искру веры и в душе Брайана.

Как свидетельствует сам Брайан, через три месяца после несчастного случая он уверовал. Он понял: надеяться можно только на чудо. Никакие усилия воли не заставят его мышцы работать. Чтобы хоть что-то изменить, нужно оживить омертвевшие нервные клетки спинного мозга. Медицина этого не умеет. Брайан отдавал себе отчет в том, что вера в Бога — это не сделка: «Господи, исцели меня — а я буду Тебе верен». Богу нужно было верить просто потому что Он — Бог. И Брайан отважился.

Он начал творить молитву, которая не прекращается до сих пор. Десятки, сотни, тысячи раз он обращался к Богу с одной и той же просьбой. Однако его молитва оставалась без ответа. Он взывал к Богу и в ожесточении, и с отчаянной мольбой, и со страстью, и в бессилии. За него молились многие — в церквях, в университетах, в спортивной среде. Одна и та же молитва звучала на разные голоса. Но она оставалась без ответа — такого ответа, которого ожидал Брайан, не последовало.

После трагедии прошло чуть меньше года. И Брайан сказал в интервью журналу «Лук»: «Вера — это необходимое условие, чтобы обрести одно из двух чудес. Одно из них — исцеление. Другое — душевный покой, если исцеления не происходит. Мне достаточно любого из них». Но сегодня Брайан изменил свою точку зрения: он согласен только на полное исцеление.

Мир Брайана

Чтобы встретиться с Брайаном, мне пришлось прилететь в Сиэтл, сообщить о своем прибытии и ждать, когда он будет в состоянии принять посетителя. Его жизнь во многом определяется болью, которая, как он говорит, «бывает до нелепости острой, а бывает просто мучительной».

Какая вера нужна, чтобы вынести годы страданий и безответных молитв? Со временем многие из тех, кто поддерживал Брайана, перестали молиться о его полном исцелении. Но только не Штернберги. Может быть, это семья духовных сверхчеловеков? Или они такие упрямцы? Именно об этом я размышлял по пути на первую встречу с Брайаном. Меня предупредили, что Штернберги ведут себя несколько странно: они отказываются признать реальное положение дел.

Дом Штернбергов расположен на склоне горы, как раз над местным университетом. К нему ведет крутой подъем, который в дождливую погоду или гололед одолеет не всякая машина. Но погода стояла сухая, и я успешно добрался до места. В дверях меня встретила Хелен Штейнберг — аккуратная светловолосая женщина, мама Брайана. На крыше кто-то из друзей Брайана налаживал радиоантенну. Из дома через французское окно во всю стену, открывался живописный вид на городок. Я ждал, когда санитар подготовит Брайана к встрече, и наблюдал за тем, что происходило внизу.

В глаза сразу бросается, насколько Брайан зависим от других людей: если оставить его одного на пару суток, он погибнет. Старшеклассники и студенты университета выполняют обязанности санитаров — они моют и кормят больного, дают ему лекарства и питье. Брайан всегда страшился подобной зависимости, но выбора у него нет. Без помощи санитаров он ничего не может.

Тело Брайана усохло — сказала атрофия мышечных тканей, но голова осталась прежних размеров. Он научился управлять мышцами плеча и может выполнять отдельные движения рукой

— пользоваться пультами, с трудом нажимая на кнопки, даже печатать при помощи специального приспособления.

Комнатка Брайана — вот весь его мир. У нет ни велосипеда, ни коньков, ни лыж. Он указывает мне глазами на разные предметы вокруг себя. Вот над кроватью — спортивный плед фирмы Адидас. Это сувенир с Олимпиады 1964 года в Токио. Брайан туда так и не попал. Вот — письмо от Джона Кеннеди, датированное августом 1963 года. В нем написано: «Я хочу, чтобы ты знал: в последнее время мы часто думаем о тебе и надеемся, что тебя ждет выздоровление». Это письмо зачитали на благотворительном футбольном матче. Когда Брайан услышал эти слова, он не смог сдержать слез.

Больше всего Брайан воодушевился, когда перешел к показу радиолобительской аппаратуры, которая со всех сторон окружала его кровать. Брайан стал увлеченным радиолобителем — это занятие помогает ему ощущать связь с внешним миром.

Брайан говорил медленно, тщательно подбирая слова. Мы затрагивали в разговоре самые разные темы. Ему нравится говорить об электронике, о своей деятельности регионального представителя общества спортсменов-христиан. Он часто выступает перед спортсменами.

Закончить беседу оказалось непросто. Много из сказанного Брайаном меня очень заинтересовало. Но мне показалось, что ему не хватает чувства меры. Прошло два часа, я стал потихоньку продвигаться к двери, но тут Брайан заговорил громче и напористей. Он просил меня сделать для него то одно, то другое. Я дал ему знать, что мне пора уходить, но он находил все новые темы для разговора.

Когда же мне все-таки удалось распрощаться, санитар объяснил: Брайан часто так себя ведет с посетителями. Он предположил, что это могло быть как-то связано с параличом: не имея возможности контролировать собственное тело, Брайан, сам того не подозревая, старается контролировать действия окружающих.

Чудо, которого не случилось

После разговора с Брайаном мне стало совершенно ясно: он не желает смириться со своим положением, причем сейчас — больше, чем когда бы то ни было. Его единственная надежда — полное исцеление. Он говорит об исцелении со всеми, кто к нему приходит. С медицинской точки зрения, помочь ему может только чудо: с момента получения травмы прошло много времени — шансы на естественное восстановление практически утрачены.

Самое худшее в жизни Брайана — боль. Его тело постоянно воюет против хозяина. Боль зарождается где-то в глубинах организма, а затем охватывает все тело. В романе Оруэлла «1984» именно так действовала машина боли, которую подключали к центральной нервной системе наказуемого. Один всплеск такой боли — и здоровый мужчина с воем катается по полу. А для Брайана боль стала повседневным спутником.

Вокруг Брайана сплотилась его семья. Близкие помогали и помогают ему справиться с нескончаемой болью и крушением надежд на скорое избавление. Родители Брайана поведали мне о своих трудностях. Мы сидели в гостиной. Стемнело. За окном мерцал тысячами огней огромный город. Он жил своей жизнью. В камине горел огонь. В комнате было уютно — казалось, никакого страдания просто не существует. Мама Брайана, подавшись вперед, рассказывала о проблемах, которые им пришлось решать.

В течение полугода после злосчастного падения семья Штернбергов ощущала всеобщую поддержку. Многие христиане верили, что Брайан встанет на ноги: такой молодой и талантливый спортсмен должен поправиться — Бог не может промыслить иначе. Брайан встречался с известными христианскими проповедниками, которые проводили служения исцеления. Однажды у постели Брайана собрались семь служителей разных конфессий, чтобы помолиться о его исцелении и совершить елеосвящение. Все они искренне верили в выздоровление молодого человека — но чуда не произошло.

Тогда Штернберги обратились к Библии, чтобы почерпнуть из нее утешение и руководство. Они беседовали со священниками и богословами, штудировали книги о том, почему Бог допускает скорби. Читая Библию, они все сильнее верили в то, что Брайан будет исцелен.

Вот что сказала его мама: «Мы поняли, что Бог любит нас. Более того — что Бог есть любовь. Окружающие говорили, что нужно принять трагедию, как Божью волю. Но Библия говорит, что Иисус пришел, чтобы принести людям исцеление. Когда Он видел боль — Он врачевал ее. Он никогда никого не проклинал, Он не посылал людям недуги.

Иисус — это Божье Слово, обращенное к людям. Иисус явил нам Отца. Разве теперь Бог

стал другим? Разве Иисус сказал слепому: «Дружище, мне жаль тебя. Я и рад бы помочь, но Бог хочет через твою немощ преподать тебе урок. Так что тебе придется смириться». Нет, когда Иисус встречал слепого — Он возвращал ему зрение. Он учил нас молиться о том, чтобы Божья воля исполнилась «и на земле как на небе».

Честно говоря, я не думаю, что Богу нравится состояние Брайана. Библия говорит, что Бог хочет для нас полной жизни — жизни с избытком. Полнота подразумевает в том числе и физическое здоровье. Разве жизнь в жалком теле, в которое заточен Брайан, может быть полноценной? Нельзя все вопросы прерывать благочестивыми словами: «Такова Божья воля». Нужно искать выход, а не вздыхать: «Так угодно Господу» ».

Мама Брайана замолчала. Ее слова прозвучали с большой силой. Они были выстраданы — за ними скрывалась такая боль, которая знакома немногим. Другие христиане, например Мария Вергес, обрели утешение, смирившись со своим состоянием. Но Штернберги на это не согласны.

Мама Брайана сжала кулаки: «В этой жизни нам не дано получить ответов на все наши вопросы. Многое приходится принимать на веру. Мы с мужем, как и Брайан, уповаем главным образом на Божью любовь. А если в жизни встречается нечто, подобно нашей трагедии, несовместимое с любовью Бога, то ищем причины. Мы уверены, что наша трагедия случилась не по Его воле. Если что-то не в порядке между мной и Богом, или во мне самой, или в моих отношениях с близкими, то именно на меня должно обрушиться то страдание, которое нуждается в исцелении.

Я не понимаю, почему Брайан до сих пор не встал на ноги. Я верю, что Бог может все, но мне кажется, что Он ограничивает Свою силу и власть. Зло — могущественно. Я думаю, что беды людей — это происки сатаны: ему выгодно выводить нас из строя. Он идет на любые ухищрения, чтобы лишить нас жизни с избытком. Он пользуется нашими слабостями. Он как боксер — раз за разом наносит удар в выбитую челюсть или в разбитый глаз. Дьявол от нас не отстанет».

Она говорила о борьбе между добром и злом, а я мысленно перенесся в те времена, когда Иисус жил на земле. Я думал о борьбе сатаны против Сына Божьего: избиение младенцев, искушения в пустыне, предательство друзей и в конечном итоге — крестная смерть. И все же Богу удалось превратить это, казалось бы, величайшее поражение — смерть Своего Сына — в победу. Бог в силах превратить в победу и трагедию, постигшую семью Штернбергов. Но вот станет ли Он поворачивать несчастье вспять? Дарует ли Брайану физическое исцеление, которое превратилось бы в торжество над страданием, как воскресение Христа превратилось в торжество над смертью? Я не знаю. Но Штернберги уповали лишь на такой исход.

Миссис Штернберг продолжила: «С такой травмой, как у Брайана, еще никто не встал на ноги. Никто. И все же мы верим. Я не знаю, когда Бог исцелит Брайана. Возможно, не здесь, не на земле. Кто-то выздоравливает после молитвы об исцелении, а кто-то — нет. Но я знаю: Бог хочет, чтобы мы были здоровы телом, душой и духом. Мы не сдадимся. Как врачи не прекращают искать новые методы борьбы с болезнями, так и мы не оставим нашего поиска. Мы считаем, что Бог ждет от нас упорства».

Было уже поздно, и нам пришлось закончить беседу. Но прежде чем уйти, я попросил показать мне спортивные трофеи Брайана. Меня провели в отдельную комнату, где было собрано множество призов, почетных знаков и грамот. Там же была грамота, в которой Брайан был назван лучшим спортсменом североамериканского континента 1963 года.

Мое внимание привлекло висящее на стене фото. На нем был запечатлен момент, когда Брайан установил свой последний мировой рекорд. Атлет парил в небе почти горизонтально — плечи откинuty назад, руки вытянуты, а ноги чуть-чуть не касаются планки. Видно, как напряжены все его мускулы. Схваченное фотографом мгновение не вернуть никогда. Повтора уже не будет.

Меня охватила жалость — плоть человека, с которым я беседовал, была нелепой карикатурой на великолепное тело атлета, изображенного на фотографии. Да, конечно, Брайан возрос — духовно и душевно. Но он и ослабел. Боль разрушает тело. Я вышел из теплого дома на холодную улицу. Дул сильный ветер. Перед глазами у меня стояли два образа: Брайан, летящий над планкой, и Брайан нынешний — прикованный к кровати, скрюченный и беспомощный. Он будет лежать там завтра и послезавтра, и кто знает как долго.

Сохранил бы я веру, случись такое со мной? Стал бы искать объяснение своим страданиям? Или же примирился бы с ними? Стал бы я бунтовать? Продолжал бы я надеяться на исцеление по прошествии многих лет и даже десятилетий? Правы ли Штернберги, уповающие на чудо, которое, несмотря на постоянные молитвы, так и не пришло в их дом? Не пытаются ли они диктовать Богу свои условия? Может быть, им следует «прославлять Бога за посланные несчастья», как советовали им некоторые?

Я не знал ответов на эти вопросы. Но меня поразила яростная, воинственная сила их веры. По дороге домой я понял, что не испытываю жалости к Штернбергам. Чувство жалости вызывает слабость, а я встретился с великой силой. Такая сила вынесет все, даже когда жизнь складывается совсем не так, как хотелось бы. «Каждые полчаса в нашей стране кто-то ломает позвоночник, — сказала мне миссис Штернберг. — Полмиллиона человек проводят жизнь в инвалидных колясках. Многие потеряли всякую надежду. Но только не мы. Мы продолжаем надеяться».

Вторая встреча

Впервые я встретился со Штернбергами в 1972 году, когда после травмы Брайана не прошло еще и десяти лет. Тогда меня потрясли их упорство и вера, и я задумался о том, что будет пятнадцать лет спустя. И вот наступил 1987 год. Брайан стал мужчиной средних лет. Он по-прежнему ждет исцеления. Большую часть жизни он провел парализованным. А я снова направлялся навестить его.

Летний Сиэтл радовал глаз яркими красками. Подъезжая к дому Штернбергов, я увидел, что вся семья собралась на лужайке перед входом. Родители Брайана почти не изменились, хотя и немного сдали. У Брайана появился животик, в волосах — седина.

За чашкой кофе Штернберги рассказали мне о своем житье-бытье. За эти годы состояние Брайана несколько улучшилось. Паралич немного ослабел, и руки стали более подвижными. Нашлись способы держать боль под контролем. Значительная часть тела снова обрела чувствительность: Брайан по-прежнему не мог двигать ногами, но он, по крайней мере, их чувствовал. В результате почти прекратились фантомные ощущения.

Штернберги с энтузиазмом рассказывали мне обо всем хорошем, что произошло за это время. «Разве не чудо, что прекратились тактильные галлюцинации, — говорил отец, — что ни я, ни Хелен ни разу за эти годы не заболели? Вы только подумайте: мы ухаживаем за сыном двадцать пять лет — и сохранили прекрасное здоровье».

На протяжении нескольких лет семья молилась о создании специального служения для тех, кто страдает физически и духовно. Штернберги хотели, чтобы люди обретали всестороннее исцеление. И вот, наконец, их желание осуществилось: в одной из церквей Сиэтла раз в месяц начали проводить особое молитвенное собрание. На собрании молились о каждом желающем — о его нуждах, болезнях. Такой духовный опыт совместной молитвы и сочувствия чужому горю очень сплотил общину. Подобные собрания стали проводить не только в Сиэтле, но и в других городах.

В 1976 году Брайан чуть не умер. Он заболел пневмонией, что при его слабых легких было очень опасно. В клинике он подхватил еще и стафилококковую инфекцию и две недели пролежал в коме. Дважды его сердце останавливалось. Врачи установили ему кардиостимулятор. Больше двух месяцев он балансировал на грани между жизнью и смертью. В течение долгого времени он не мог говорить, у него нарушилась краткосрочная память.

Но на сей раз Бог ответил на молитвы об исцелении. Постепенно у Брайана восстановились все функции, за исключением тех, которые были утрачены из-за травмы позвоночника. Во время беседы мне открылась еще одно — у Брайана сильно изменился характер. Он стал более зрелым, более умиротворенным. От его прежней неуравновешенности, которая так бросалась в глаза раньше, не осталось и следа.

Я деликатно спросил Штернбергов, не изменились ли их взгляды на физическое исцеление — продолжают ли они верить в исцеление сына. Они ответили, что не изменились. «Перечисляя все добрые изменения, которые произошли в нашей жизни, некоторые люди говорят, что ради этого Бог и допустил несчастье с нашим сыном. Мы так не думаем. Мы верим в Бога любви, который хочет, чтобы Брайан был полноценным человеком. Наше представление о временах и сроках может оказаться неверным. Нам все больше кажется, что в этой жизни Брайан не обретет здоровое тело. Но помните, в книге Даниила упоминается ангел, который был послан, чтобы ответить на молитву пророка. Ангелу потребовалось три недели, чтобы добраться до этого мужа веры. Но появившись, он заверил Даниила, что его молитва была тотчас услышана».

Солнце скрылось за горами, а мы все сидели и разговаривали. Я невольно сравнивал эту беседу с той, давней. И вдруг мне стало ясно: передо мной — самое настоящее чудо. Оно совершалось медленно, шаг за шагом. Такое чудо легко проглядеть: серьезное несчастье, способное разрушить не одну семью, родных Брайана, наоборот, сплотило. Родители отказались от легкого пути: не поместили сына в дом инвалидов или в реабилитационную клинику. Они вот уже больше двадцати лет самоотверженно заботятся о нем, отдавая ему всю свою любовь. И сейчас уже стало очевидно, что их любовь приносит дивные плоды. Сами того не желая, Штернберги примирились со своим положением и приняли страдание, выпавшее на их долю.

Когда я осторожно спускался от их дома по крутому неровному склону, мне вспомнился образ, описанный Полем Турнье. Тот говорил, что христианскую жизнь можно сравнить с акробатическим номером на трапеции. Спортсмен долго упражняется на перекладине, оттачивая движения и тренируя мышцы, но наступает миг, когда ему нужно рискнуть. Нужно отпустить трапецию, оторваться от нее, ощутить под собой зияющую пустоту и — в полете ухватиться за другую перекладину.

Мне подумалось, что Брайану это сравнение понравилось бы. Когда-то давно Штернберги отказались ото всех опор, которые были в их жизни и объявили миру: они будут верить Богу, несмотря ни на что. Брайан считает, что такова его судьба. Не так уж много осталось людей, которые помнят о Штернбергах и следят за их жизнью, но Штернберги стоят на своем. На этот раз я уехал, вдохновленный их несгибаемой верой.

Глава 10

Я буду танцевать

Бог может открыться только ребенку. В идеале — только чистому ребенку. Все тяготы мира нужны лишь для того, чтобы люди стали детьми, и Бог смог бы им открыться.

Джордж Макдональд. «Сущность жизни: евангельская надежда»

Вскоре после моего первого знакомства с Брайаном Штернбергом я отправился в Балтимор, чтобы взять интервью у одной необыкновенной девушки — Джони Эриксон. Конечно, имя Джони теперь известно многим — она и писательница, и художница, и видный христианский деятель. Но когда я впервые встретился с ней, о ее жизни еще ничего не было написано. Да и я знал о ней совсем немного.

История Джони похожа на историю Брайана: оба они были молодыми и энергичными, оба занимались спортом, и вдруг — несчастный случай, который обернулся пожизненным параличом. По дороге в Балтимор я думал, что увижу людей, каких встретил в доме Штернбергов, — ведущих нелегкую борьбу, обладающих твердой, непоколебимой верой. Но в доме Джони, находящемся на другом конце страны, я ощутил совершенно иной дух.

Ее дом стоял на берегу тихого залива к западу от Балтимора. Извилистая дорога, по обеим сторонам которой высилась стена лиственных деревьев, петляла вокруг холмов с крутыми склонами. Наконец дорога взобралась на вершину самого высокого холма. Деревья расступились, взгляду открылся захватывающий вид на окрестности. Дом был построен из огромных обтесанных вручную валунов и бревен, которые отец Джони тщательно подогнал друг к другу. Этот дом был его детищем.

Стеклянные стены мастерской Джони выходили на склон холма. Было видно, как внизу, в долине, гнедой жеребец щиплет траву, отгоняя хвостом мух. По лужайке около дома бегал огромный дог. Многие художники мечтают работать в таком живописном уголке. Но есть много особенностей, которые отличают работу Джони от работы других художников. В мастерскую ее привозят в инвалидной коляске, и она рисует, зажав карандаш или кисть зубами.

Подростком Джони скакала на коне по лесным тропам, ныряла и плавала в речке вместе с догом, играла в баскетбол на площадке позади дома. Иногда она охотилась на лис в окрестных лесах.

Сейчас ее физическая активность сведена к минимуму. С помощью ортопедического приспособления на бицепсе и плечевой мышце Джони может двигать рукой — она переворачивает страницы книги. Чтобы на листе бумаги появилось нечто — то похожее на рисунок, Джони требуется совершить не одно точное, выверенное движение головой. Свои картины она создает очень медленно.

Крохотная ошибка полностью изменила жизнь Джони, но не уничтожила ее оптимизма. Когда я познакомился с Джони, меня поразило ее лицо — оно было полно жизни и света. Бодрость ее духа была настолько заразительна, что мне показался смешным любимый совет всех «мисс Америка»: «Думайте позитивно — любите себя». Мисс Америка — образчик физического совершенства, Джони — инвалид. Но здоровый дух поселился в теле Джони именно благодаря ее несовершенству.

Роковой прыжок

«Лето 1967 года выдалось необычайно жарким и влажным. Весь июль стояла страшная духота. С утра я чистила и кормила лошадей и так измоталась, что пот лил с меня ручьем. Меня

могла освежить только прохладная вода залива. Мы с сестрой Кэти отправились на пляж и нырнули в темную воду.

Но плескаться на мелководье или плавать в бассейне — это не для меня. Я любила дальние заплывы. Плот, находившийся метрах в пятидесяти от берега, был отличной целью для двух спортивных девушек. Мы со свойственной нам безрассудностью наперегонки припустились к плоту.

Коснувшись плота, я быстро взобралась на него и, не раздумывая, нырнула с другого борта. Я почувствовала, как вхожу в воду, и вдруг — оглушающий удар: я ударилась о лежавший на дне камень. Руки и ноги неестественно вывернулись. В ушах стоял звон, в голове будто что-то перевернулось, но боли я не чувствовала.

Я не могла шевельнуться! Я уткнулась лицом в песок морского дна. Мозг приказывал телу плыть, но ни одна мышца не откликнулась. Задержав дыхание, я начала молиться. Оставалось только ждать помощи, покачиваясь в воде у самого дна.

Не прошло и минуты, как я услышала голос сестры — она меня звала. Голос звучал глухо и отдаленно, но вот я увидела тень Кэти прямо надо мной. «Ты что, ныряла здесь? Здесь же совсем мелко», — кричала она, глядя на меня через слой воды. Кэти наклонилась, ухватила меня за плечо и попыталась вытянуть из воды, но рука соскользнула. «Боже, скорей же», — пронеслось у меня в голове. В глазах потемнело.

Я уже теряла сознание, когда Кэти вытащила мою голову из-под воды. Воздух! Я так жадно глотала его, что чуть не задохнулась опять. Я попыталась ухватиться за Кэти, но тело не слушалось. Сестра пристроила меня себе за спину и поплыла к берегу.

Мне казалось, что мои ноги и руки тесно переплелись где-то в районе груди. Но взглянув на них, я с ужасом поняла, что они безжизненно висят по бокам. *Мое тело стало чужим!*»

Скорая помощь увезла Джони с безлюдного песчаного пляжа в суматоху балтиморской больницы. Девушку положили в приемном покое. Ее койка была отделена от других лишь шторкой. Одна медсестра записывала данные Джони в медицинскую карту. Другая ножницами срезала с нее купальник — красивый новый купальник! Оставшись обнаженной, Джони почувствовала себя совсем незащищенной. Подошел врач и длинной иглой стал колоть руки и ноги девушки. «Ты что-нибудь чувствуешь? А вот так?» — спрашивал он все время. Джони изо всех сил пыталась ощутить хоть что-нибудь, но честно ответить «да» смогла, лишь когда он начал колоть плечи.

Врачи посоветовались и приняли какое-то решение. Один из них, доктор Шерилл, взял машинку и одним махом состриг копну белокурых волос Джони. Медсестра тут же обрила ей голову бритвой. Укол — и Джони начала впадать в забытие. Ей показалось, что она слышит пронзительный звук дрели. Последнее, что она помнила: кто-то держит ей голову, а врач высверливает два аккуратных отверстия по обеим сторонам черепа.

Зеркало

Очнувшись после наркоза, Джони обнаружила, что крепко пристегнута к специальной раме. Из отверстий в голове торчали металлические зажимы, присоединенные к какому-то пружинному механизму. Эта конструкция удерживала голову Джони в строго определенном положении. Джони лежала между двумя брезентовыми полотнищами, в одном из которых была прорезь для лица. Через нее Джони видела окружающий мир. Каждые два часа медсестра поворачивала раму на сто восемьдесят градусов. Джони поочередно смотрела то на пол, то на потолок.

Необходимость сохранять полную неподвижность угнетала. Да и сама атмосфера отделения реанимации не внушала бодрости. Но в первые несколько недель Джони ухитрялась сохранять присутствие духа. Болей почти не было. Врачи выражали надежду, что какие-то нервные окончания смогут восстановиться. Поначалу девушку часто навещали посетители. Ей приносили цветы и подарки. Сестры раскладывали журналы на полу под рамой, чтобы Джони, когда ее поворачивали лицом вниз, могла читать.

Когда истек критический срок — четыре недели, — ей сделали операцию по сращиванию позвоночных костей. Джони торжествовала, предвкушая, что все ее проблемы, наконец, закончатся, и она снова встанет на ноги. Операция прошла успешно, но в тот же день доктор Шерилл честно обрисовал ей картину. «Джони, — сказал он, — мне очень жаль, но твоя травма неизлечима. Операция не помогла. Ты никогда не сможешь ходить и двигать руками».

Только теперь Джони поняла всю серьезность ситуации. Она-то думала, что еще несколько месяцев лечения, потом восстановительный период — и можно будет говорить о полном выздоровлении. Но оказалось, что прежней жизни уже не будет. Никаких спортивных автомобилей, никакого катания на лошадях, никакой игры в баскетбол. И свиданий тоже. Никогда.

«Я была сокрушена полностью, — вспоминает девушка. — У меня была такая насыщенная жизнь! В школе я занималась всем, чем только можно. И вдруг оказалась в изоляции — голое,

безжизненное тело между двумя простынями. Все мои увлечения, все, что я ценила, оказалось утраченным навсегда. А мои кони, мои красавцы? Я больше никогда не сяду на них верхом. Я даже поесть без посторонней помощи не могла. Самостоятельно я могла только спать и дышать. Все остальное для меня должны были делать другие».

Лежа лицом вниз, пристегнутая к стальной раме Джони видела, как каплют на пол ее горячие соленые слезы. Потом потекло из носа — пришлось позвать медсестру. Она даже поплакать не могла без посторонней помощи!

А несколько дней спустя ее ждало новое потрясение. Впервые после несчастного случая ее навестили две школьные подруги. Они ожидали увидеть прежнюю Джони — спортивную девушку, полную энергии и жизни, и были не готовы к произошедшим с ней переменам. Подойдя к кровати Джони, они не смогли вымолвить ни слова, а через минуту пулей вылетели из палаты. Джони слышала, как одну девушку рвало за дверью. Другая захлебывалась в рыданиях. Что же так изменилось в моей внешности? — подумала Джони.

Через пару дней все прояснилось. К ней пришла Джеки, близкая подруга, которая с самого начала помогала ухаживать за Джони. Джони попросила ее принести зеркальце. Джеки поначалу отказывалась, но Джони настояла. Джеки неохотно уступила. Дрожащими руками она поднесла зеркало к лицу Джони. Одного взгляда было достаточно. Джони вскрикнула от ужаса: «Боже, как Ты такое допустил?»

Она ли это? Глубоко запавшие, налитые кровью глаза, обведенные темными кругами. Желтая кожа. Почерневшие от лекарств зубы. Обритая голова, из которой торчали металлические зажимы. Тело — грудa костей: за время болезни Джони потеряла около двадцати килограмм.

Отчаянные рыдания сотрясли тело девушки. Наконец она простонала: «Джеки, прошу тебя. Ты должна мне помочь. Я больше так не могу».

— Джони, что мне сделать? Для тебя я сделаю все.

— Помоги мне умереть. Принеси мне таблетки или бритву. Я не могу жить в этом кошмарном теле. Помоги мне покончить с собой, Джеки.

Но Джеки наотрез отказалась даже думать о смерти. И Джони пришлось принять еще один мучительный факт: без посторонней помощи она не может даже умереть.

Полнота

После того ужасного дня прошло много времени. Сегодня миллионы людей знают Джони — она выступает на конференциях, проходящих по всему миру, принимает участие в телевизионных программах, каждый день в эфир выходит ее радиопередача. Она снялась в художественном фильме, основанном на событиях ее собственной жизни. О ней пишут в журналах. Да и сама Джони написала множество книг, выпустила несколько дисков со своими песнями. Ее рисунки можно увидеть на открытках, плакатах, они украшают канцелярские принадлежности. Джони вышла замуж, теперь она — Джони Эриксон-Тада.

Встречи с Джони воодушевляют людей, несут им надежду, делают их чуточку счастливей. Но как жалкий призрак Джони, который она с ужасом увидела в зеркале, сумел переродиться?

«Я лежала в больнице, подавленная и опустошенная. Меня время от времени переворачивали, как блин на сковородке. Это делали, чтобы избежать пролежней, — вспоминает Джони. — И вот кто-то из посетителей решил меня ободрить. Он напомнил мне стих из Библии — обещание Христа: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин 10:10).

Я же тогда ни во что и ни в кого не верила — меня переполняли горечь и злость. Цитата из Библии прозвучала для меня как насмешка. Жизнь с избытком? Если я и выдержу весь курс лечения, то впереди меня ждет не жизнь, а лишь жалкое существование. Я никогда не смогу заниматься спортом, не узнаю любви, не выйду замуж. И какой от меня прок?

Но с годами мои взгляды изменились. Просыпаясь, я каждое утро благодарю Бога за все, что Он мне дал. Бог показал мне — и я наконец это осознала, — что я тоже могу жить полной жизнью. Но чтобы поверить, что такое возможно, мне потребовалось три года».

Перед Джони, как и перед любым инвалидом, стояла задача: смириться со своим состоянием, принять ограничения, которые оно накладывает. Какой смысл бесконечно оплакивать утрату молодого сильного тела? Это пустая трата времени. Как бы велико ни было ее желание, изменить отражение в зеркале Джони никак не могла. Нужно было признать, что она — паралитик, и научиться жить по-новому.

Привыкание к новой реальности шло болезненно. Когда Джони обнимал любимый — она ничего не ощущала. В такие минуты у нее возникало острейшее желание уйти в мир фантазий, представить себе, что она здорова. Жених, спортивная машина, походы — мечтам можно было

предаваться до бесконечности. Но грезы не облегчали страданий, они лишь мешали принять реальность.

Вскоре Джони обнаружила, что рядом с инвалидом «нормальные» люди подчас чувствуют себя неловко: начинают говорить громче и четче, подбирать слова попроще, словно перед ними умственно отсталый. Когда ее везли на коляске, прохожие порой сходили на проезжую часть, чтобы дать ей дорогу, хотя места на тротуаре было вполне достаточно. Джони начала понимать, почему многие инвалиды, живущие в больницах или интернатах, не хотят перебираться в обычный мир: в больнице они ощущают себя почти полноценными людьми, их окружают медики, которые понимают их состояние.

Джони помогали друзья. Самое яркое воспоминание из тех далеких дней: ее друг, разогнав коляску на песчаном пляже, вкатил Джони прямо в приливную океанскую волну. Девушка завизжала от восторга. Да, она никогда не сможет больше заниматься виндсерфингом, но, по крайней мере, видит, как волны колышутся вокруг ее ног, ощущает вкус соленых брызг. Джони нравилось, когда люди обращались с ней легко и свободно, а не нянчились, как с фарфоровой куклой.

Все было непросто. Даже для того, чтобы научиться сидеть в коляске, Джони пришлось выдержать немало мучительных процедур. Несколько месяцев Джони пролежала в горизонтальном положении. Теперь нужно было постепенно вновь учить тело сидеть. Когда медсестра в первый раз приподняла верхнюю часть тела девушки на сорок пять градусов, Джони чуть не потеряла сознание: голова закружилась, подступила тошнота. И сердце не сразу привыкло к новому положению.

Настоящим бедствием были пролежни — они появлялись постоянно. Когда Джони сажали, острые края костей протыкали кожу в области копчика и бедер. Чтобы предотвратить травмы, врачи сделали разрезы и обточили кости. Операцию проводили без наркоза — ведь Джони не чувствовала боли. После операции девушке пришлось лежать пластом еще несколько недель. А потом возобновились ужасные упражнения — нужно было приучать тело к сидячему положению.

Это были очень трудные времена. Но рядом всегда находились друзья. Они всемерно поддерживали Джони. Друзья-христиане — теперь уже не школьники, а студенты — преданно заботились о ней. Однажды они тайно притащили в палату смешного щенка. Щенок облизывал лицо Джони, а она смеялась.

Отсрочка на сорок лет

Поначалу Джони никак не могла понять, как можно верить в любящего Бога, когда Он допустил такое страдание. Было ощущение, что ее обокрали, лишили ее всех Божьих даров, всех радостей жизни. Почему? За что? Что ей осталось? Джони ожесточилась против Бога. Джони потребовалось три года, чтобы Ему довериться, — три года слез и яростного поиска ответов. Медленно, но неуклонно Джони двигалась к Богу.

Однажды вечером она особенно ясно почувствовала, что Бог все-таки ее понимает. У нее мучительно болела спина. Для неподвижного человека такая боль превращается в пытку: здоровый, ощутив зуд, может почесаться, помассировать ноющие мышцы, растереть затекший сустав. А парализованному остается лишь беспомощно терпеть боль.

Рядом с Джони была Синди, одна из лучших ее подруг. Синди хотелось хоть чем-то ободрить Джони. И она вдруг поняла чем: «Джони, — выпалила она, — ты не одна так страдаешь. Иисус знает, что такое — быть парализованным. Он это пережил».

Джони изумленно взглянула на подругу: «О чем ты говоришь?»

— Вспомни, — продолжала Синди, — Его пригвоздили к кресту. После бичевания Его спина стала кровавым месивом. Представь, как мучительно Ему хотелось хоть немного подвинуться, размять затекшие руки и ноги. Но Он не мог — Его держали гвозди. Он чувствовал то же самое, что ощущает парализованный.

Эта мысль так поразила Джони, что она на миг забыла о своей боли. Ей и в голову не приходило, что Бог мог испытывать такую же острую боль. Для нее это стало утешением.

«Бог стал мне очень близок. Я чувствовала, как благодаря любви родных и друзей мое сердце смягчается. Постепенно я стала понимать, что и Бог меня любит.

Немногие могут сказать о себе, что им довелось потерять все, кроме Бога. Мне понадобилась целая вечность, чтобы сжиться с этими словами. До несчастья меня прежде всего интересовало, как воля Божья впишется в мои планы. Как она затронет мою личную жизнь? Как повлияет на мое будущее — карьеру, увлечения? Теперь многие вопросы отпали. У меня оставалось лишь беспомощное тело и Сам Бог. Возможно, именно такой полной зависимости от Бога добровольно стремятся достичь святые. Я же оказалась в полной зависимости от Него не по своей воле.

И вот, когда у меня не осталось ничего, кроме Бога, мне вдруг стало Его достаточно. Меня

переполнило осознание, что Бог, сотворивший вселенную, живет во мне. Он лично участвует в моей жизни. Он способен превратить меня в привлекательную и достойную личность. Во всяком случае, без Него мне этого не достичь.

Первые месяцы и годы после трагедии я все время пыталась понять, чему Бог пытается меня научить. Я втайне надеялась, что если догадаюсь и усвою урок, то Бог меня исцелит.

Пожалуй, каждый верующий, на долю которого выпадают сильные страдания, обращается за ответами к книге Иова. Иов — праведный человек, который вынес такие муки, которые мне трудно представить. Но к своему удивлению, я не нашла в этой книге ответа на свои «почему?». Я увидела лишь одно: несмотря ни на что, Иов держался за Бога, был верен Ему, и Тот вознаграждал его за верность.

«Может быть, Бог хочет именно верности?» — думала я. И перестала требовать от Бога объяснений — я со смирением Ему доверилась. Пусть я парализована. Это ужасно. Меня это совсем не радует. Но может ли Бог что-то совершить через меня — инвалида? И могу ли я, совершенно беспомощный человек, поклоняться Богу и любить Его? Как только я изменила свое отношение к случившемуся, Бог показал мне, что возможно и то, и другое.

Вполне вероятно, что мое зависимое положение — это Божий дар. Я никогда не стану настолько самостоятельной, чтобы отодвинуть Бога в сторону. Я каждое мгновение ощущаю Его милость и заботу. И каждую минуту я ощущаю свою зависимость от людей: я просыпаюсь и, лежа на спине, жду, когда кто-нибудь придет и оденет меня. Сама я не могу ни причесаться, ни даже высморкаться.

Но у меня есть друзья, которые обо мне заботятся. Я люблюсь красотой пейзажей, которые рисую. Я сама зарабатываю себе на жизнь — мечта каждого инвалида. Внутри у меня — целый мир. Мир, который даровал мне Бог.

И еще у меня теперь есть надежда на будущее. Библия говорит, что на небесах Бог оденет нас в славные тела. Когда я училась в старших классах, эта фраза казалась мне очень туманной. Но сейчас я ее понимаю: там я буду исцелена. Меня не обманули, посулив полноту и цельность — просто исполнение обещанного задерживается лет на сорок-пятьдесят. И Бог вместе со мной — и сейчас, и когда обещание будет выполнено.

Теперь я понимаю, что значит получить славное тело. Это значит, что после смерти я смогу танцевать».

Пройдет немало времени, прежде чем Джони сможет танцевать. Но она и так многому научилась. После двух лет восстановительного лечения она научилась лихо управлять инвалидной коляской с мотором. Спустя годы Джони научилась водить машину и сейчас ездит на микроавтобусе с переделанной специально для нее системой управления.

Джони стала прекрасным оратором — ее часто приглашают выступать перед самой разной публикой. Она с первого взгляда пленяет слушателей — со вкусом одетая, красиво причесанная женщина в коляске, полная жизнелюбия и энтузиазма. Она часто вспоминает события давней уже трагедии, рассказывает о том, как долго шло восстановление. Ее тело остается неподвижным, но глаза наполнены светом и жизнью.

Несколько лет назад Джони переехала в Калифорнию. К ее живописным работам прибавились пейзажи американского запада. «Я не могу плавать и нырять в заливе, не могу скакать на лошади, — говорит Джони, — но зато могу бывать на природе, могу наслаждаться ее красотой, ощущать богатство окружающих меня запахов и красок». Джони, зажав кисточку или карандаш зубами, рисует то, что видит вокруг.

В разговорах Джони время от времени упоминает о конюшне, которая находилась рядом с ее мастерской в Мэриленде. Конюшня — самое любимое место Джони, с ним связаны счастливые воспоминания детства: ароматное сено, тихое ржание и пофыркивание лошадей. В конюшне было столько потайных уголков! Она была огромной, загадочной и прекрасной.

Конюшню выстроил отец Джони и страшно гордился этим творением своих рук. Джони вспоминает и связанное с конюшней страшное событие: как-то хулиганы подожгли конюшню, и она сгорела дотла. Эта сцена до сих пор стоит у Джони перед глазами: дикое ржание ее любимцев, запах паленого мяса, отчаянные попытки семьи и соседей потушить пламя.

Конюшня сгорела, но история на этом не заканчивается. Отец Джони, уже скрюченный от артрита, снова взялся за строительство. Фундамент уцелел, и отец выстроил на нем новые стены. На месте старой конюшни выросла новая, которая получилась много лучше прежней.

«Я — как та конюшня, — говорит Джони. — Я думала, что моя жизнь закончилась и ее уже не восстановишь. Но благодаря Богу и моим друзьям она отстроена заново. Теперь вы понимаете, почему я так счастлива? Я заново обрела то, что, казалось, утратила навсегда, — полноту жизни».

Двое страдальцев

Джони Эриксон-Тада и Брайан Штернберг — люди, которые каждодневно вынуждены

сражаться с болью. На свете есть множество людей — парализованных, больных раком, родителей детей с врожденными нарушениями, — которые познали всю глубину страданий. Мысль о том, что боль — это дар, скорее всего, вызовет у них недоумение или горечь. Боль в их жизни вышла за рамки разумного, стала чудовищем. Только садист или недалекий человек может сказать им, что боль — это дар.

В наших двух историях один герой приобрел известность через страдания, другой — утратил ее. Прошло много лет. И Брайан, и Джони по-прежнему остаются пленниками своих немощных оболочек. И все же каждый из них нашел в себе силы, чтобы жить и расти. Исцеление их израненных душ без доверия Богу было бы невозможно.

Брайан постоянно задается вопросом «Почему?» и ищет причину случившегося. Виновен ли Бог в том, что с ним произошло? Его семья убеждена, что Бог разделяет их чувства. Взгляды самого Брайана не совпадают с главной идеей моей книги: он отвергает мысль о преобразующей роли страдания. Брайан признает, что Бог использует боль, чтобы творить благо. Однако он не согласен с тем, что Бог позволяет страданию тянуться до конца жизни. Вера Брайана зиждется на мечте об исцелении.

Но и столь жесткая позиция, которая кажется лишенной смысла даже друзьям Штернбергов, для Брайана означает поворот к Богу. Несмотря на муки, вынести которые способен не каждый, Брайан крепко держится за веру в любящего благого Бога. На небесах Брайан вновь обретет уверенную поступь. Походка его будет так же легка, как у Иова, Аввакума или Иеремии, которые пережили самое худшее и сохранили веру.

Боль Джони в основном эмоциональная — это боль потери. Но ее жизнь представляет собой триумф благодати и радости. Да, она боролась с Богом. Но не отвернулась от Него. Джони возродилась к жизни и обрела такую духовную глубину и зрелость, что теперь способна ободрить и вдохновить миллионы людей. Не буду утверждать, что любой больной человек может повторить путь Джони Эриксон–Тада. Это невозможно. Дары и таланты Джони уникальны и свойственны только ей. Однако тем, как она ими распорядилась, Джони показала: в страдании есть благородство и достоинство.

В первое время после травмы Джони получала много писем, в которых люди побуждали ее молиться об исцелении. Кто-то упрекал ее в недостатке веры. Но Джони, конечно же, молилась об исцелении. Летом 1972 года после молитвы за исцеление в узком кругу — присутствовало всего человек пятнадцать — Джони была твердо уверена, что ее спинной мозг в ближайшее время чудесным образом восстановится. Она позвонила друзьям и сказала им: «Скоро я постучу в вашу дверь. Бог исцелит меня, и я снова буду ходить».

Но чуда не произошло. В своих книгах Джони объясняет, как она пришла к непростому выводу о том, что физического исцеления не произойдет. Сейчас Джони называет произошедший с ней несчастный случай «блистательным вторжением». Она уверяет, что это было лучшее, что произошло в ее жизни. Бог привлек внимание и помыслы Джони к Себе. Если бы не трагедия, то она, скорее всего, стала бы типичной американкой среднего класса: комфортная жизнь без особой цели и парочка разводов.

Травма перевернула все. Со временем Божья благодать столь явно вошла в жизни Джони, что эта женщина стала живым символом того, как в страданиях утверждается вера. Сегодня одно упоминание ее имени способно пресечь пустые споры о вере. Неужели исцеления не получают лишь те, кому не хватает веры? *А как же Джони Эриксон–Тада?* Более того, жизнь Джони — яркий пример того, как Бог превращает страдание в благодать. Страдание преобразуется. Джони стала известна как писательница, актриса, певица и художница. Но это еще не все. Она решила посвятить себя служению тем людям, которых глубоко, по-настоящему понимает, — инвалидам. Сейчас Джони возглавляет благотворительную организацию «Джони и ее друзья», которая финансирует проведение семинаров и конференций, а также проекты по оказанию помощи инвалидам.

Мечта Джони — растормошить церкви, показать им необходимость заботы об инвалидах, напомнить, что христиане должны играть в обществе роль исцеляющей силы. Такие ее выступления собирают не столь много народа: всем интересно послушать историю жизни человека, личное свидетельство, а не лекцию о том, как помогать беспомощным больным. Но Джони продолжает ободрять и поддерживать инвалидов и просвещать здоровых.

Благодарение Господу, что лишь немногим из нас доводится пережить то, что выпало на долю Брайана и Джони. Но их жизни — подтверждение слов, написанных в Евангелии от Иоанна: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божьи» (Ин 9:3). Эти двое парализованных — один из Сиэтла, другая из Балтимора — являют на себе дела Божьи

сегодня.

Глава 11 Другие истории

Страдальцы движут мир вперед.

Лев Толстой

В своей книге «Созидательное страдание» швейцарский врач и психолог Поль Турнье вспоминает, как он удивился, прочитав статью под названием: «Миром движут сироты». Статья была опубликована в серьезном медицинском журнале. Автор изучил жизнь трехсот великих людей, оставивших в истории глубокий след. В списке знаменитостей были Александр Македонский, Юлий Цезарь, Робеспьер, Джордж Вашингтон, Наполеон, королева Виктория, президент Израиля Голда Мейер, Гитлер, Ленин, Сталин, Фидель Кастро. Автор попытался понять, есть ли у них что-то общее. Оказалось, что все они выросли в неполных семьях. Но сиротство не всегда означает буквальное отсутствие родителей. Оно бывает психологическим: порой живые родители жестко отталкивают своих детей.

«Мы, — пишет Турнье, — рассуждаем о том, как важно, чтобы у ребенка были и отец, и мать. Мы читаем лекции о том, как важно, чтобы оба родителя, гармонично дополняя друг друга, участвовали в его воспитании. И вдруг обнаруживается, что самые влиятельные люди в истории были лишены родительского участия!»

Поль Турнье и сам рос сиротой. Но по-настоящему он задумался о сиротстве уже в преклонном возрасте, когда потерял жену — он словно осиротел вторично. До этого каждый свой успех, каждую трагедию он классифицировал как добро или как зло. Но после смерти жены он увидел, что обстоятельства — удачи и неудачи — сами по себе нейтральны. Это события. Позитивный или негативный оттенок они обретают в зависимости от того, как человек к ним относится. Вещи и события — категории вненравственные. Добро и зло заключены в людях — участниках событий.

Это открытие изменило медицинские воззрения Турнье и привело к возникновению концепции «цельной личности». «Мы редко имеем возможность управлять событиями, — говорит он, — но от нас (и от тех, кто нам помогает) зависит то, как мы отнесемся к происходящему. Страдание само по себе не несет пользы, но оно мобилизует на борьбу. Поэтому крайне важно, как человек ведет себя в страдании. Как отнестись к переменам в жизни, какой выбор сделать — это проверка для каждого из нас. Вот передо мной человек — больной или переживший трагедию. Он открывает мне душу. Как он отнесется к удару судьбы?

Как себя поведет? Сможет ли встретить беду с открытым забралом, творчески переосмыслить ситуацию? Сможет ли настроиться на позитив, что приведет к личностному росту? Или реакция будет негативной и развитие моего посетителя затормозится? Своевременно оказанная помощь способна изменить ход жизни этого человека».

В своей медицинской практике Турнье ежедневно встречался со страдающими людьми. Он видел, что страдание далеко не всегда ведет к личностному росту — не так уж и редко оно ломает человека. Поэтому Турнье отошел от традиционного врачебного подхода — постановки диагноза и последующего лечения. Он стал обращать пристальное внимание на психологические и духовные нужды пациентов. Он увидел свое призвание в том, чтобы обучать людей тому, как превратить боль в целительную силу.

Турнье приводил аналогию с орехом. Человек заключен в толстую и прочную скорлупу — ощущение личной безопасности и уверенность в завтрашнем дне. Но вот в его жизнь вторгаются неожиданные бедствия и разрушают эту оболочку, раскалывают ее, как щипцы скорлупу ореха. Крушение приносит боль, но оно не разрушает сердцевину. Напротив, при поддержке надежных людей отчаяние и смятение приводят к личному росту. Когда старые привычки и схемы поведения перестают работать, больной оказывается беззащитным, «обнаженным» — он вынужден подбирать себе новую «одежду».

Какую же помощь способны оказать больному окружающие: врач, сиделка, социальный работник, священник или верный друг? Их забота — не дать обстоятельствам разрушить сердцевину человека, показать страдальцу, что даже самые ужасные события открывают возможность для внутреннего роста и развития.

Созидающее страдание

Мартин Лютер Кинг говорил: «То, что не может меня сломить, делает меня сильнее». В наш

полный бедствий век такие люди, как Мартин Лютер Кинг, Махатма Ганди, Александр Солженицын, Александр Сахаров, Десмон Туту, Нельсон Мандела и многие другие, своей жизнью подтвердили теорию Турнье о созидательном страдании. Казалось бы, внешние обстоятельства должны были полностью их сокрушить. Но именно трудности и страдания дали этим людям мужество и силу, которые потрясли мир.

Например, Мартин Лютер Кинг умышленно выбирал для противостояния наиболее жестоких шерифов-южан. Он был готов принять побои, сесть в тюрьму, снести издевательства, ибо был убежден: увидев наиболее неприглядные проявления расизма, американская нация восстанет против этого зла. «Христианство, — говорил Кинг, — учит, что венцу славы всегда предшествует крест. Чтобы следовать за Христом, нужно взять свой крест — трудности, мучения, тяготы — и нести его. Но на спине не останется отметины от креста, пока не выйдешь на путь славы, к которому ведет только дорога страданий».

В конечном итоге именно взгляды Кинга привели к победе движения за гражданские права. Стойкость борцов, которые не сдавались, несмотря на жестокости властей, пробудила нацию. В 1964 году, спустя неделю после столкновения с полицией на мосту в Сельме, конгресс США принял Закон о гражданских правах. Кровопролитные столкновения не сломили Кинга, они придавали ему сил.

Принцип, столь ярко явленный в жизни Мартина Лютера Кинга, действовал и в жизни «маленьких» людей — тех, кто следовал за своим лидером, участвовал в маршах протеста. Мне вспоминается один из неизвестных героев той борьбы. Он жил в сельском районе Миссисипи. Его фотография ни разу не появилась на страницах газет и журналов. Я беседовал с мистером Бакли в начале семидесятых годов, когда большинство южан были настроены против дарования гражданских прав темнокожим. Уходя от мистера Бакли, я чувствовал, что покидаю дом святого.

Дом мистера Бакли — самый симпатичный в округе. Снаружи он обложен кирпичом, в нем четыре или пять просторных комнат, отделанных деревом. Мистеру Бакли было тогда девяносто лет, и, казалось, происходившим вокруг он уже не особо интересовался. Большую часть времени он сидел в кресле-качалке возле камина, как некогда сиживал у печки в своей деревенской хибарке. Я увидел его стариком со слезящимися глазами и выдубленной жарким солнцем Миссисипи кожей. Он размеренно покачивался в кресле и предавался воспоминаниям. Время от времени мистер Бакли почесывал седой затылок и посмеивался — чего только с ним не приключилось за почти что сотню лет!

В одной из наших бесед мистер Бакли рассказал мне о своем детстве. Он говорил перед диктофоном без остановки три с половиной часа, лишь единожды прервавшись, чтобы попросить стакан воды. Сделав большой глоток, он удовлетворенно произнес: «Итак, мы добрались до 1901 года».

Мистер Бакли родился через поколение после отмены рабства и рос в тяжелые годы восстановления Америки. Он пережил жуткие времена разгула ку-клукс-клана: постоянные угрозы, горящие кресты, слухи о линчевании и поджогах. Семьдесят пять лет его жизни прошли в эпоху запретов: отели, рестораны, туалеты и кабинки для голосования «только для белых». В середине шестидесятых годов мистер Бакли стал участвовать в движении за гражданские права.

Веря, что этим служит Богу, он стал помогать пастору Джону Перкинсу в кампании по регистрации чернокожих избирателей. В округе, где проживало более пяти тысяч взрослых темнокожих, было зарегистрировано лишь пятьдесят избирателей.

Федеральные служащие организовали регистрационный пункт у заднего входа в отделение местной почты. Мистер Бакли помогал обеспечивать явку избирателей — к пункту стекались автобусы и машины. Прибывшие со страхом расписывались в регистрационных ведомостях — это было небезопасно. Время от времени появлялись группы агрессивно настроенных белых, которые выкрикивали угрозы и оскорбления. Тех, кто зарегистрировался, чтобы принять участие в голосовании, могли вышвырнуть с работы. Но люди приходили. Мускулистые чернокожие мужчины, согнутые от постоянного труда на хлопковых плантациях, образовали в центре городка Менденхолл «очередь мужества»: они хотели получить право голоса. В итоге зарегистрировались две тысячи триста человек.

Лидером темнокожего населения в Менденхолле и его окрестностях был мистер Бакли. Но прежде всего он служил Богу. Перенесенные трудности и страдания сделали его сильнее, укрепили его веру. Из рассказа мистера Бакли я понял: как и говорил Иисус, нищие и угнетенные блаженны. Когда со всех сторон подступал мрак, когда охватывало отчаяние, мистер Бакли мог опереться только на Бога. И Божья благодать стала в нем преизобилывать. Один взгляд на мистера Бакли — и видно, что Бог обитает в его душе. Богу в ней просторно.

Одним из самых серьезных испытаний, которые пережил мистер Бакли, был переезд в новый дом. Наконец-то, дожив до восьмидесяти лет, они с женой смогли позволить себе уютное жилье. Они купили чистенький аккуратный, еще пахнувший свежей краской домик. Но однажды глубокой ночью мистер Бакли проснулся от запаха дыма. Он выскочил из постели: коридор был весь в огне, пламя подбиралось к спальне. Им с женой удалось спастись, но все имущество сгорело. Оказалось, что дом подожгли соседи.

Вот что сказал мне мистер Бакли: «Мы многое пережили. У меня было трое детей, двое из них умерли. Я потерял первую жену, а со второй мы едва не погибли во время пожара. Но Господь сказал, что не пошлет нам испытания сверх наших сил. Когда силы будут на исходе, Господь окажется рядом, чтобы укрепить нас».

Мистер Бакли умер в 1986 году, в возрасте девяноста семи лет. Последние годы жизни он помогал строить новую церковь в Менденхолле. Он сказал: «Я хочу, чтобы это была церковь, где рады любому, независимо от цвета кожи. Я хочу, чтобы в этой церкви люди молились с уверенностью, что Бог слышит их. Я хочу, чтобы прихожане этой церкви любили друг друга, чтобы любовь была их опознавательным знаком». Мистер Бакли своей жизнью показал, какой он хочет видеть новую церковь.

Богословие обратного действия

«То, что не может меня сломить, делает меня сильнее». Умиротворенное, морщинистое лицо мистера Бакли, казалось, подтверждало эти слова Мартина Лютера Кинга. Старик был похож на крепкий столетний дуб, который много повидал на своем веку — ливни, ураганы, лесные пожары. Преодолев все трудности, мистер Бакли обрел такую внутреннюю силу, которой вряд ли могут похвастаться большинство американцев, живущих спокойной и размеренной жизнью. В тяжелые времена, когда есть только одна надежда — Бог, в душе человека происходят невероятные изменения.

После длительных бесед с мистером Бакли я наконец начал понимать смысл парадоксальных слов Христа о блаженстве, которые прежде резали мне слух. До меня вдруг дошло, что я всегда воспринимал слова Нагорной проповеди: «Блаженны нищие... плачущие... кроткие... изгнанные за правду...» (Мф 5:3–10), как некую подачку тем, кому в жизни не повезло. Ладно, раз уж вам так плохо — вы едва сводите концы с концами, подвело здоровье, постучалось в двери горе, — Я, так уж и быть, брошу вам соломинку, хватайтесь! Соломинка — несколько ярких фраз и обещание будущей награды. Может, вам полегчает? Но почему глаголы в этих обещаниях стоят в настоящем времени — «их есть Царство Небесное»? Мои встречи с чернокожими христианами из Миссисипи подтвердили: бедные и угнетенные способны обрести блаженство на земле. Жизнь как у мистера Бакли — редкость. Она была исполнена непоколебимой веры. Веры, закаленной в испытаниях.

Апостол Павел высказал невероятную мысль: сила Божья «совершается в немощи» (2 Кор 12:9). Эти слова порой понимают превратно. Над ними насмеются те, кто винит Бога в человеческих страданиях. Но люди — такие, как апостол Павел или мистер Бакли, — раскрывают нам суть Божьих слов. Даже об Иисусе сказано: «Он... страданиями навывод послушанию» (Евр 5:8).

Наблюдая за чужими страданиями со стороны, мы часто ожидаем увидеть в людях жестокость и обиду. Мы ждем, что они злобно накинутся на Бога, проклиная Его за свои несчастья. Но, как ни удивительно, страдальцы часто обретают в Нем покой. И тогда нам, сторонним наблюдателям, становится стыдно. Не случайно самые яркие примеры веры являют нам люди, которых мир считает неудачниками.

Клайв Стейплз Льюис, хоть и неохотно, приходит к выводу: «Однако я не совсем убежден, что страдание само по себе, без подсказки, непременно породит дурные чувства и черты. На передовой, в окопах, я нашел ничуть не больше злобы, себялюбия и подлости, чем в других местах. Я видел удивительную духовную красоту у сильно страдающих людей. Я обнаружил, что с годами люди становятся лучше, а не хуже. Я увидел, что смертельная болезнь способна взрастить драгоценные плоды стойкости и смирения даже в самых безнадежных людях».

Что же такого есть в природе страдания, что вызывает в людях перемены? Почему боль не сокрушает человека, а придает ему силы? Иисус ясно говорил: Бог больше расположен к бедным и угнетенным. Это учение, которое иногда называют «богословием обратного действия», было явлено миру в Нагорной проповеди. В пользу подобного богословия говорят и другие высказывания Иисуса: «первые будут последними» (Мф 19:30; Мк 10:31; Лк 13:30); «унижающий себя возвысится» (Лк 14:11; 18:14); «...кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий» (Лк 22:26). Притчи о добром самарянине и о богаче и Лазаре тоже являют нам совсем иной порядок мироустройства, чем тот, к которому мы привыкли.

Почему? Почему Бог выделяет бедных и угнетенных? Почему именно они удостоиваются Его особого внимания? Чем слабые заслужили такую честь?

Как-то мне попался на глаза перечень «плюсов» бедности, который составила католическая монахиня Моника Хельвиг. Ее размышления заставили меня задуматься. Я дополнил ее перечень, расширил его — теперь он относится ко всем тем, кто страдает, а не только к терпящим нужду.

1. Перед страданием все равны. Любого человека оно может подвести к пониманию необходимости покаяния.

2. Страдальцы видят, что зависят от Бога и от здоровых людей, но помимо этого поддерживают друг друга.

3. Страждущие не слишком полагаются на материальные блага — ведь они много лишены, и многое им недоступно. Но они находят опору в людях.

4. Страдания смиряют гордых. Страдалец перестает думать о собственной значимости, он не беспокоится о том, что посторонние вторгнутся в его личную жизнь.

5. Сотрудничество и взаимопомощь имеют для страдающих большее значение, чем для людей благополучных. Страдающие перестают думать о конкуренции.

6. Страдание помогает понять, что является роскошью, а что — необходимостью.

7. Страдание учит терпению. Часто великое терпение рождается из признания своей зависимости.

8. Страдание помогает понять, какие страхи имеют реальную основу, а какие — преувеличены.

9. Для страдающих Евангелие — воистину Благая Весть. Они не видят в Евангелии ни угрозы, ни осуждения. Оно несет им надежду и утешение.

10. Страдальцы откликаются на зов Бога просто и без раздумий — им нечего терять. Они готовы ко всему.

Перечитав этот список, я понял, почему на долю святых всегда впадало так много страданий. Послушание, зависимость, смирение, простота, взаимопомощь, преданность — все эти качества имеют большую ценность для духовной жизни. А живя в комфортных условиях, обрести их трудно.

Я увидел заповеди блаженства в новом свете: нет, это не милостыня, брошенная Иисусом страдальцам. Слова Спасителя перестали быть похожими на лозунги. Они приоткрыли мне удивительные тайны человеческого бытия. Все страждущие — нищие, плачущие, алчущие — воистину блаженны. Но блаженны они не потому, что находятся в жалком состоянии. (Христос не уставал исцелять, кормить и освобождать людей от их бремени.) Они блаженны, потому что приобрели сокровище — те качества, которых нет у благополучных и независимых людей.

Стремление к независимости, то самое, что в Эдемском саду вскружило голову Адаму и Еве, обернулось губительным грехом, стало магнитом тянуть нас прочь от Бога. Страждущие и нищие имеют большое преимущество — они не способны опираться только на свои силы, и им не нужно напоминать об их слабости. Им нужен источник силы. Люди богатые, успешные, красивые способны прожить свою жизнь за счет собственных ресурсов. Но у тех, кто лишен земных благ, остается возможность в трудные дни воззвать к Богу.

Выходит, что страдающие лучше подготовлены к принятию Божьей благодати. Они нуждаются, они зависимы, они не удовлетворены жизнью — и они способны с радостью принять дар Божьей любви.

Порой бедность и страдание помогают понять всю ценность несамостоятельности: не ощутив и не осознав своей немощи, трудно принять Божью благодать. Апостол Павел писал, как он боролся с «жалом в плоти» — недугом, который так и остался для нас загадкой. Есть самые разные предположения о характере его заболевания: эпилепсия, заболевание глаз, хроническая депрессия, малярия, сексуальные искушения. Я рад, что Павел не уточнил, какой именно немощью он страдал: его размышления относятся к любому из нас, какое бы жало нас ни мучило.

Поначалу Павел не видел смысла в своей немощи. Он не мог принять ее с «великой радостью», просил Бога удалить от него напасть. Болезнь мешала его служению, вселяла в душу сомнения. Он трижды просил Бога об исцелении, и всякий раз его просьба оставалась без ответа. В конце концов Павел понял великую истину: «...довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12:7–10).

«Жало» сослужило Павлу хорошую службу: духовная гордыня, высокомерие, тщеславие намного опаснее, чем немощь физическая. Недуг заставлял Павла полагаться не на свои силы, а на Бога. Осознав это, Павел перестал противиться и принял свое состояние: он больше не просил избавления, а молился, чтобы его страдание принесло добрые плоды.

Апостол пишет коринфянам — любителям мудрствовать, высоко ценившим авторитет и

внешние данные человека, — о том, что Бог часто избирает малых, презиаемых и слабых, чтобы постыдить мудрых и сильных. Павел понял суть заповедей блаженства: нищета, болезни, скорбь, немощи действительно могут стать благословением, если смиренно обратиться к Богу. «Когда я немощен — тогда силен», — заключает Павел. Чем более слабым ощущает себя человек, тем более надежную и прочную опору он находит в Боге.

Глава 12

Экстремальные ситуации

Я даже в иной нас благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни. И какими надеждами забилося тогда мое сердце! Я думал, я решил, я клялся себе, что уже не будет в моей будущей жизни ни тех ошибок, ни тех падений, которые были прежде.

Ф.М. Достоевский. «Записки из мертвого дома»

За последние годы я прочитал множество свидетельств, авторы которых прошли через концентрационные лагеря. Их записки изумили меня: мне открылись в них крайности жизни, а сама жизнь предстала передо мной в невероятном свете. В лагерях различия между людьми стирались полностью. Все были в одинаковых одеждах, одинаково острижены. Не было имен — их заменяли номера. Для всех — единый распорядок дня. Классовые различия? Их не было. За колючей проволокой люди вернулись в первобытное неразвитое общество.

В руках умелых специалистов-садистов лагеря превратились в лаборатории страдания. Как говорил писатель Теренс де Пре, задача лагеря — «низвести заключенных до уровня бессмысленных тварей с предсказуемым поведением, которых можно полностью контролировать. Лагеря — яркое подобие скиннеровской камеры. Закрытое, полностью контролируемое сообщество, в определенном смысле особый мир, в котором боль и смерть — отрицательные стимулы, а пища и жизнь — положительные. Эти стимулы воздействуют на человека в течение двадцати четырех часов в сутки, ибо затрагивают самые насущные его потребности».

И все же бывшие узники концлагерей Бруно Беттельхейм, Виктор Франкл, Эли Визель, Примо Леви, Симон Визенталь, Александр Солженицын и многие другие свидетельствуют об ином. О том, что великий бихевиористский эксперимент провалился. Лишенные человеческого достоинства, эти свидетели, тем не менее, смогли не только сохранить свою человеческую сущность, но сами превратились в голос разума и совести. Взять хотя бы Солженицына. Реабилитированный писатель столь мощно выступил в защиту справедливости, что был изгнан из страны, успев, однако, практически в одиночку развенчать миф о сталинизме.

Если вы попадете на встречу евреев, переживших холокост, то не увидите сломленных, бесполезных, зомбированных существ. Перед вами предстанут активные члены общества — политики, врачи, юристы. Дети, выросшие при режимах, являвших собой воплощенное зло, теперь служат нам примером благородства, мужества и милосердия.

Опыт этих людей свидетельствует об одном: даже нечеловеческие страдания способны принести благие плоды. Бруно Беттельхейм делает вывод о жизни в лагерях: «Наш опыт не стал доказательством бессмысленности жизни. Мы не скатились до мысли, что мир — не что иное, как бордель. Мы не пришли к выводу, что следует жить, руководствуясь похотям плоти, и забыть о своих корнях. Нет, мы поняли, что жизнь, какой бы жалкой она ни была, — это ценность. Жизнь не такова, какой нам пытались представить ее в лагере. Жизнь в концлагере и за его пределами отличаются друг от друга, как ночь и день, как ад и спасение, как смерть и жизнь. Мы постигли, что в жизни есть смысл. Его непросто найти, но оказалось, что смысл этот глубже, чем мы могли себе представить до того, как побывали в лагере».

Георгий Мангакис, которого военная хунта Греции после пыток приговорила к восемнадцати годам заключения, жалел не себя, а своих учителей:

«Я познал, что значит быть жертвой. Я смотрел в лицо своему истязателю — оно было страшнее, чем мое, кровоточащее и багровое от побоев. Его лицо было перекошено злобой — в нем не было ничего человеческого...

В этом противостоянии я был счастливее своего мучителя. Не я унижал, а меня унижали. Пусть я был избитым и страдающим, но мое нутро оставалось человеческим. А тем, кто издевался над заключенными, приходилось прежде подавить в себе все человеческое. Что из того, что они, одетые в форму, разгуливают с напыщенным видом, упиваясь собственной властью? Да, они считают, что боль, отчаяние, недостаток сна и еды — их орудия, которые позволяют им властвовать над другими. Но их торжество — не что иное, как деградация человека. Полная

деградация. Мои мучения им дорого обошлись.

Не я находился в худшем положении. Я был человеком, который стонал от страшной боли. Но я предпочитал быть страдающим человеком, а не мучителем. Сегодня я лишен радости видеть своих детей — как они идут в школу, как играют в парке. Но моим мучителям каждый день приходится смотреть в глаза своим детям».

В жизни австрийского психиатра, еврея Виктора Франкла, после пребывания в концлагере изменилось многое. Он осознал, что жизнь имеет смысл. Он увидел, что человек обладает внутренней свободой, которой никто и ничто не может его лишить. Он пришел к выводам, отражающим опыт и многих других узников:

«Жизнь в лагере показывает, что человек всегда имеет свободу выбора. Я видел достаточно примеров — нередко героических, — которые показывали: можно преодолеть безразличие и подавить в себе злобу. Даже в жутких условиях лагеря, даже находясь на грани психического и физического истощения, человек способен сохранить хотя бы крупицу духовной свободы и независимость мышления. У человека можно отнять все, кроме одного — его свободы. Человек сам решает, как отнестись к обстоятельствам, каким путем пойти...

В конечном итоге становится ясно: не условия жизни в лагере определяют, как человек будет переносить свое заключение — в большей степени это его внутренний выбор. И потому даже в самых суровых обстоятельствах человек в состоянии решить, что с ним будет — в духовном и психологическом плане».

Главный вопрос

Рассказы о жизни в концлагерях могут поведать о человеке и человечности многое. Но само существование лагерей и особенно гитлеровский геноцид против евреев поднимает вопросы о Боге. Название книги «Где Бог, когда я страдаю?» — это фактически вопрос всех евреев, который звучал во время холокоста. Как мог Он сидеть сложа руки и молча наблюдать за истреблением Своего народа? Шесть миллионов избранных стали жертвами геноцида. Как Владыка допустил такое зло?

В семидесятые годы социолог Рив Роберт Бреннер провел опрос среди тысячи переживших холокост евреев. Прежде всего его интересовали вопросы веры. Как этот трагический опыт повлиял на веру людей в Бога? Удивительно, но практически половина опрошенных заявила, что перенесенные ужасы на их вере никак не отразились. Ответы другой половины показали иную картину. Одиннадцать процентов опрошенных заявили, что в результате пережитого они перестали верить в существование Бога. После войны они не изменили своих убеждений. Бреннер проанализировал их ответы и пришел к выводу: их атеизм не был результатом изменений в их богословских воззрениях. Их неверие — скорее эмоциональная реакция на пережитое, выражение глубокой боли и гнева на Бога за то, что Он их оставил.

Бреннер также обнаружил, что примерно пять процентов опрошенных в результате пережитого пришли к Богу. Попад в кошмар лагеря, они не знали, к кому, кроме Бога, можно обратиться.

Как-то в течение двух месяцев я прочитал две книги воспоминаний узников гитлеровских концлагерей. Оба автора — Эли Визель и Корри Тен Бум — с глубокой искренностью высказали диаметрально противоположные точки зрения о том, что в диких условиях лагеря происходит с верой. Обе эти книги стали бестселлерами. Из всей массы книг, посвященных холокосту, они пользуются наибольшей популярностью.

Книга Визеля «Ночь» меня потрясла. Визель нарисовал картину своей жизни образно и лаконично. Всех евреев из их поселка сначала согнали в гетто. Потом у них отобрали имущество, а самих погрузили в вагоны для скота. Треть пленников умерла еще в дороге, не доехав до лагеря смерти.

Когда поезд доехал до Биркенау (Бржезинки), первое, что увидел Эли, были клубы густого черного дыма, валившего из огромной трубы. Впервые в жизни он ощутил запах горящей человеческой плоти. «Мне никогда не забыть той проклятой ночи — будь она проклята. Мне никогда не забыть этого страшного дыма, лица маленьких детей, чьи тела потом превратились в клубы дыма и растворились в молчаливой голубизне небес. Мне не забыть ночной тишины, которая навсегда лишила меня желания жить. Мне не забыть тех мгновений, которые уничтожили моего Бога и мою душу, развеяв в прах все мои мечты. Я никогда не забуду этого, даже если мне придется жить вечно. Никогда».

На глазах у подростка Визеля в печь отправили его мать и младшую сестру. Потом погибла вся его семья. Он видел младенцев, проткнутых штыками, повешенных детей. Он видел, как узники убивали друг друга за кусок хлеба. Сам Эли избежал смерти чудом — его спасла административная

ошибка. В своих книгах Визель постоянно возвращается к тем бессмысленным трагедиям, свидетелем которых он был.

В предисловии к книге «Ночь» лауреат Нобелевской премии Франсуа Мориак описал свою первую встречу в Визелем:

«Тогда я понял, что сразу привлекло меня в этом молодом израильянине: он мне напомнил Лазаря — восставший из мертвых, но все еще пленник злойшей тюрьмы, в которой он томился, окруженный истлевшими трупами. Для него вопль Ницше «Бог мертв» стал реальностью. Бог любви, нежности, утешения, Бог Авраама, Исаака и Иакова исчез навечно под пристальным взглядом этого мальчика. Он растворился в дыму холокоста, организованного Нацией, возведшей себя в ранг идола. И сколько благочестивых евреев похоронили в те годы Бога!

Думали ли мы когда-нибудь о последствиях того ужаса — пусть не столь очевидных и страшных, но наихудших для верующего — о смерти Бога в душе ребенка, который неожиданно столкнулся с абсолютным злом?»

Глубокий ров

Временами мне хочется согласиться с Визелем, ошеломленным человеческой трагедией. Как можно начать жизнь сначала, став свидетелем таких зверств? Можно ли вернуть былой смысл словам «надежда», «радость», «счастье»? Кто осмеливается говорить о том, что страдание формирует характер?

Прочитав «Ночь» и несколько других книг Визеля, я взялся за «Убежище» Корри Тен Бум. Условия жизни в лагере, описанные Корри, были уже мне знакомы. Сама Корри — не еврейка. Она родилась и жила в Голландии. Вместе с родными она укрывала евреев, за что и была арестована. Ее с сестрой и отцом отправили в лагерь Равенсбрюк. Как и другие узники, она испытала побои и издевательства, видела, как в печах исчезают люди. На глазах Корри умерла сестра. Корри узнала, как оскверняются добродетели в мире абсолютного зла. В своих книгах она поднимает те же вопросы, что и Визель. Временами ее обращенные к Богу слова полны гнева.

Но в книге «Убежище» есть и другая интонация, отсутствующая у Визеля: книга проникнута надеждой и торжеством. В историю Корри вплетены рассказы о маленьких чудесах, о радости, которую доставляло чтение Библии и пение псалмов, о проявлениях милосердия и самопожертвования. Испытания не убили веру сестер в любящего и заботливого Бога. Вот слова самой Корри: «Как бы ни была глубока пропасть, Божья любовь глубже».

Должен сознаться: я всем сердцем разделял веру Корри в любящего Бога, но мне казалось, что ее книги не столь глубоки, как книги Визеля. В его книгах было нечто такое, что пробуждало во мне какую-то сумрачную силу, которая отнимала у меня надежду, рождала безысходность.

Сам Визель писал о своем сомнении, как об акте освобождения: «Я был обвинителем, а Бог — обвиняемым. Мои глаза были широко открыты, но я был один — совсем один в мире, где нет ни людей, ни Бога, ни любви, ни милости. Я выгорел дотла — в душе остался один пепел. И все же я ощущал себя сильнее Всевышнего, с Которым так долго была связана моя жизнь». И какой-то внутренний голос нашептывал мне: стань на сторону Визеля, будь обвинителем, отбрось оковы веры.

Лишь одно удерживало меня — по иронии судьбы, это была мысль самого Визеля, открывшаяся мне в одной из рассказанных им историй. Он описывает случай, произошедший в концлагере Буна, который убил его веру в Бога. Визелю было тогда пятнадцать лет.

В лагере обнаружили тайник с оружием, который принадлежал одному голландцу. Голландца тут же отправили в Освенцим. Но остался его помощник — молоденький парнишка. Его пытали. Визелю запомнилось лицо паренька — чистое, красивое, еще не имевшее на себе следов лагерной жизни, «лицо печального ангела». Паренек не рассказывал эсэсовцам ничего. Его приговорили к смерти вместе с двумя другими заключенными, у которых тоже нашли оружие.

«Однажды мы вернулись с работы и увидели на плацу три виселицы — три черных ворона. Обычное дело: переключки, вокруг — эсэсовцы с автоматами наперевес. Трое приговоренных в цепях, и один из них — «ангел с печальными глазами».

На этот раз эсэсовцы суеились и тревожились больше обычного — повесить мальчика на глазах у тысяч заключенных было не так просто. Начальник лагеря зачитал приговор. Глаза всех были устремлены на паренька — тот был бледен, но почти спокоен, только кусал губы. Тень от виселицы падала прямо на него.

Лагерный палач на этот раз отказался от своей привычной роли. Вместо него действовали два эсэсовца. Трое приговоренных встали на табуреты. На три шеи одновременно набросили веревки.

«Да здравствует свобода!» — прокричали двое взрослых. Мальчик молчал.

«Где же Бог? Где Он?» — выдохнул кто-то позади меня.

По сигналу начальника из-под осужденных выбили табуретки. Гулкая тишина повисла над лагерем. Солнце садилось.

«Шапки долой!» — скомандовал хриплым голосом начальник лагеря. Мы плакали. — Надеть шапки!»

Потом мы колоннами шли мимо виселиц. Двое взрослых были уже мертвы — почерневшие распухшие языки, вывалились изо рта наружу. Третья веревка все еще подергивалась — в легком теле парнишки теплилась жизнь...

Более получаса он умирал на наших глазах в мучительной агонии. И мы должны были смотреть ему в лицо. Когда я проходил мимо виселицы, мальчик был еще жив — язык еще не почернел, глаза не закатились. За спиной я услышал тот же голос: «Где же сейчас Бог?»

Ответ прозвучал внутри меня: «Где Он? Он — здесь, на этой виселице».

За ужином у супа был привкус смерти».

В этом лагере Визель утратил веру в Бога. Его Бог болтался на виселице. Он умер там безо всякой надежды на воскресение. Но в этом мучительном эпизоде для меня открылся ответ на вопрос: «Где был Бог?» Голос, прозвучавший в душе Визеля, не солгал: в определенном смысле Бог и в самом деле висел вместе с парнишкой. Бог не избавил Себя от страданий: на Голгофе Он висел на кресте и медленно умирал. И это обстоятельство дает мне основание верить в любящего Бога.

Бог не сидел, уютно устроившись на небесах и закрыв уши, чтобы не слышать воплей и стонов, доносящихся с нашей охваченной страданием планеты. Он стал одним из нас. Он живет в угнетенном народе — народе Эли Визеля, когда тот бедствует и страдает. Он стал безвинной жертвой жестоких и бессмысленных пыток. В минуту наивысшей муки Божий Сын возопил, как кричали многие узники лагерей: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46).

В Иисусе Христе, Сыне Божьем, сошедшем на землю, воплотилось все, что я пытаюсь сказать о страдании. Как и Его предшественник, безвинный страдалец Иов, Иисус не получил ответа на Свое «Почему?». «Для чего?» — раздался вопль с креста. Ответом было молчание. Но и тогда Иисус остался верен молчащему Отцу. Он уповал на то благо, которое должно было принести Его страдание — искупление человечества.

Евангелия не оставляют сомнений в том, что Иисус принял мучения не потому, что был слаб, — Он мог бы призвать Себе на помощь легион ангелов. Но Ему следовало пройти весь путь до конца, чтобы падшее творение могло спастись. Бог принял на Себя великую боль Своего Сына, Он взял на Себя все страдания и боль земли. За спасение человечества Бог заплатил страданием.

Скорбь бессмысленна и пуста, если мы не верим, что Бог сочувствует нам и способен исцелить нашу боль. Уверенность в сочувствии Бога дает нам Иисус.

Итак, Благая Весть способна растворить в себе злобу, отчаяние и тьму, столь ярко описанные в книге «Ночь». В Евангелиях ярко проступает сопричастность Бога страдающему миру. Но христианство идет на шаг дальше сострадания. Воскресение Христа знаменует собой торжество над последним врагом — смертью. Трагедия — распятие Христа — открыла путь для полного исцеления мира.

Хотел ли Бог холокоста? Давайте поставим вопрос по-другому: хотел ли Бог смерти Своего Сына? Зная Божий характер, мы можем точно сказать: Бог не желал подобных злодеяний. Тем не менее, они произошли. И тогда вопрос «почему?», на который нет ответа, сменяется вопросом «зачем?».

Когда испытываешь сильнейшую боль, трудно представить, что она может принести благо. (Должно быть, в Гефсиманском саду Иисусу было непросто.) Никогда не знаешь, каким образом страдание может обратиться в радость и торжество. И тут требуется вера. Суть веры — уповать на то, что обретет смысл в будущем.

Капеллан из Дахау

Вскоре после того как я прочитал книги Эли Визеля и Корри Тен Бум, я посетил один из бывших концлагерей. Возле Мюнхена, на территории лагеря Дахау, я встретился с бывшим узником — Кристианом Регером. Он выжил во время холокоста и посвятил свою жизнь проповеди Божьей любви, которая сильнее извращенного человеческого разума. Он-то и помог мне понять, как Корри Тен Бум сохранила надежду в лагере.

Кристиан четыре года провел в застенках Дахау. В чем его вина? Он был членом Исповеднической церкви — той части государственной церкви, которая во главе с Мартином Нимёллером и Дитрихом Бонхоффером противостояла Гитлеру. Церковный органист донес на

Регера властям. Его арестовали и отправили за сотни километров от дома — в Дахау.

После освобождения Регер и другие члены международного комитета Дахау приложили все усилия, чтобы восстановить лагерь и сделать его вечным напоминанием, зримым уроком для всего человечества. «Пусть не повторится» — вот их девиз. Несмотря на старания инициативной группы, найти лагерь непросто — местные жители не хотят, чтобы к нему проявляли повышенное внимание.

Я приехал в Дахау мрачным промозглым днем. Низко стлался утренний туман. Пока я шел, лицо и руки стали совсем мокрыми. Судя по остаткам бетонных фундаментов, здесь когда-то стояло тридцать барачков. Один из них был восстановлен. На табличке написано: «Барак рассчитан максимум на двести восемь человек», но временами в него набивали до тысячи шестисот. Печи крематория остались в первозданном виде — союзные войска их не тронули. Серая туманная мгла, призрачные развалины зданий — жутковатая и скорбная картина. И тут же — ребенок, бегающий вприпрыжку по остаткам фундамента. Вдоль забора из колючей проволоки — цветущие лилии.

Я нашел Кристиана Регера в протестантской часовне, рядом с которой находится католический монастырь и еврейский мемориал. Обычно Регер обходит территорию, приветствует туристов, беседует с ними. Он знает три языка, немецкий, английский и французский. Регер отвечает на вопросы и всегда готов поделиться воспоминаниями о тех днях, когда был здесь узником.

В зиму перед освобождением угля было мало, и печи крематория наконец перестали дымиться. Заключенные больше не чувствовали запаха сгорающих тел своих товарищей. Однако многие умирали от голода, и их голые тела с синими номерами складывали штабелями на снегу. Если слушатели просят, Регер готов рассказывать об ужасах концлагеря, но он всегда переходит к разговору о своей вере, о том, как даже в Дахау ощущал Божье присутствие.

«Нищие говорили, что человек способен вынести пытки, если знает ответ на вопрос «почему?», — сказал мне Регер. — Но в Дахау я узнал другое. Я узнал ответ на вопрос: «В Ком моя жизнь?» Бог наполнял мою жизнь в годы войны, Он наполняет ее и сегодня. Большого мне и не нужно».

Но так было не всегда. Первый месяц жизни в Дахау заставил Регера усомниться в любящем Боге. Узнику нацистского лагеря трудно себе представить, что Бог существует. Но в июле 1941 года произошли события, которые укрепили его веру.

Каждому заключенному было разрешено получать одно письмо в месяц. Ровно через месяц после ареста Регер получил первую весточку от жены. Собрав по кусочкам разрезанное цензором письмо, Регер прочитал о семейных делах и о том, что жена его любит.

В самом конце письма жена приписала ссылку на текст из Библии: Деяния 4:26–29.

Регеру удалось тайно сохранить свою Библию. Он открыл указанное место: это был фрагмент речи, произнесенной апостолами Петром и Иоанном после их освобождения из темницы. «Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его. Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всюю смелостью говорить слово Твое».

В тот же день Регера вызвали на допрос, чтобы было самым страшным испытанием в лагере. От него будут требовать имена членов Исповеднической церкви, оставшихся на свободе. Если он их назовет, эти христиане будут схвачены и возможно убиты. А если он откажется говорить, то его, скорее всего, будут избивать дубинками или пытаться током. Он на своем опыте знал, что «восстали цари земные на Господа», но больше ничего эти слова из Писания ему не говорили. Чем может помочь ему Бог?

Регера привели в коридор и оставили одного рядом с комнатой для допросов. Его трясло. Тут дверь открылась, из комнаты вышел священник, которого Регер до этого никогда не встречал. Священник с отсутствующим видом прошел мимо Кристиана и украдкой сунул что-то ему в карман. Через секунду эсэсовцы втолкнули Регера в кабинет следователя. Допрос прошел на удивление гладко — Регера не пытали.

Когда Регер вернулся в барак, с него, несмотря на холод, лил пот. Пытаясь прийти в себя, он глубоко дышал. Немного успокоившись, залез на нары, покрытые соломой. И вдруг вспомнил о странной встрече со священником. Регер сунул руку в карман и вытащил спичечный коробок. «Какой замечательный подарок!» — подумал он. Спички считались в лагере бесценным сокровищем. Но спичек в коробке не оказалось, в нем лежала сложенная бумажка. Регер развернул ее и — сердце в груди подпрыгнуло. На ней было аккуратно выведено: Деяния 4:26–29.

Регер воспринял случившееся как личное послание от Бога. Священник никак не мог знать о письме жены Регера. Неужели Бог давал ему знать, что Он существует, что Он способен укрепить верующего и Ему можно доверять?

Тот миг преобразил Кристиана. Это было малое чудо — такими чаще всего и бывают чудеса, но этой малости оказалось вполне достаточно, чтобы укрепить его веру. Она так и осталась непоколебимой на протяжении четырех последующих лет, проведенных им в Дахау. Увиденные им варварства ее не разрушили.

«Бог не освободил меня, не облегчил мои страдания. Он просто заверил меня, что Он — рядом и понимает мои переживания. Мы, верующие, сплотились и создали подпольную церковь. В ней были заключенные в лагерь священники разных конфессий и деноминаций, поэтому мы назвали ее «вынужденной экуменической церковью». Но мы ощущали себя единым целым — частицей Тела Христова.

Однако я могу говорить только за себя. Были в Дахау и такие, кто отвернулся от Бога. Кто я, чтобы осуждать этих людей? Я знаю только одно: в Дахау Бог был со мной. И этого мне было достаточно».

Пока хватит сил, Кристиан Регер будет неторопливо обходить территорию лагеря и разговаривать с туристами. Его голос — теплый, с характерным акцентом — поведает о том, где был Бог во время ночи, надолго воцарившейся над Дахау.

Часть 4

Как справиться с болью?

Глава 13

Рубежи возрождения

У раненого я не пытаю о ране, я сам становлюсь тогда раненым...

Уолт Уитмен. «Песня о себе»

Чтобы лучше понять страдание, я знакомился с жизнью людей, которые вкусили его в полной мере — Брайана Штернберга, Джони Эриксона-Тада, жертв холокоста. Не всем суждено пережить трагедию такого масштаба. Но, независимо от интенсивности страданий, люди относятся к ним по-разному.

Взять, к примеру, больных ревматоидным артритом. Среди них есть и те, кто только и делает, что говорит о своей болезни, и те, которые никогда не жалуются. В чем дело? Можно ли заранее предсказать, как тот или иной человек будет вести себя в случае несчастья? И можно ли подготовиться к боли, чтобы воспринять ее легче?

Сама по себе боль может показаться чисто рефлекторной реакцией, но на самом деле она не является простым откликом на некий внешний раздражитель. Да, нейроны мгновенно реагируют на нарушение в работе организма или на внешнюю опасность. Их сигналы поступают в мозг и там обрабатываются. Но настрой человека и его отношение к боли могут сильно повлиять на ее восприятие. Согласитесь, если вам врезали в нос, ваша реакция будет отличаться от реакции боксера, который зарабатывает тем, что регулярно подставляет свой нос под удар.

Медики признают: в конечном итоге именно отношение к страданию и определяет, как человек его переживет. Профессор психологии и психиатрии Роберт Адер полагает, что практически все заболевания имеют психологическую подоплеку: «Теория инфекционных заболеваний не в состоянии объяснить, почему люди болеют. Если бы все дело было только в вирусах и бактериях, то в любом офисе все сотрудники заболели бы гриппом одновременно. Я не могу понять, почему один заболевает, а другой — нет».

Альберт Швейцер любил говорить, что болезни у него не задерживаются, потому что он их не жалуется. А вот еще одно его наблюдение: «Иногда важнее понять, каков человек, подхвативший вирус, чем то, какой вирус он подхватил». Внутренняя готовность может оказать решающее влияние на то, как мы переносим боль и страдание. Более того, благополучные в данный момент люди, зная, какие ресурсы нужны, чтобы преодолеть страдания, способны оказать помощь страждущим.

Я начал эту книгу с истории Клавдии Клэкстон, которой пришлось сражаться с раком. Я спросил у Клавдии и ее мужа Джона, как случилось, что тяжелое испытание их сблизило. Ведь большинство семей в тяжелые времена распадаются.

Вот что мне ответил Джон: «Я тогда был помощником больничного капеллана. Я постоянно

видел тяжелобольных и умирающих людей. Это только в кино супруги, которые всю жизни ссорились, перед лицом серьезной опасности забывают все раздоры. В реальной жизни не так. Когда приходит беда, все особенности отношений между супругами проявляются рельефнее. Нас с Клавдией соединяла глубокая любовь. У нас не было секретов друг от друга, поэтому кризис только сплотил нас. Мы не позволили гнев и обвинениям вторгнуться в наши отношения. Болезнь Клавдии заставила ярче проявиться те чувства, которые нас связывали, и усилила их».

Опыт Джона показывает: лучший способ подготовиться к испытаниям — укреплять отношения с людьми в благоприятные периоды жизни. Невозможно выстроить прочный фундамент отношений в одночасье — для этого нужно время.

Школа страдания

Только прошедший через страдания, может помочь другому и чему-то его научить. Но чужая болезнь, особенно если она неизлечима, у здорового человека, как правило, вызывает отторжение. Как мы себя ведем, встречаясь с тяжелобольным? Отводим глаза — нам страшно встречаться с ним взглядом. Мы дергаемся и суедемся, даем пустые обещания («Звони, если что...»), ведем пустые разговоры. А что мы можем сказать? И нужно ли что-то говорить?

Мне находиться рядом со страдальцами нелегко. Посещение больных — для меня пытка. Стоит мне переступить порог палаты, как я тут же замыкаюсь в себе. Наверно это связано с запахом. Запах антисептиков пробуждает во мне ужасные воспоминания из детства — как мне удаляли гланды. Даже приветливая улыбка медсестры в коридоре мгновенно переносит меня в прошлое: я вижу огромную тетю в белом халате, которая нависает надо мной с пластиковым мешочком в руках — она хочет украсть мое дыхание!

Несколько лет я был погружен в какую-то профессиональную шизофрению — я писал и говорил о страдании, но сам вида чужих страданий не выносил. И вот я решил отбросить это неприятие и научиться быть рядом со страдальцами. Как раз в это время у моего друга диагностировали очень редкую и страшную форму рака. Врач сказал Джиму, что в истории медицины известны лишь двадцать семь таких случаев. Все двадцать семь заболевших прошли курс лечения. Двадцать шесть из них умерли. Перед Джимом лежал путь в неизвестность, которой ему суждено было пройти в одиночку.

Тогда ему было чуть за тридцать, а после его женитьбы еще не прошло и года. Совсем недавно они с женой проводили медовый месяц на яхте в Карибском море. Что волновало Джима до болезни? Он делал карьеру, увлекался горнолыжным спортом, предвкушал счастливую семейную жизнь. И вдруг перед ним открылась совсем иная перспектива — смерть. Джиму нужна была помощь.

По просьбе Джима я стал вместе с ним посещать группу психологической поддержки, собиравшуюся в ближайшей больнице. Люди ходят в такие группы по разным причинам: одни — чтобы повысить самооценку, другие — чтобы научиться общаться с людьми, третьи — чтобы преодолеть зависимости. В эту группу, которая называлась «Ни дня напрасно» приходили смертельно больные люди. Для них слова «неизлечимая болезнь» означали конкретный диагноз: онкология, рассеянный склероз, гепатит, мышечная дистрофия и тому подобное. Для каждого члена группы жизнь была сведена к двум основным задачам: выжить, а если не получится — подготовиться к смерти.

Первая встреча произвела на меня тягостное впечатление. Группа собралась в комнате ожидания. Мы все уселись на дешевые пластиковые стулья оранжевого цвета -¹ видимо, яркий цвет должен был поднимать настроение. По коридору санитары, скупая, провозили каталки с больными. Хлопали двери лифта. Периодически начинал вещать громкоговоритель. Я пытался не обращать внимания на эту обстановку.

Большинство участников группы были моложе сорока. Обычно в этом возрасте люди еще не задумываются о смерти. Но у собравшихся была огромная внутренняя потребность поговорить о внезапном крушении их жизни. Собрание началось со своеобразной переключки — каждый рассказывал о себе. Группа недосчиталась одного члена — он умер после прошлой встречи. Социальный работник рассказал о его последних днях и похоронах. Джим прошептал мне, что таков недостаток группы — ее участники постепенно выбывают.

Я ожидал, что атмосфера встречи будет мрачной, но ошибся. Да, люди, конечно, плакали, но при этом они спокойно и открыто говорили о своей болезни и о возможной смерти. Здесь они могли, не таясь и рассчитывая на внимание и отклик остальных, рассказать о том, что их тяготит. Многие с печалью говорили о том, что друзья стараются обходить в беседах самый важный для них

вопрос — болезнь. Но на собраниях группы они могли открывать душу друг перед другом.

Нэнси похвасталась новым париком — после химиотерапии у нее выпали все волосы. Она смеялась: всегда мечтала о прямых волосах, и вот, пожалуйста — опухоль мозга дала ей такой шанс. Стив, молодой чернокожий парень, признался, что мысли о будущем приводят его в ужас. Подростком он уже перенес лимфогранулематоз. Тогда он справился с болезнью. Но прошло десять лет, и симптомы проявились снова. Как рассказать об этом невесте? У Лорейн была опухоль спинного мозга. Она лежала на матрасе и редко вступала в разговор. Она сказала, что пришла на группу поплакать, а не поговорить.

Больше всего меня тронула пожилая женщина — очень миловидная, с седыми волосами и широким лицом уроженки восточной Европы. Немудреными фразами, с сильным акцентом она поведала о совсем одиночестве. Группа поинтересовалась, есть ли у нее родные. Оказалось, единственный сын сейчас служит в авиации в Германии. Он пытается получить внеочередной отпуск, чтобы приехать к ней. А что муж? Она проглотила подступивший к горлу комок и ответила: «Муж пришел ко мне один раз, принес мне кое-какие вещи и халат». Ее голос задрожал, на глазах показались слезы: «Когда меня клали в больницу, врач сказал ему, что у меня лейкемия. Тогда муж вернулся домой, собрал вещи, и больше я его не видела».

«Сколько лет вы были женаты?» — спросил я после недолгого молчания. Группа ахнула, когда женщина сказала, что тридцать семь лет. (Позже я узнал, что, по некоторым данным, семьдесят процентов семей распадаются из-за смертельной болезни одного из супругов. В нашей группе было тридцать человек, и ни один брак не продержался более двух лет — в том числе и брак Джима.)

Я ходил на собрания этой группы год. Надо сказать, что каждый из ее участников жил все это время такой полной жизнью, какую человеку диктует лишь близость смерти. Не могу сказать, что эти еженедельные встречи доставляли мне удовольствие. Но каждая из них становилась для меня крайне важным событием. На большинстве вечеринок и дружеских встреч каждый старается поразить остальных своим положением, властью, умом или красотой. Но здесь ничего подобного не было. Стильная одежда, меблировка дома, должность, новые машины — для тех, кто готовится умереть, все это не имеет значения.

Группа лишний раз показала мне, что страдание — это мегафон, вещающий об истинных ценностях. Я еще не встречал людей, которые так дорожили бы истинными ценностями, имеющимися в их жизни. Они не могли забыть о смерти, потому что каждый день, говоря словами святого Августина «их оглушал звон цепей смертности». Мне даже захотелось, чтобы на наших встречах побывал кое-кто из моих приятелей — любителей удовольствий.

Я, писатель, решивший писать о страдании, на собраниях группы чувствовал себя невеждой. И в течение года я, сидя у ног моих учителей, набирался мудрости. Большую часть из того, что я буду писать в следующих главах — о подготовке к страданию и о помощи страждущим — я почерпнул в общении с членами группы «Ни дня напрасно».

Слово о помощи

Чем мы можем помочь тем, кто страдает и мучается? А если беда постучится в нашу дверь — кто поможет нам?

Вы думаете, есть формула утешения? Должен вас разочаровать: магического заклинания, которое облегчает муки, не существует. Нет слов, которые утоляют боль. Проблему страдания до тонкостей изучили самые светлые умы человечества. Но мы так и не имеем ответа на вопросы, которые встают перед нами каждый день.

Я уже писал, что, отвечая Иову, Бог не дал ему никаких объяснений. Божий помазанник Давид, праведник Иов и даже Сам Сын Божий реагировали на боль так же, как и мы. Они пытались уйти от нее, впадали в тоску, жаждали облегчить свою участь и в конце концов в отчаянии зывали к Богу. Меня очень огорчает, что единого ответа, который мог бы утешить всех страждущих, нет.

Но с другой стороны — замечательно, что его нет. Когда я расспрашивал больных, от кого они получили самую действенную помощь, ни один из них не назвал профессора богословия или знаменитого философа. В царстве страдания ценится не ум и не знания, а только человечность. Каждый из нас может помочь ближнему — и в этом большое утешение.

Запатентовать некое снадобье — «лучший рецепт для преодоления страдания» — не дано никому. Да и общие слова, которые вроде бы годятся для всех, для конкретного человека чаще всего бесполезны. Расспросите страдальцев, какие слова несут им утешение, и вы удивитесь. Кто-то скажет, что отвлечься от несчастья ему помог жизнерадостный настрой друзей. А другому

подобная жизнерадостность покажется оскорбительной. Кому-то важно, чтобы с ними говорили честно и открыто, а других такая беседа вгонит в депрессию.

Итак, магического снадобья для скорбящего человека нет. В первую очередь ему нужна любовь, ибо только любящий по-настоящему чувствует, что уместно в том или ином случае. Вот что говорит Жан Ванье, основатель международной гуманитарной организации «Ковчег»: «Израненным людям, разбитым страданием и болезнью, нужно только одно — исполненное надежды преданное и любящее сердце».

По сути, вопрос «Как помочь страдальцу?» сводится к вопросу «Как любить?». Вы спросите, какое место Писания учить помогать страдальцам? Я посоветовал бы вам прочесть тринадцатую главу Первого послания Коринфянам. В ней апостол Павел объясняет, что есть любовь. Люди, в чью жизнь ворвалось страдание, нуждаются не в мудрости и не в знаниях, а именно в любви. Очень часто Бог, согласно Своему замыслу, посылает исцеление и ободрение через самых обычных людей.

Нужно сказать, что любовь — это процесс. Любовь — это последовательность отдельных практических шагов и действий. Мы встречаемся со страдальцами не только в больницах, но и в школах, церквях, общественных местах. Рано или поздно мы и сами пополняем их ряды. Беседуя со страждущими, я пришел к выводу: существуют четыре рубежа, которые приходится преодолевать каждому — страх, беспомощность, поиски смысла и надежда. Общее отношение человека к страданию определяется тем, как он проходит каждый из этих рубежей.

Глава 14

Страх

*И как погас мой звездный час, не вспыхнув, помню,
И Вечный Страж, смеясь, подал пальто мне,
Короче, страх меня объял...*

Томас Элиот. «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока»

Самая первая реакция на страдание — это страх. И он же — первый враг исцеления.

Джон Донн хорошо понимал, что такое страх. Он писал свои духовные размышления, когда Лондон захлестывали волны черной смерти — бубонной чумы. Во время последней эпидемии погибло сорок тысяч человек. Города опустели — бросая все, люди бежали из них тысячами. В течение шести недель Донн находился на грани жизни и смерти: он был уверен, что болен чумой. Лечение было не менее неприятным, чем сама хворь: больным пускали кровь, делали разного рода припарки, прикладывали к телу змей и голубей, чтобы отвести «злые пары болезни».

Уловив в глазах лечащего врача испуг, Донн записал в дневнике:

«Страх пронизывает каждое движение разума. Точно так же, как скопление газов в кишечнике может показаться болезнью — камнями в почках или подагрой, — точно так же и страх, завладевший рассудком, принимает вид помрачения ума. Человек, который не устранился бы и льва, в страхе бежит от кошки. Человек, который мужественно переносит голод, в испуге смотрит на кусок мяса в своей тарелке. Я не понимаю, что такое страх, и не знаю, что меня сейчас пугает. Я боюсь не приближения смерти, а усиления болезни. Будет ложью, если я скажу, что мне не страшно».

Можно предположить, что прогресс медицины в значительной степени снизил страхи перед болезнью. Оказывается, нет. Что происходит в современных стационарах? Больные лежат в отдельных палатах, им не о чем думать, кроме как о своем состоянии. Их окружает гудящая и жужжащая медицинская аппаратура, которая следит за параметрами организма. В коридоре медсестры, указывая на графики и цифры, приглушенными голосами докладывают врачу о ходе лечения. Больного обследуют, берут у него анализы, снимают показатели с приборов и все записывают — для его же блага, разумеется. Такая атмосфера — прекрасная почва для всевозможных страхов, которые распространяются в стенах больницы, подобно инфекции.

Усилитель боли

Мы говорим о страхе как о чувстве, но он представляет собой скорее рефлекс, который мгновенно запускает множество физиологических процессов.

Мышцы напрягаются и непроизвольно сокращаются. При этом повышается нагрузка на нервные окончания, что только усиливает боль. Повышается кровяное давление. Страх изменяет тонус сосудов: люди бледнеют или краснеют. Сильный страх способен вызвать сосудистую недостаточность — человек теряет сознание. Все живые существа испытывают страх — даже амеба прячется от жара и боли. Но люди, похоже, подвержены влиянию страха сильнее всех. Например, спазмы кишечника — типичное проявление беспокойства у людей — у других биологических видов не наблюдаются.

Что касается страха как эмоции, то она коренится в голове. Проходя через мозг и затронув другие отделы организма, страх меняет восприятие боли. Например, для человека, у которого один вид шприца вызывает панику, укол будет более болезненным, чем для диабетика, который привык к ежедневным инъекциям. Физиологические процессы в обоих случаях одинаковы: разницу восприятия создает страх.

Исследователи из Чикагского университета разработали классификацию, согласно которой люди, в зависимости от их отношения к боли, делятся на три категории. «Преувеличивающие» обладают низким болевым порогом, они плохо переносят боль и всегда склонны ее преувеличивать. «Занижающим» наоборот свойственен высокий болевой порог, они способны выдерживать сильную боль без явных признаков беспокойства. Между этими крайними группами располагаются «умеренные». Ученые обнаружили, что люди, которые попадают в категорию «преувеличивающие», боятся боли больше членов двух других групп.

Во время Второй мировой войны американский врач Генри Бичер работал в Италии. Он изучал поведение солдат, раненных на поле боя. К его удивлению лишь треть солдат с серьезными ранениями просила морфия для облегчения боли. Многие утверждали, что они либо вовсе не ощущают боли, либо что боль незначительна. После войны, работая анестезиологом в частной клинике, Бичер почти ежедневно наблюдал совсем иную картину: восемьдесят процентов пациентов с травмами той же степени, что и у солдат, умоляли дать им морфий или другое болеутоляющее.

Волшебное действие морфия заключается главным образом в том, что он значительно снижает страх и тревогу. По-видимому, у солдат страхи были вытеснены другими чувствами. Кто-то ощущал гордость и значимость от своего тяжелого ранения, а кто-то радовался тому, что оказался вдали от боевых действий. Вот к какому выводу пришел доктор Бичер: «По сути, прямой зависимости между тяжестью ранения и болью, которую испытывает человек, не существует. Интенсивность боли во многом определяется другими факторами».

В большинстве своем мы хорошо понимаем, что именно пугает нас в страдании. Мы боимся боли и неизвестности. Мы боимся смерти. Перед нами встают вопросы: не стану ли я обузой для других? Что я утрачу? Что ждет меня в будущем? А вдруг я никогда не выздоровею? Не является ли моя болезнь наказанием?

Люди, которые страдают физически или душевно, часто испытывают тягостное чувство одиночества. Им кажется, что они оставлены Богом и людьми — им приходится нести свою боль в одиночку, мало кто способен их понять. Одиночество нагнетает страх, который в свою очередь усиливает боль, и этот цикл бесконечен.

Однажды кто-то принес на собрание группы «Ни дня напрасно» книгу с рисунками, которые сделали больные дети. В примитивных фигурках и простых словах были отражены их главные страхи. Один мальчик нарисовал громадный уродливый танк, оцетинившийся оружием. Прямо перед танком, почти упираясь в торчащее дуло, стояла крохотная закорючка. Это был он сам со знаком «Стоп» в руках.

Другой мальчик нарисовал огромный шприц с зазубренным рыболовным крючком на конце. Восьмилетняя девочка нарисовала себя лежащей на больничной койке и подписала: «Мне одиноко. Мне хочется домой, в мою кроватку. Мне здесь плохо. Тут странно пахнет». Чуть дальше в книге был помещен еще один рисунок этой девочки, на этот раз — кабинет врача. Стул, стол для обследования, шкаф с ящичками — все было гигантского размера. Себя девочка нарисовала совсем крохотной, сидящей на уголке стола. Надпись гласила: «Мне страшно!»

Как справиться со страхом

По сути, первая часть этой книги — моя попытка обезоружить страх. Знание о том, что такое боль и какую роль она играет в нашем организме, помогает — мне становится не так страшно. Я перестаю видеть в боли врага, с которым нужно сражаться. Теперь она для меня — предупредительный сигнал, к которому следует прислушиваться. Меня поражает устройство нервной системы, я вижу в ней гениальный замысел. В моем воображении боль — это уже не пятно

на одежде, которое следует вывести. Это сигнал моего тела, которое говорит мне о чем-то жизненно важном.

Без всякого сомнения, боль — лучший способ привлечь внимание человека к собственному телу. Итак, я прислушиваюсь к боли. Теперь, когда я понимаю ее значение, страдание уже не так меня пугает. А еще я обнаружил, что с пониманием приходит и благодарность. А благодарность — одно из самых действенных средств борьбы со страхом.

Теперь перейдем на духовный уровень. Изучая Библию, я убедился, что страдание — это не «черная метка» и не сообщение о том, что Бог от меня отвернулся. На примере Иисуса я осознал: Бог всегда на нашей стороне. Не зря апостол Павел называет Его «Отцом милосердия и Богом всякого утешения» (2 Кор 1:3).

Библия — путеводитель для каждого христианина. Я верю, что содержащиеся в ней истины о страдании представляют собой вакцину против страха. Библия учит, что «совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин 4:18). Как свет разгоняет тьму, так и личное познание Бога, Который есть совершенная любовь, рассеивает густые сумерки страха. Мне не надо отчаянно «накачивать мускул веры». Бог заботлив, Он любит меня, и потому нет никакой необходимости поражать Его своими духовными достижениями.

Христианам дано много возможностей противостоять страхам. Мы уже говорили о том, что чувство страха приводит к определенным физиологическим изменениям в организме. Оказывается, определенный отклик в организме вызывает и молитва — ее действие способно противостоять действию страха. Молитва переключает мое внимание с телесных материй на духовные. Молитва сильнее моих тяжелых чувств и неприятных ощущений — она направляет все мое естество к Богу. И тогда мое тело успокаивается. Расслабляются мышцы, скованные страхом. Внутреннее напряжение сменяется покоем.

Конечно же, подобных результатов можно добиться и обычной медитацией. Однако молитва, обращенная к живому Богу, принципиально отличается от медитаций. Молитва помогает уйти от свойственного боли одиночества — молясь, я перестаю сосредотачиваться лишь на себе и своих бедах, мое сердце раскрывается для нужд других людей. Вспомните, как звон колокола обратил мысли Джона Донна к судьбе его соседа, умершего от чумы.

Книга размышлений Донна «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» является прекрасным примером христианского пути преодоления страха. Джону Донну пришлось бороться со страхом в одиночку, поскольку в те времена заразных больных помещали в карантин. И вот, лежа в полной изоляции на одре болезни, Донн задается вопросом: не отвернулся ли от него и Бог. Где Его обещанное присутствие?

Донн боялся вовсе не боли, которая пронизывала все клеточки его тела. Он трепетал перед Богом. Его мучил вопрос: «Почему это случилось со мной?» Кальвинизм был тогда еще в новинку, и Донн с ужасом думал, не стоит ли за болезнью Сам Бог. Его мучило чувство вины за свое прошлое — перед ним то и дело всплывали его прегрешения. Может быть, он действительно заслужил страдание за свои прежние грехи?

В своей книге Донн так и не приходит к ответу на вопрос «Почему я?». Однако его дневник и размышления показывают нам, как шаг за шагом он шел к победе над страхом. Будто одержимый, он выискивает те места Библии, в которых встречается слово «страх». Неожиданно его осеняет: в жизни всегда есть нечто, вызывающее страх: если не болезнь, так бедность; если не нищета, так отвержение; если не одиночество, так неудача. В результате Донн оказывается перед выбором: бояться Бога или всего остального.

Апостол Павел противопоставляет все, вызывающее страх, Божьей любви: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим 8:38, 39). Следуя апостольскому слову, Джон Донн пересматривает свои страхи. Коварные враги? Разве они — угроза, если Бог силен подавить любого врага? Голод? Бог обещал обеспечить всем необходимым. Смерть? Тех, кто боится Бога, не одолеет даже этот самый древний и глубокий страх.

Донн осознает, что лучший путь — воспитание в себе должного отношения к Богу, ибо на нем человек обретает избавление от всех страхов, порожденных отпадением от Бога. И поэт молится: «Боже! Как даровал Ты мне покаяние, в котором мне не нужно раскаиваться, так даруй мне и страх, которого мне не нужно бояться». И ему становится совершенно неважно, является ли его болезнь наказанием или нет. В любом случае он вверяет себя Богу, ибо в конечном итоге именно доверие Богу и есть истинный страх Божий.

В книге «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» Донн проводит интересную

параллель между своим отношением к Богу и тем, как менялось его отношение к врачам. В первое время, когда медики осматривали его тело в поисках новых признаков болезни и шептались за дверью, обсуждая свои открытия, Донн приходил в смятение. Со временем, видя искреннюю заботу врачей, он убедился, что может им доверять. Так же и с Богом. Часто мы не понимаем Его действий и причин, которые за ними стоят. Но у нас всегда остается жизненно важный вопрос: «Заслуживает ли доверия наш Самый Главный Врач?» Джон Донн пришел к выводу: этому Врачу доверять можно.

Но как быть с Богом, Которого мы боимся? В ответ на этот вопрос Донн вспоминает эпизод из Евангелия от Матфея — когда женщины обнаружили пустую гробницу Иисуса, они поспешили к ученикам Его «со страхом и радостью великою» (Мф 28:8). В этом нераздельном переживании страха и радости Донн и нашел ответ.

Время Воскресения — это время страха. Как можно не бояться Бога, обладающего столь невероятной силой? По дороге женщины встретили воскресшего Иисуса. Это было более чем странно. И женщины, трепеща от страха, полетели на крыльях радости — такие удивительные события могли означать лишь одно: Христос победил смерть. Осознав радость и надежду Воскресения, Донн обрел тот благоговейный страх, которого не нужно бояться.

Быть рядом

А что делать, когда страдаю не я сам, а мой ближний, которому я хочу помочь? Как облегчить его страхи? Я открыл для себя, что достаточно просто быть рядом — и человек почувствует себя спокойнее. В простом присутствии рядом со страдающим человеком заключена огромная сила, способная одолеть страхи.

Я инстинктивно стремлюсь отгородиться от страдальцев. Кто знает, хотят они поделиться своими переживаниями или нет? Чего они ждут — утешения или ободрения? Или хотят побыть в одиночестве? Чем им поможет мое присутствие? Эти мысли прокручиваются в моем мозгу, и я принимаю самое неудачное решение: остаюсь в стороне.

Но страдающие люди в разговорах со мной неоднократно подчеркивали, как важно для них чье-то участие. Часто я слышал это от членов группы «Ни дня напрасно». Им не нужны какие-то особые или мудрые слова. Они хотят, чтобы мы просто были рядом. Как родитель успокаивает плачущего малыша, обнимая его и повторяя ласковые слова, так и наше присутствие несет страждущим облегчение. ***Жизнь продолжается. Я с тобой.***

Лидер христиан-евангелистов Америки Тони Камполо рассказывал, как однажды пошел на похороны, чтобы отдать дань уважения семье своего знакомого. По ошибке он попал не в тот зал для панихиды. В гробу лежал пожилой мужчина, рядом плакала лишь одна женщина — его вдова. Женщина казалась такой одинокой, что Тони решил остаться. Когда панихида кончилась, он поехал с ней на кладбище.

После погребения, отвозя вдову домой, Камполо признался, что не был знаком с ее супругом. «Я так и подумала, — сказала женщина. — Я вас никогда не видела. Но это совершенно не важно». Она до боли сжала его руку: «Вы и представить себе не можете, что вы для меня сделали».

Я уже говорил, что в трудные времена никто не вспоминает произведения великих философов. В ответ на вопрос: «Кто вам больше всего помог?» — люди рассказывают о каком-нибудь тихом, скромном человеке. О том, кто готов был придти на зов, кто слушал больше, чем говорил, кто не поглядывал с тоской на часы, а мог вас обнять и вместе с вами поплакать. Иными словами, по-настоящему помогает тот, кто находится рядом, готовый послужить, как это и требуется человеку в беде.

На собрании группы «Ни дня напрасно» одна больная раком женщина упомянула о своей бабушке. Бабушка была человеком ничем не выдающимся: она могла предложить людям только свое сострадание и свое время. Когда внучка спала, бабушка сидела рядом в кресле и вязала. С ней всегда можно было поговорить, попросить принести водички. «Бабушка была единственным человеком, который готов был сделать для меня все, что угодно, — рассказывала уже взрослая внучка. — Если я просыпалась в испуге, то меня успокаивало само ее присутствие».

Мы вполне обоснованно осуждаем троих друзей Иова за их нечуткие слова, обращенные к страдальцу. Но давайте вспомним, как было дело: они пришли к своему другу и сначала семь дней и ночей сидели рядом с ним в молчании. Оказывается, этот жест был самой действенной поддержкой.

У иудеев есть обычай, который называется шива — траурный срок, семь дней со дня погребения. Эту неделю все родственники умершего обычно проводят в доме одного из них, не выходя оттуда без крайней необходимости. Трижды в день друзья и члены их общины приходят

молиться вместе с пребывающими в трауре. Они не дают скорбящим надолго замыкаться в себе. Конечно, порой людям, которые переживают горе, хочется побыть одним, и присутствие посторонних может их раздражать. Однако шива имеет глубокий смысл. В этом обычае содержится вековая мудрость: скорбящий нуждается, чтобы рядом с ним были люди, даже если сам он этого не осознает. Люди как бы говорят страдающим: «Мы не оставим вас одних. Мы разделим ваше горе». И страхи, которые пышно расцветают в одиночестве, теряют свою силу.

Известна и такая история. Великий композитор Бетховен был известен своей нелюдимостью. Общаться с людьми ему мешала глухота. Во время беседы он ощущал свою неполноценность. Однажды у его друга умер сын. Узнав об этом, полный горя Бетховен поспешил к другу в дом. Он не нашел слов утешения, но, увидев в комнате пианино, бросился к нему. В течение получаса композитор играл с присущей ему страстью — в музыке прозвучали все обуревавшие его чувства. Закончив играть, он удалился. Позже его друг признался, что посещение Бетховена тронуло его больше всего.

Божьи посредники

Что мы можем предложить скорбящим, кроме своего присутствия? Что можем сказать горящему? Практически все люди, пережившие страдания, сошлись в одном: слова значат мало, самое важное — участие и забота. Просто выслушать человека — будет самым ценным подарком.

В книге, написанной Бетси Бернхам незадолго до ее смерти от рака, она рассказала о письме, которое получила во время болезни. Оно тронуло Бетси до глубины души.

«Дорогая Бетси!

Мне страшно и стыдно. Хотя какое право я имею говорить о своих страхах, когда у тебя такие проблемы? Я находила то одно, то другое извинение — лишь бы не навещать тебя. Всем сердцем я хотела бы помочь тебе и твоим близким. Мне так хочется быть рядом, что-то сделать для вас! Больше всего мне хочется сказать тебе слова, которые тебя утешили бы. Но правда состоит в том, что я боюсь. Я никогда еще не писала ничего подобного. Я надеюсь, что ты поймешь и простишь меня.

С любовью, Эни»

Эни не нашла в себе сил быть рядом со своей подругой. Но она смогла открыться ей, честно рассказать о своем состоянии. Это в какой-то мере уже было участием.

Другая женщина поделилась со мной своими размышлениями о письмах, которые они с мужем получали во время трагедии, постигшей их семью. Некоторые письма были написаны бессвязно и неуклюже, но именно их несовершенство отозвалось в сердце сильнее всего. Многие знакомые просили в письмах простить их за то, что они не знают, что написать. Но такая вот мучительная неуверенность и рождала близость: эта неуверенность совпадала с ощущением, царившем в ее семье.

Страдающий человек, скорее всего, рассчитывает, что его беда не помешает вашей дружбе. У человека, с которым произошло несчастье, редко возникают близкие отношения с новыми людьми. Беда заставляет его обратиться к тем значимым отношениям, которые установились у него еще в благополучные времена. Поэтому оставайтесь со страдающими близкими такими же, какими вы были всегда. Если любите пошутить — не оставляйте этой привычки. Если прежде вы вместе с другом или подругой всегда читали Библию и молились — продолжайте. Если раньше вы любили поболтать о том, о сем и немного посудачить — не изменяйте резко форму ваших отношений, пока не сможете естественно перейти на более глубокий уровень. Когда в жизни человека случается трагедия, его привычный мир рушится. Так дайте ему понять, что ваши отношения остаются прежними.

Конечно же, не каждый может отложить все свои дела, чтобы полностью посвятить себя ближнему. Но можно молиться — это мощный способ участия в беде ближнего. Можно постоянно оказывать небольшие знаки внимания. Люди, переживающие боль, говорят, что страх и одиночество наваливаются неожиданно, поэтому постоянство в проявлении заботы порой даже важнее, чем количество времени, проведенное вместе. Постоянство крайне важно в случае тяжелых и затяжных заболеваний, например болезни Паркинсона.

Один мужчина признался, что во время продолжительной болезни его больше всего поддерживал сослуживец, который ежедневно звонил, спрашивая о здоровье, и дважды в неделю забегал проведать минут на пятнадцать. Это постоянство оказало больному огромную поддержку в тот период, когда казалось, что в жизни не осталось ничего стабильного, все рушится.

Конечно, дружеское участие не бывает панацеей. Поглощенные жалостью к себе, больные

нередко отгораживаются от окружающих глухой стеной. Пытаясь помочь, вы, возможно, услышите: «Тебе меня не понять. Ты такого не испытал». В этом случае способен помочь человек, переживший нечто подобное. Если он поделится своим опытом, то страхи страдальца ослабнут.

Джони Эриксон–Тада рассказывала, как помогла ей избавиться от жалости к себе встреча с парализованным человеком, который излучал радость и уверенность. Теперь она в свою очередь ободряет других колясочников.

Отец Дамьен служил на Гавайях людям, больным проказой, и долгое время не видел результатов своих трудов. Все изменилось, когда он сам заразился проказой: больные стали считать его своим. Принцип сопричастности находит все большее распространение. Например, в больницах организуют службы поддержки, чтобы женщины, которым предстоит операция по удалению груди, могли обратиться за помощью к тем, кто уже прошел через это испытание.

Движение «Ни дня напрасно» — разновидность подобных программ. Его основатель Орвиль Келли на своем опыте понял: лишь раковые больные могут понять переживания себе подобных. Он и организовал первую группу взаимопомощи для смертельно больных людей. Теперь при Американском онкологическом обществе действует круглосуточный телефон доверия, по которому больные раком могут получить консультацию и поддержку.

И все же любой человек, оказавшийся рядом со страдальцем — независимо от того, есть ли у него особые дарования и навыки или нет, — может принести пользу. Никакие программы выхода из кризиса или дорогие подарки не заменят простого личного присутствия. Человеку в беде важно просто то, что рядом с ним кто-то есть. Осмелюсь сказать: мы, члены тела Христова, призваны *являть друг другу любовь даже тогда, когда нам кажется, что Бог отвернулся.*

В горе многие люди чувствуют, будто бы Бог оставил их. Клайв Льюис как никто сумел выразить эти горькие чувства. В записях, сделанных им после смерти жены, он отмечает, что, когда более всего хочется ощущать близость Бога, Бог, Который всегда был рядом, вдруг куда-то исчезает. Льюис пережил тяжелый период страха и одиночества. В конечном итоге братья и сестры из христианской общины помогли ему прийти в себя.

Вспомните, как Корри Тен Бум поддерживало в концлагере изучение Библии. Вспомните о незнакомом священнике, который подбросил «послание от Бога» Кристиану Регеру. Бог дает страдальцам знать, что Он рядом, через людей. Любой, кто оказался рядом со страждущими, может стать посредником между ними и Богом. Когда больной не в состоянии молиться сам, стать его устами можем мы. В тяжелые времена ощутить Божью любовь можно лишь через обычных людей, вроде меня или вас, через тех, кто находятся рядом. Именно так мы и являем собой тело Христово.

Глава 15

Беспомощность

Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится по исследованиям того-то и того-то, то у вас надо предположить то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда... и т. д. Для Ивана Ильича был важен только один вопрос: опасно ли его положение или нет? Но доктор игнорировал этот неуместный вопрос.

Лев Толстой. «Смерть Ивана Ильича»

Доктор Курт Рихтер, исследователь из университета Джона Хопкинса, провел достаточно жестокий эксперимент с двумя крысами. Он поместил первую крысу в сосуд с теплой водой и стал за ней наблюдать. Крысы хорошо плавают, и зверек, пытаясь удержаться на поверхности, барахтался в течение шестидесяти часов. Потом крыса окончательно выдохлась и утонула.

Вторую крысу доктор сначала взял в руки и крепко держал между ладонями, пока она не перестала сопротивляться. После этого ее тоже пустил в сосуд с водой. Вторая крыса повела себя по-другому: она немного побарахталась и тихо пошла на дно. Рихтер объяснил это тем, что она сдалась. После тщетных попыток выбраться из рук ученого, крыса смирилась с безнадежностью — она была готова к смерти еще до того, как попала в воду. Можно сказать, что вторая крыса погибла сразу, потому что уверовала в свою беспомощность.

Эксперименты показывают, что чувство беспомощности, так же как и страх, вызывает физиологические изменения. Две группы крыс подвергали одинаковому воздействию электротока (напряжение не представляло опасности для жизни). В клетке у первой группы стоял пульт управления, и зверьки быстро научились отключать ток с помощью рычажка. У второй группы рычажка не было, и они не могли контролировать неприятные воздействия. Через какое-то время

крысы второй группы стали болеть — их иммунная система дала сбой. Оказалось, что постоянный стресс привел к изменениям в крови, которые и вызвали общее ослабление организма.

Опыты с людьми подтвердили: чувство беспомощности не только создает определенный психологический настрой, но и меняет реальное восприятие боли. Оказывается, если отвлекать внимание человека от боли, то болевой порог можно повысить примерно на сорок пять процентов. Во время экспериментов добровольцы подвергались тепловому воздействию. При этом ассистенты отвлекали внимание испытуемых — звонили в колокольчик, дотрагивались до руки, читали вслух приключенческий роман или просили их считать вслух. Выяснилось следующее: чтобы «занятые» добровольцы ощутили боль, нужна более высокая температура воздействия. Экспериментаторы с изумлением наблюдали, как у людей образуются легкие ожоги, в то время как те, ничего не замечая, с увлечением считают от пятидесяти до одного. С другой стороны, когда испытуемым нечем было заняться, кроме своих мыслей (что и происходит в больницах), то они начинали чувствовать боль при более низких температурах.

Потеря своего места в жизни

Члены группы «Ни дня напрасно» говорили о состоянии, которое называли синдромом преждевременной смерти. Фактически речь шла о крайней степени беспомощности. Подобное состояние развивается, когда обеспокоенные родные и друзья из лучших побуждений стараются облегчить последние месяцы жизни больного. Все начинается с простого: «Нет, нет, не надо. Я знаю, ты всегда выносила мусор, но в твоём состоянии — этого делать нельзя! Я все сделаю сам». «Тебе не стоит заниматься проверкой счетов — ты только разволнуешься. Я возьму это на себя». «Тебе лучше остаться дома. У тебя слабый иммунитет».

Постепенно у человека отбирают все, что составляло его жизнь. Он теряет свое место в ней. Мать убеждает незамужнюю дочь продать дом и переехать жить к родителям. Дочь так и поступает, но вскоре видит, что в обмен на помощь утратила свою независимость. Чувство собственной значимости и ценности, из-за болезни и так пошатнувшееся, размывается еще больше. Один человек рассказал мне: «Всю жизнь я видел результаты своих трудов: в школе мне ставили отметки, на работе я получал поощрения от начальства, в спорте мои достижения оценивал тренер. А сейчас у меня нет критериев, чтобы оценить свои успехи. Никому от меня ничего не надо — если я что-то и делаю, то только для себя».

Бывают периоды, когда тяжелобольной человек полностью зависит от окружающих. Как я понял из разговоров участников группы, близкие люди из самых благих побуждений готовы лишить больного всех **тех занятий, которые лежат в основе его самооценки**.

Вот что говорит врач Эрик Кассел, автор широко известных книг «Природа страдания» и «Цели медицины»: «С моей точки зрения, хуже всего на больных сказывается утрата контроля над собственной жизнью».

Больных людей всегда волнует, смогут ли они сохранить свое место в жизни. Им нередко приходится бросать работу, болезнь и лечение отбирают силы, все труднее становится выполнять привычные действия. Но, как и всем нам, больным крайне важно осознавать, что их присутствие в этой жизни что-то значит, что без них в ней что-то может нарушиться. Например, что если они не будут сами следить за состоянием своего банковского счета, то финансы придут в беспорядок. Близким людям следует проявить особую мудрость, чтобы, оказывая помощь, не обделять самих больных.

Для больных людей проблема «своего места в жизни» сильно осложняется: в современном обществе им нет места. Общество старается убрать страдальцев с глаз долой, спрятать их за стенами больниц и интернатов. Больные лежат в кроватях, не имея возможности занять себя хоть чем-то: им дозволено лишь переключать программы телевизора. Окружающие диктуют им распорядок дня: медсестра будит по утрам, больничная кухня определяет приемы пищи, посетители приходят, когда выдастся время, санитарка выключает свет, когда пора спать. (Больные, которых навещают часто, просят знакомых заранее сообщать о своем визите. Это дает им ощущение выбора.)

Исследовав отделы открыток, я выяснил: существует несколько видов открыток, адресованных больным. Есть сентиментальные открытки с изображением цветов и слащавыми четверостишиями. Есть — с претензией на остроумие, где перечисляются всевозможные увеселения, которых лишен незадачливый больной. Есть серьезные, с выражением искреннего сочувствия. Есть забавные, искусно оформленные карикатуристами. Но суть всех этих посланий одна — пожелание выздороветь.

Беру открытку «Скорее поправляйся!». Раскрываю, а внутри надпись: «А то кто-нибудь

займет твое рабочее место». А вот другая: «Все надеются, что ты скоро будешь в форме. Но только не я», а внутри: «Я надеюсь, что ты уже в форме!» С одной открытки бегемот, лежащий на больничной койке, заявляет: «Сейчас не время болеть — скоро выходные». Что же меня смущает в этих искренних пожеланиях здоровья? В них сквозит некий подтекст: *Ты вышел из строя, пользы от тебя нет. Ты не вписываешься в жизнь — не можешь работать и получать от жизни удовольствие. Вот когда ты поправишься, мы примем тебя обратно.*

Мои друзья из группы «Ни дня напрасно», ни один из которых уже не вернется к нормальной жизни, открыли мне глаза на то, как ранит их безобидная с виду открыточка: она утверждает человека в ощущении собственной никчемности.

Иногда мне хочется разработать собственную серию открыток для больных. У меня даже есть замысел для первого экземпляра. На обложке будет огромное слово «ПОЗДРАВЛЯЮ!!!» может быть на фоне салюта. А внутри надпись: «Девяносто восемь триллионов клеток твоего тела продолжают работать без сбоев».

Я бы нашел, как подчеркнуть, что больной — достойная личность, у которой возникли проблемы с некоторыми участками тела. Мне кажется, что придумывая такие надписи, я смогу избавиться от своей привычки мысленно навешивать на людей ярлыки — «больной», «немогущий». Ведь этим я лишь усложняю их жизнь и мешаю им бороться за собственную полноценность.

Обращаясь к немецким диаконам, которые работают с инвалидами, видный германский богослов Юрген Мольтман с осуждением высказался о том, что современное общество привыкло делить людей на здоровых и в чем-то ущербных. В действительности таких понятий как жизнь полноценная или неполноценная нет. Просто в обществе жизненные стандарты определяются здоровыми людьми, и это обрекает тех, кто в эти стандарты не вписывается, носить клеймо «неполноценный». Что такое здоровье? Современное общество называет здоровьем способность работать и способность получать удовольствие от жизни. Однако, по словам Мольмана, «истинное здоровье — это нечто другое. Истинное здоровье предполагает наличие силы жить, силы страдать и силы умирать. Здоровье — это сила духа, необходимая, чтобы справляться с различными состояниями моего тела. В этом смысле каждый человек имеет ограничения и является неполноценным, слабым и уязвимым».

Борьба за право остаться собой

Норманну Казинсу, который много лет проработал редактором еженедельной газеты «Сатердей ревью», пришлось в одиночку вести кампанию против отношения врачей к пациентам. Традиционное отношение способствует развитию беспомощности у больных людей. Казинс попал в больницу с прогрессирующим параличом непонятного происхождения (ему поставили диагноз — болезнь Бехтерева). Тогда-то Норманн и ощутил в полной мере, что больница создана для того, чтобы обездвижить не только тело, но и дух человека. «Жажда жизни — это не отвлеченное понятие. Это реальность: мы ощущаем ее на физиологическом уровне, у нее есть определенные терапевтические характеристики», — писал Казинс в книге «Анатомия болезни». Кажется, что больничная обстановка убивает всякое желание жить. Лекарственные препараты притупляют сознание. Человек прикован к постели, что усиливает тревожность и страхи. Из тела выкачивают все, что только можно взять на анализ. В таком состоянии пребывал и сам Казинс. Отрезанный от работы и от общения с близкими, он чувствовал, что постепенно теряет власть над собственной жизнью.

Казинс постарался осмыслить те ощущения, которые сопровождали его пребывание в больнице. В результате получился внушительный список:

Ощущение беспомощности — оно подавляет, становится сродни недугу.

В подсознании зарождается страх, что ты никогда не вернешься к привычной жизни.

Боязнь показаться надоедливым мешает лишний раз пожаловаться.

Нежелание усугублять и без того мрачные предчувствия близких заставляет отгораживаться от них.

Раздирают двойственные чувства: с одной стороны, одиночество тяготит, а с другой — хочется, чтобы тебя оставили в покое.

Уходит уверенность в себе — наверное, пациент подсознательно воспринимает болезнь как признак собственной несостоятельности.

Появляется страх, что при принятии важных решений твоим мнением никто не заинтересуется. А вдруг не скажут всего, что хочется знать? Хотя страшит и то, что скажут всю

правду.

Возникает патологический страх перед инвазивными методами диагностики и лечения. Боишься, что изменятся естественные процессы твоего организма, и ты никогда не станешь самим собой.

Вспыхивает возмущение, когда приходят чужие люди со шприцами и пробирками. Одни вливают в вены какие-то чудодейственные, по их словам, жидкости. Другие забирают кровь для анализов. Столько крови, что, кажется, в организме ничего не остается.

Тяжело, когда возят на каталке по разным лабораториям, где стоят всевозможные аппараты, жужжащие и подмигивающие лампочками.

И, наконец, ощущается мучительная пустота внутри — жажда человеческого тепла. Искренняя улыбка и нежное прикосновение значат теперь намного больше, чем все достижения современной науки. Но именно их-то отчаянно не хватает.

Норманн Казинс понимал: врачи не способны его «исцелить». Они могут лишь полагаться на жизнеспособность клеток его организма. Но жизненные силы убывали. Казинс решил: ему необходимо взять свою судьбу в собственные руки, вернуть себе жажду жизни. И он развернул кампанию против беспомощности. Как свидетельствует книга Казинса, его подход к вопросу оказался довольно неожиданным.

Первым делом он повесил на двери палаты объявление, что будет сдавать кровь раз в три дня — по одной пробе. Лаборатории сами должны распределять эту пробу для разных анализов. До этого у него брали кровь по четыре раза в день, и все потому, что каждому отделению удобнее было иметь свою пробу. Врачи восприняли его решение, как бунт, но для Казинса это был важный шаг на пути к тому, чтобы вновь стать хозяином своего тела.

Он раздобыл кинопроектор и ежедневно просматривал комедии с участием братьев Маркс и Чарли Чаплина. Он решил, что негативные эмоции однозначно вызывают негативные биохимические изменения в его организме, и поэтому необходимо противопоставлять им позитивные впечатления. Он сделал «радостное открытие: десять минут смеха дают возможность поспать два часа, не испытывая боли».

Как только его состояние немного улучшилось, Казинс перебрался из больницы в близлежащий отель. Оказалось, что жизнь в гостинице в три раза дешевле и несравненно спокойнее и комфортнее. Теперь он мог просыпаться и есть тогда, когда удобно ему, а не обслуживающему персоналу больницы.

Норманн Казинс не призывает всех следовать его примеру, но результаты его кампании говорят сами за себя. В самом начале лечения врачи давали один шанс из пятисот, что Норманн полностью поправится. Они считали, что ему не избежать частичной парализации. Однако Казинс выздоровел и прожил счастливо еще несколько десятков лет. Уже в очень пожилом возрасте он занялся новым делом — чтением лекций о здоровом образе жизни.

Долой беспомощность!

Изменения, которые предлагает Норманн Казинс, затрагивают основы организации медицинской помощи. Вряд ли они будут внедрены в ближайшем будущем. Но мы можем сами потихоньку продвигаться вперед к поставленной им цели «очеловечивания» медицины. Став пациентами, мы способны не превратиться в винтик медицинской машины, а сделаться партнером врача на пути к выздоровлению.

Некоторые приемы «очеловечивания» достаточно просты. В 1984 году журнал «Сайенс» опубликовал статью врача Роджера Ульриха. Ульрих обнаружил, что пациенты с заболеваниями желчного пузыря быстрее восстанавливались после операции и принимали меньше болеутоляющих средств, если из окон палаты видели, например, рожицу, а не кирпичную стену. Ульрих сделал заключение: следует строить больницы вблизи городских парков или просто в живописных местах. В наши дни при проектировании медицинских учреждений архитекторы все чаще учитывают ландшафтные особенности.

Медики тоже пытаются сделать пациентов партнерами в работе над восстановлением здоровья. Некоторые больницы заключают с больными нечто вроде соглашения. Пациента просят поставить перед собой определенные цели: научиться ходить или разработать руку. Процесс достижения цели разбивают на этапы, и каждую неделю перед пациентом ставят новую задачу: стоять каждый день в течение пяти, десяти, пятнадцати минут, пройти по комнате с палочкой, а затем и без нее. Медперсонал наблюдает за еженедельным прогрессом и поощряет пациента к

дальнейшим достижениям.

Но почему мы должны полагаться исключительно на медицинских работников, которым платят за оказываемую нам поддержку? Те же функции вполне могут взять на себя друзья и родственники — совместно с больным поставить задачи и всячески поощрять малейшую победу над беспомощностью.

Стоит помнить и о том, что важно уметь отвлечься от болезненного состояния. Мы уже говорили, что если человек думает лишь о своей боли, он чувствует ее острее. То же и с беспомощностью. Если пациент одинок и его единственное занятие — мысли о болезни, он сильнее ощущает свою беспомощность. Трудно представить себе менее подходящие условия для борьбы с болезнью, чем больничная палата. Тем не менее, и там можно придумать, как отвлечься.

В больнице происходит мало событий, поэтому в событие нужно превращать каждую мелочь. Вот вам дали стакан воды — не выпивайте ее залпом. Пейте медленно, постарайтесь ощутить, как работают мышцы горла, обратите внимание, какой вкус у воды, что ощущает язык. Если в вашей палате стоят цветы, рассмотрите каждый лепесток, подумайте, чем он отличается от других. Проведите рукой по простыням и одеялу — каковы они на ощупь.

Стойкий и неунывающий дух всегда найдет способ справиться с одиночеством и лишениями. Бенджамина Уира, священника пресвитерианской церкви, служившего в Бейруте, похитили мусульмане–шииты. Он провел в заточении, в нечеловеческих условиях, шестнадцать месяцев. У пленника не было возможности рассматривать деревья за окном: большую часть времени глаза его были завязаны. Руки Уира были скованы наручниками, и он не мог занять себя, осматривая окружающие предметы.

Уир не имел никакой возможности контролировать свой режим дня. Тюремщики кормили его и выводили по нужде, когда им вздумается. Однако священник нашел в себе силы и не пал духом: он преодолел свое отчаяние, обратившись за помощью к Богу. Вот как Уир описывает один из первых дней своего заключения:

«Я проснулся и почувствовал, что короткий сон освежил меня. Какие еще дары Господь приготовил для меня сегодня? Я выспался, у меня есть одеяло, мой дух полон стремления жить... Я снова приподнял повязку на глазах и стал осматривать комнату. Что в ней поможет мне лучше ощутить живительное присутствие Господа? Я дал волю своему воображению.

Подняв глаза вверх, я увидел свисающий с потолка электрический провод. Ни лампочки, ни патрона на нем не было, шнур заканчивался тремя оголенными проводами, образующими что-то вроде арки. Мне представилось, что эти провода — три пальца. И вот я увидел протянутую ко мне руку — как на фреске Микеланджело в Сикстинской капелле. На ней Бог протягивает руку и указывает пальцем на Адама — Свое творение. Сегодня Бог протягивал руку ко мне, как бы напоминая: «Ты жив. Ты — Мой. Я сотворил тебя и привел в этот мир. Твоя жизнь не напрасна».

Что еще? Я стал считать перекладки ставень–жалюзи, закрывавших снаружи стеклянную дверь в мою комнату. Я насчитал сто двадцать. Что означает эта цифра, это множество? Понял! Множество — это толпа. Это толпа, целый сонм свидетелей прошлого и настоящего, которые во времена скорбей и испытаний познали верность Бога! Дрожь пробежала по телу, когда я подумал об этом. Вот основание моей веры! Вот откровение от Бога! В ту минуту оно было мне жизненно необходимо.

Потом мой взгляд наткнулся на два белых кружочка около потолка — один на стене справа, другой — слева. В Ливане все знают, что такие кружочки — это пластиковые крышки для электрических коробок, место соединения проложенных в стенах проводов. О чем они могут сказать мне? Здесь два кружочка. На что они похожи? На уши! Это были уши Бога. Бог слышит мольбы своих детей. Услышь меня, Господи! Предаю себя в Твои заботливые руки!»

В конце дня Уир пел псалом «Милости Господи вспоминай, считай», пересчитывая то, что у него есть: здоровье, жизнь, пища, матрас, подушка, одеяло, жена, семья, вера, надежда, молитва, Иисус Христос, Святой Дух, любовь Небесного Отца. Он насчитал тридцать три милости. Оказалось, пока он размышлял о благословениях, страх и отчаяние покинули его. За ставнями стемнело. Уир начал спокойно готовиться ко сну...

Не захотев стать беспомощным, Норманн Казинс начал борьбу с безразличием, с которым в медучреждении относились к пациентам. Бенджамину Уиру пришлось сражаться с отчаянием и одиночеством. Когда люди оказываются надолго вырванными из здоровой нормальной жизни, то самая действенная помощь с нашей стороны — организовать их жизнь так, чтобы они могли заниматься привычными делами.

Сейчас появились компьютерные устройства, которыми можно управлять, дуя в специальную трубочку. С их помощью парализованный человек способен пользоваться креслом-коляской, печатать, включать телевизор или музыкальный центр, делать многое другое. Появление в обиходе подобных устройств может сильно изменить отношение больного человека к своей жизни. Ощущение беспомощности уступает место желанию жить, а мысли о крахе сменяются надеждой. Вспомним Брайана Штернберга и Джони Эриксон-Тада: их увлечения — радиолубительство и живопись — помогали им сохранять душевное равновесие. Возможно, эти увлечения значили для них даже больше, чем забота окружающих.

В своей книге «Жизнь с болью» Барбара Вулф рассказала о том, какую борьбу вела на протяжении многих лет. Она открыла для себя, что перестает думать о боли лишь тогда, когда преподает английский язык: мозг настолько поглощен работой, что все остальные ощущения отступают. Она стала учиться вызывать подобную сосредоточенность искусственно. Если приступ боли настигал ее ночью, она начинала мысленно планировать следующий день, обдумывать предстоящую лекцию или составляла меню обеда, перебирая в голове всевозможные рецепты.

Иногда Барбара заставляла себя заниматься делами, которые требовали безраздельного внимания, даже когда эти дела не доставляли ей особого удовольствия. Она поняла: ее единственное оружием против боли — умение отвлечься. «Это совсем недорогое средство, оно не вызывает привыкания и для него не нужен рецепт врача». Помимо преподавания Барбара окунулась в мир увлечений, которые поглощали ее целиком. Она стала организовывать вечеринки, завела домашних животных, занялась политикой и спортом, начала писать книги.

Барбара обнаружила, что лучше всего удается отвлечься, помогая людям. Порой страдальцы обретают цель жизни, посвящая себя помощи другим страждущим. Джони Эриксон-Тада рассказывала, что в тяжкие времена ей больше всего помогли парализованные.

Один психолог из Атланты поведал мне, что всех людей, по его мнению, можно разделить на два психологических типа. Нездоровые люди постоянно требуют от окружающих любви, а здоровые умеют не только принимать, но и дарить любовь. Лучшее лекарство для людей первой группы — оказаться в роли помогающих и отдающих любовь. Тогда их глубинная потребность в любви и внимании восполнится сама собой.

Консультанты, работающие с больными людьми, стараются, чтобы те перестали видеть в себе только нуждающихся. Они помогают пациентам понять: нет такого больного человека, который был бы не способен что-то дать другому, чем-то помочь. Джони Эриксон-Тада рассказала мне, как она была удивлена, увидев, что многие инвалиды стремятся остаться в реабилитационном центре и не возвращаться в «большой мир». Там много сложностей, к инвалидам относятся с долей предвзятости, и им проще жить в привычном мирке интерната. Джони стала своего рода примером для других инвалидов: она *хотела* жить в большом мире, она работала над собой, вселяла надежду в других. Она была открыта для нужд своих товарищей по болезни, и это оказало целительное воздействие на нее саму. Она обрела смысл жизни, перестала ощущать себя объектом для жалости, стала сильной личностью.

У французов есть поговорка: «Страдание проходит, а опыт остается». Слишком часто мы видим лишь один путь служения страдальцам: я — здоровый — из милосердия протягиваю руку помощи нуждающемуся. Но оказывается, люди, познавшие страдание, подготовлены помогать своим товарищам по несчастью лучше нас — здоровых. К тому же, когда делишься своим опытом с теми, кому он может пригодиться, и самому легче выбраться из пучины беспомощности.

Равви Гарольд Кушнер приводит древнюю китайскую притчу о женщине, убивавшейся после смерти сына. Она пошла к мудрецу за советом, как ей справиться с ее страданием. Мудрец сказал ей: «Принеси мне горчичное зернышко из дома, в котором не ведают несчастья. С его помощью я прогоню твою беду». Женщина стала ходить от дома к дому. Оказалось, что за каждой дверью жила своя беда. Женщине приходилось утешать страдающих. Но утешая и поддерживая других, она обнаружила: ее собственное горе ушло.

Я знаю два примера, как личная трагедия подвигла людей на служение. Одна женщина из Калифорнии узнала, что ее любимый сын умирает от СПИДа. Выяснилось, что сын был гомосексуалистом. Мать оказалась один на один со своим горем: она не нашла поддержки ни в

церкви, ни у друзей. Чтобы справиться с одиночеством и отверженностью, она стала выпускать небольшую газетку, нечто вроде информационного листка для тех, кто находится в сходной ситуации. Эта газета объединила многих родителей, чьи дети были геями. Газета проста — в ней нет советов профессиональных психологов, нет обещаний чудесного исцеления. Однако я читал письма, которые в изобилии получает издательница. Из них видно, что благодаря этой смелой женщине многие родители увидели путь для себя. Пережив горе и страдание, отважная женщина жаждет помогать другим — тем, кому нужна помощь и поддержка.

Другая женщина из штата Висконсин потеряла единственного сына: он служил в ВМС США и погиб при крушении вертолета. После этого случая она стала замечать, как часто в известиях передают о гибели вертолетов. Теперь, если где-то разбивается военный вертолет, она посылает в министерство обороны пакет с письмами и другими полезными материалами, который передают потерпевшим семьям. Около половины этих семей ведут с ней регулярную переписку. Таким образом, она — пенсионерка — руководит своим собственным центром помощи пострадавшим. Она до сих пор скорбит о сыне, но ее страдание наполнилось смыслом — она перестала быть беспомощной жертвой собственного горя.

Мудр тот, кто, переживая страдание, не замыкается в себе, а смотрит вокруг. Нет более чуткого целителя, чем раненый целитель. Кроме того, когда он помогает ближнему, его собственные раны постепенно затягиваются.

Глава 16

Смысл

Бессмысленность страдания, а не страдание — вот что было проклятием...
Фридрих Ницше. «К генеалогии морали»

Мерлин Олсен, бывший футболист-профессионал, сформулировал свои представления о боли так:

«Человек — это существо, которое легко приспосабливается. Мы не сразу понимаем, на что мы способны, а на что нет. Попробуйте-ка зайти в хлев. Первое, что вы почувствуете — это запах навоза. Но побудьте там минут пять — и вы перестанете его ощущать. То же самое и с травмой колена. Вот вы повредили колено — вы это прекрасно понимаете. Но вы продолжаете играть. Только играете по-другому. Уже не так быстро бегаєте, не бьете по мячу больной ногой.

После операции на колене надо было каждую неделю откачивать из него жидкость. Вскоре коленная мембрана стала такой толстой, что врачу приходилось вколачивать в нее иглу чуть ли не молотком. В какой-то момент я не выдержал и рывкнул: «Проклятье! Да всадите же эту чертову иглу куда надо, и откачайте все, что требуется!»

Все спортсмены, занимающиеся игровыми видами спорта, при столкновениях с противниками постоянно получают травмы. За эти мучения болельщики вознаграждают страдальцев рукоплесканиями. Выходит, люди готовы терпеть боль ради успеха. Это касается и альпинистов, многоборцев, военных. В прежние века самоистязание было знаком глубокой веры: чем грубее власяница, чем глубже раны от бича, тем человек праведнее.

Удивительно, что люди из тщеславия готовы подвергать себя мукам. Китайки веками туго перебинтовывали стопы — ножка оставалась крохотной, что считалось признаком красоты и утонченности. Современные женщины не только носят слишком узкую обувь, но и выщипывают брови, неумеренно загорают, подвергая себя действию вредоносных ультрафиолетовых лучей, делают бесчисленные пластические операции на лице, груди и ягодицах. И все ради того, чтобы соответствовать стандартам красоты. Подвергая себя подобным мучениям, мы зарабатываем определенную репутацию — ведь общество высоко ценит такого рода «усовершенствования», это считается престижным.

Давайте сравним два вида сильнейшей боли: родовые муки и почечные колики. Если сравнить количество задействованных в эти процессы нервных клеток, интенсивность и продолжительность страдания, то картина будет примерно одинакова. Тем не менее, при рождении ребенка боль иная: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин 16:21). Муки роженицы

имеют глубочайший смысл — они даруют жизнь. Ради возникновения новой жизни женщина готова вытерпеть их не раз. Но какой смысл в боли, порождаемой почечными коликами?

Сегодняшнее общество сильнее предшествовавших нам культур озабочено вопросами страдания. Современному человеку очевидно, что страдание — не кара богов. Но тогда что же оно? Мы понимаем смысл родовой боли, которую терпим добровольно. Но если она сопровождает рождение ребенка с серьезными физическими нарушениями? Или с наследственной патологией? Или с задержкой умственного развития? Для большинства из нас болезнь — это то, что следует преодолевать и лечить. А как быть с мучениями, от которых избавиться невозможно?

В страдании мы видим лишь отрицательное: оно лишает здоровья, мешает жить, отнимает свободу и счастье. Как я уже говорил, надписи на открытках точно попадают в цель — мы желаем больному человеку лишь одного — поправиться! Но как заметила одна смертельно больная раком женщина: «Ни одна из этих открыток не годится для людей из моей палаты. Никто из нас не поправится. Мы все умрем. Для остального мира — мы будто уже не существуем. Вдумайтесь в это слово — не существуем». Есть ли смысл у смертельной формы рака?

Как-то раз я получил письмо от пастора со среднего запада. Он убедительно описал, что происходит, когда жизнь теряет всякий смысл. Этот пастор страдал не от физической, а от душевной боли. Врачи назвали его состояние нервным срывом, но на самом деле это был духовный кризис — поиски нового смысла жизни.

«Тяжелее всего было кажущееся молчание Бога. Мне казалось, что я молюсь в глухую пустоту. Я много думал об этом и понял: то была лишь *видимость*. Отчасти дело было в моей депрессии, отчасти — в верующих, которые меня окружали. Многие знакомые пребывали в полном замешательстве. Они пытались найти нужные слова, но все, что они говорили, абсолютно не соответствовало моим переживаниям. Один пастор молился за меня столь общими фразами и так возвышенно, что молитва никак не отвечала моему состоянию. *Никто не желал понять мою боль*.

Кто-то меня просто избегал. Я думаю, что друзья Иова все-таки ему помогли. Во всяком случае, эмоционально. Они дали Иову возможность выразить чувства, овладевший им гнев. Пусть их речи были бесполезны, но друзья размышляли и задавали вопросы. Они помогли Иову почувствовать, что Бог где-то рядом. Никто из моих знакомых христиан, кроме моей жены, не смог сделать даже этого».

Уважение к боли

Самое ценное, что мы можем сделать для страждущего — помочь ему здраво отнестись к своим болезням и бедам.

Проблемы возникают из-за того, что мы невольно наделяем свои болезни определенным смыслом. Когда я провожу семинары, посвященные страданию, я обращаю на это внимание слушателей. Мы устраиваем римское голосование: я прошу поднять большой палец вверх, если речь идет о вполне приемлемой боли или о заболевании, которое вызывает симпатию, и опустить большой палец вниз, если болезнь вызывает негативные чувства. Картина, как правило, такова:

Перелом ноги при катании на горных лыжах. Все поднимают пальцы вверх. (Первое время я рассказывал о человеке, который упал, соскакивая с подъемника. Со временем он уже летел у меня кувырком с отвесного склона.) В зале тут же начинаются веселые комментарии, мой «герой» становится настоящим героем. Его страдание окупается сочувствием окружающих.

Проказа. Пальцы — вниз. Работая с доктором Брэндом, я близко узнал людей, больных проказой. Они настаивают, чтобы их заболевание называли болезнью Гансена: к слову «проказа» окружающие относятся с предубеждением. Реальный недуг имеет мало общего с устоявшимися представлениями о нем, тем не менее, проказа всегда вызывает не сочувствие, а отторжение. Самая тягостная сторона этого заболевания — вынужденное одиночество.

Грипп. Реакция неоднозначна. Кто-то опускает пальцы вниз — кому нравится жар, рвота, ломота в костях? С другой стороны, гриппом болеют все — это уже вызывает определенную симпатию. Мы знаем, как протекает грипп. «Не беспокойся, — ободряем мы больного, — отлежишься пару деньков и встанешь на ноги».

Свинка. Реакция зависит от возраста больного. Детей обычно жалеют и стараются побаловать: разрешают задержаться у телевизора, покупают им что-нибудь вкусненькое. Я до сих пор с тоской вспоминаю о тех славных временах, когда я болел свинкой. Однако, если речь идет о взрослом человеке, то отношение меняется: свинка во взрослом возрасте считается нелепостью,

хотя для взрослых она намного опаснее, чем для детей.

Мой перечень продолжается. *Геморрой*. Сопровождается очень болезненными симптомами, но является популярной темой для анекдотов.

СПИД. Как относятся к больным СПИДом? Я знаю всего нескольких человек, страдающих этим заболеванием. Все они столкнулись с однозначной реакцией церкви: «Сочувствия вы от нас не дождетесь. Это вам — наказание от Бога за ваши грехи. Идите своей дорогой». Лично мне СПИД кажется самой ужасной болезнью, но в обществе она вызывает меньше всего сострадания.

Мигрень, радикулит, рак — у каждого из этих недугов есть свой «имидж». В отношениях с больными мы вольно или невольно проявляем свое отношение к той или иной болезни. Тем самым мы либо помогаем человеку справиться с болезнью, либо усугубляем его страдания.

Я пришел к выводу: самое ценное, что могут сделать для больных верующие — уберечь от ненужных, искусственно навязанных мучений. Нужно с уважением отнестись к страданию ближнего. По сути, любая боль — это всегда БОЛЬ, и совершенно неважно, чем она вызвана: мигренью, растяжением связок или клинической депрессией. Чтобы помочь ближнему (или себе), следует прежде всего признать, что любая боль имеет право быть и заслуживает сочувствия. Иными словами, нельзя относиться к боли заведомо негативно.

При этом следует учитывать, что христиане придают страданию глубокий смысл. Вспомните посетителей Клавдии Клякстон и ответьте на вопрос: не раздуваем ли мы огонь страдания? В качестве горючих средств мы используем либо чувство вины: «Неужели ты не молился? Разве ты не веришь, что Бог может исцелить тебя?», либо смятение: «Может, это происки дьявола? Или тебе суждено пройти через эти страдания? А может, Бог избрал тебя, чтобы ты явил окружающим пример стойкости?» Боль — безотказный генератор чувства вины. Каждый из нас совершает неблагоприятные поступки, и вот, когда в нашу жизнь вторгается боль, мы первым делом начинаем винить себя.

Когда же речь идет о невыносимых страданиях, то ранить страдальца способны даже самые искренние слова. «Бог так сильно любит вашу дочь — Он забрал ее к Себе!» — говорим мы, не подозревая, что безутешные родители, возможно, будут теперь думать: «Уж лучше бы Бог любил ее поменьше!» Или мы стараемся ободрить: «Бог дает человеку лишь такое бремя, которое тот в состоянии вынести», — и изнемогающий страдалец начинает сожалеть, что его вера так крепка. Будь она слабее — и бремя было бы легче.

Общаясь с больными людьми, я понял: слова утешения могут причинить больше боли, чем сама болезнь. Одна женщина, хорошо известная в христианских кругах, с горечью описывала, как всю жизнь мучилась от дисфункции челюстного сустава. «И все же, — говорит она, — куда больнее выслушивать осуждающие слова от собратьев по вере, которые излагают свои домыслы о том, почему Бог допускает такое страдание». Мне кажется, одна из главных задач верующих — не приносить в жизнь страдальца ненужной боли. К любому страданию следует относиться с должным уважением.

Сокрытое сокровище

Согласно библейским принципам, сталкиваясь с болью, мы должны смотреть вперед — на ожидаемые плоды. Не следует ковыряться в прошлом, отыскивая причины случившегося.

Честно говоря, если непрестанно искать ответы на различные «Почему?», то многие страдания покажутся лишенными смысла. Почему за критические замечания о Сталине Солженицыну пришлось восемь лет провести в лагерях? Почему по прихоти безумного диктатора были уничтожены миллионы евреев? Такого рода страдания сами по себе бессмысленны. Но бессмысленными они остаются лишь до той поры, пока страдалец не найдет в них смысл, подобно тому, как среди пустой породы и грязи старатель находит алмаз.

Виктор Франкл, бывший узник нацистских лагерей, сказал так: «Отчаяние — это страдание, лишенное смысла». И Франкл, и Бруно Беттельгейм сумели найти в бессмысленных ужасах холокоста свой драгоценный камень. Собственный опыт и наблюдения за поведением людей в экстремальных условиях привели этих исследователей к открытиям, которые заложили основу для их последующей работы. Эли Визель наделил свои страдания смыслом, став свидетелем великой исторической трагедии. Он, как и многие другие узники концлагерей, посвятил себя тому, чтобы никто не был забыт и ничто не было забыто.

Достоевский в тюрьме много размышлял над Новым Заветом и житиями святых. Для него, как впоследствии и для Солженицына, тюрьма стала горнилом веры. Оба писателя рассказывают о том, что, увидев с торжеством человеческое зло, они поняли: люди нуждаются в покаянии. В том,

что существует сила, способная изменить жизнь, убедило их живое свидетельство верующих заключенных. В рассказе «Один день Ивана Денисовича» Солженицын проводит такую мысль: возможно, вера в Бога и не вызовет вас из лагеря, но благодаря ей в лагере можно выжить.

Пусть мои собственные страдания в сравнении с тем, что пережили эти мужи веры, выглядят смешными, но все же я стараюсь извлечь из них пользу. Я верю в библейское обетование: страдание способно породить во мне нечто стоящее. Я внимательно просматриваю список возможных плодов страдания. В пятой главе Послания к Римлянам апостол Павел говорит о терпении, опытности и надежде, и я задаюсь вопросом: способны ли мои переживания принести эти плоды? Испытания учат меня терпению, самообладанию, заставляют меня остановиться и повернуться лицом к Богу. Испытания воспитывают мой характер — заставляют меня искать в себе источник внутренней силы. Так я иду от одного плода к другому, пытаюсь понять, как Бог возвращает их в моей душе.

Джон Донн сравнивал страдания с золотым слитком. Слиток — это не разменная монета, им нельзя уплатить по счетам. Но чем ближе мы к нашей небесной отчизне, тем большую ценность приобретает сокровище, по словам поэта, «сокрытое внутри нас подобно золоту в рудоносной жиле». Оно стоит небесной славы. Если мы с верой обращаемся к Богу, наши страдания окупаются — мы постепенно уподобляемся Христу.

Единение

В этой главе я привел строки из письма пастора, пережившего тяжелую депрессию. Он не видел смысла в своих мучениях, и никто из верующих не помог ему понять происходящее. В конце концов пастору пришлось пройти курс лечения в психиатрической больнице. Родные его не оставили. Благодаря их поддержке и помощи врачей он смог вернуться к нормальной жизни.

Спустя годы ему довелось пережить еще одну трагедию: внезапно умер его внук, которому была неделя от роду. Семья была потрясена. В эти тяжелые дни пастору нужно было бы стать опорой для своих детей, но он был раздавлен горем. В воскресенье после похорон младенца пастор проповедовал в церкви. Он пытался сосредоточиться на словах псалма, которые произносил, но не смог: язык онемел, подбородок задрожал, из глаз хлынули слезы. Он так и не сумел дочитать строки о милости и благости Бога (Пс 144:7–9).

Тогда пастор отложил листки с проповедью и прерывающимся голосом сообщил прихожанам о смерти внука. Мысли его тут же перенеслись в тягостные для него времена депрессии. Он ощутил те же самые чувства: беспомощность и бессилие. Ему стало страшно.

Но на этот раз пустота, разверзшаяся в душе пастора, не смогла его поглотить. «Когда закончилось богослужение, — вспоминает он, — прихожане подходили ко мне и говорили очень важные слова. Во-первых, они благодарили за то, что я поделился с ними своей болью. И, во-вторых, сопереживали мне: «Мы скорбим вместе с вами». Этой простой фразы было достаточно, чтобы я понял: я не одинок. Я почувствовал, что не отвергнут ни Богом, ни Его детьми. Люди разделили со мной горе».

В самых незатейливых словах прихожане церкви выразили своему священнику сочувствие. Они показали, что его боль — это их боль, и его боль не оставляет их равнодушными.

Поиски смысла в страдании — это путь, который человеку всегда приходится проходить в одиночку. Никто, кроме страдальца, не сможет понять, что значит для него то или иное испытание. И все же мы способны помочь ближним в их поиске — мы можем быть рядом и разделять их боль.

Для этого нужно понимать, что страдающий человек на пути исцеления проходит определенные этапы. Шэрон Фишер так описывает свои переживания, вызванные раком яичников:

«Мне понадобилось время, чтобы смириться с тем, что со мной случилось, и осознать: теперь вся жизнь пойдет по-другому. Болезнь вторглась в мою повседневную жизнь, затронула душу, нарушила планы на будущее. Как помочь людям в подобном состоянии? Наверное, лучший способ — быть терпеливыми. Не мешайте им сомневаться и плакать, мучиться вопросами и в полной мере проявлять все свои чувства, даже самые сильные.

Я обнаружила, что невозможно принять все обстоятельства болезни разом — мне нужно было время, чтобы пережить свои чувства. Психиатр Элизабет Кюблер-Росс описала пять стадий, через которые проходят люди, так или иначе столкнувшиеся со смертью, — заболевшие неизлечимой болезнью или потерявшие близких. Вот они: отрицание, гнев, попытка заключить сделку с судьбой, депрессия и принятие. Последовательность стадий может изменяться, какие-то этапы выпадают или перекрываются. Но эти стадии дают представление о том, сколько времени требуется, чтобы пережить тяжелое потрясение.

Я не из тех людей, кто легко открывает свои чувства. Мне трудно было объяснить своим

близким, насколько глубоко мои переживания, раскрыть им противоречивость обуревавших меня чувств. И все же я нуждалась в слушателях. Мне нужны были люди, которые посвятили бы мне час—другой, когда хотелось выговориться. К счастью, у меня были верные друзья. К тому же мой сосед оказался профессиональным психологом, да и члены семьи были открыты для разговора. Чтобы я делала без моих преданных слушателей!»

Шэрон говорит, что меньше всего проку было от тех людей, которые подходили к ней с готовыми ответами и рецептами. Одна женщина утверждала, что Шэрон заболела из-за нездорового питания — Шэрон любила гамбургеры и мороженое с шоколадной крошкой. Другие знакомые советовали меньше полагаться на лекарства и больше — на молитвы об исцелении.

Нет смысла говорить о том, насколько вредными могут оказаться подобные советы. «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» — эти мудрые слова апостола Павла особенно уместны, когда человек переживает скорбь (Рим 12:15). Книга Притчей говорит о нечутких словах еще определеннее:

«Что снимающий с себя одежду в холодный день, что укус на рану, то поющий песни
печальному сердцу» (Притч 25:20).

Когда я работал над этой книгой, мне позвонил приятель из другого города. Он только что узнал, что у него ВИЧ-инфекция. Раздавленный виной за свои прошлые сексуальные грехи, он испытывал страшные угрызения совести. Он ощущал себя полным ничтожеством. Ему казалось, что Бог с презрением отверг его. Он утратил всякое желание жить и отчаянно нуждался в помощи.

Некоторые люди считают, что ВИЧ/СПИД — это прямое наказание от Бога, конкретное возмездие за конкретный грех. Я так не думаю. С моей точки зрения ВИЧ/СПИД — это лишь часть общего предупреждения человечеству: Бог поднимает вопрос о здоровом образе жизни в широком смысле. Как злоупотребление алкоголем и табаком подвергает человека серьезной опасности, так и беспорядочная половая жизнь имеет свои последствия. Но даже *если* я неправ, и эта болезнь действительно является Божьей карой, то что делать мне — другу и христианину?

Я должен рассказать моему другу о Божьей благодати, показать ему, как бережно Иисус относился к людям, уличенным в сексуальных грехах, уверить его в Божьей любви и возможности получить прощение. Говоря другими словами, моя задача — заставить друга перевести взгляд из мучительного прошлого в будущее, где его ждет надежда. Чувство вины — это сигнал тревоги. Можно целыми днями лежать на больничной койке и бичевать себя за совершенные грехи. Но есть и другой путь: покаянно принести свою вину Богу, Который обещал простить исповеданный грех.

Разделить скорбь с человеком, страдающим от чувства вины, — значит простить его, а не осудить. Разделить страдание — значит на какое-то время стать со страждущим одним целым.

Бог ставит вопросы

Иногда получается так, что страдающий человек не видит смысла в своих мучениях, и тогда единственная помощь ему — показать: его страдание значимо. Священник, писатель и богослов Генри Нувен написал небольшую книжечку с удивительным названием — «Раненый целитель». Он пишет об одиноких брошенных людях, которых никто не любит. В ней есть рассказ о молодом священнике, которому нечего предложить лежащему на операционный стол старику, кроме своей доброты и заботы. «Ни один человек не выживет, если его никто не ждет, — пишет Нувен. — Каждый, кто возвращается из длительного, трудного путешествия, ищет взглядом того, кто ждал бы его на вокзале или в аэропорту. Каждый хочет рассказать о себе, о своей боли, о своей радости тому, кто оставался его ждать».

Моя жена Дженет работает с самыми бедными жителями Чикаго. Она руководит церковной программой, которая направлена на оказание помощи одиноким и брошенным старикам, о которых некому позаботиться. Сколько раз я видел, как вовлечена она бывает в жизнь какого-нибудь старика, как старается показать ему, что ей *не все равно*, будет он жить или умрет. Так Дженет и ее волонтеры изливают милость и благодать на страдания этих людей.

Один из подопечных Дженет — девяностолетний мистер Крюдер. На протяжении двадцати лет он отказывался удалить катаракту. Когда ему исполнилось семьдесят, он решил, что в мире смотреть больше не на что. Он думал, что Богу угодно, чтобы он оставался слепым. А может быть, Бог наказывает его за то, что он в юности засматривался на хорошеньких девушек?

Моей жене потребовалось два года, чтобы уговорить мистера Крюдера на операцию. В конце концов он решился, но исключительно по одной причине: Дженет убедила его, что лично ей важно,

чтобы мистер Крюдер снова мог видеть. Сам старик махнул рукой на свою жизнь — она не представляла для него никакой ценности. Но Дженет придала его жизни смысл: появился человек, которому важно, чтобы в свои девяносто два года мистер Крюдер жил полной жизнью. Тогда он и решился.

Дженет в буквальном смысле разделила его страдания. Она часто навещала его, и он поверил, что кому-то есть до него дело, кому-то важно, жив он или нет, видит или нет. Принцип — разделить страдания ближнего — лежит в основе книги Нувена о раненом целителе. Лишь разделив чужое бремя, можно наполнить смыслом жизнь страдальца. Так мы следуем примеру Христа: Он взял на Себя нашу боль, стал одним из нас, познал бедность и страдания. А раз Сам Бог принял страдание, разделив его с людьми, то оно обрело непреходящий смысл.

Однако бывает и так, что мы сталкиваемся со страданием, которое кажется абсолютно бессмысленным. Мы тщетно пытаемся понять его ценность. На ум приходит болезнь Альцгеймера. Взять больного отца, о котором заботится дочь. Каждый день сердце ее сжимается от боли — перед ней лишь жалкая телесная оболочка того, кто раньше был ее отцом. Или представьте себе умственно отсталого ребенка. Тело не подчиняется ему. Он на всю жизнь прикован к кровати. Он никогда не научится говорить, не будет понимать происходящего, на всю жизнь, требуя дорогостоящего ухода, останется предметом забот врачей и медсестер.

В чем смысл страданий дряхлых стариков и больных детей? Ответ на этот вопрос помог мне найти врач из Восточной Германии. В годы социализма церкви разрешали заботиться лишь о самых «малоценных» и «бесполезных» членах общества. Замечу, что жители бывших социалистических стран лучше знакомы со страданием, чем мы — представители западной культуры.

«Какой смысл в существовании умственно отсталых детей? Есть ли он вообще?» — спрашивал себя педиатр Юрген Трогиш, посвятивший жизнь работе с такими детьми. Врач способен смягчить внешние проявления болезни, но разве может он исправить нарушения мозга?

Долгое время доктор Трогиш не находил ответа на свои вопросы. Он каждый день ходил на работу, честно выполнял свои обязанности, но ответа не было. Как-то раз он вел курс для новых сотрудников медицинского центра. По истечении года он попросил новых помощников заполнить вопросник, в котором был и такой вопрос: «Какие перемены произошли в вашей жизни с тех пор, как вы начали работать с калеками?» Он получил следующие ответы:

- Впервые в жизни я почувствовал, что делаю важное дело.
- Теперь я могу делать то, на что, как я думал раньше, не способен.
- За этот год я заслужил расположение Сабины. Я никогда прежде не работал с умственно отсталыми, но теперь я больше не думаю о ней как об умственно отсталой. Она — человек!
- Я стал более чувствительным к человеческому страданию, у меня появилось желание помогать.
- Я задумался над тем, что же самое главное в жизни.
- Работа обрела для меня новый смысл. Я чувствую, что нужен другим.
- Я научился терпению, научился радоваться даже незначительным улучшениям.
- Наблюдая за умственно отсталыми, я лучше понял себя.
- Я стал более терпимым. Мои мелкие проблемы не кажутся мне больше серьезными, я научился принимать себя со всеми своими недостатками. Но главное — я научился ценить маленькие жизненные удовольствия. Больше всего я благодарен Богу за то, что Он мне показал: любовью можно добиться большего, чем ненавистью и силой.

Читая эти ответы, доктор Трогиш нашел ответ на свой вопрос. Смысл страдания этих детишек — перемены в жизни тех, кто с ними работает, кто познает истины, которым не научит ни одно учебное заведение мира. Доктор Трогиш подумал о двух своих «бесполезных для общества» пациентах, с которыми работал уже не первый год и не добился никакого прогресса. «Может, Даниель и Моника пришли в этот мир ради меня? А трудные вопросы, которые поднимает само их присутствие в мире, — это вопросы, которые мне задает Бог? Может быть, эти двое больных ребятишек и есть ответ — ответ от Бога?»

Глава 17

Надежда

Растоптанному человеку остается лишь одно — продолжать надеяться. После каждого разочарования нужно искать новый повод для надежды.

Александр Солженицын

В фармакологии существует так называемый двойной слепой тест: врач, который выписывает препарат, проходящий клинические испытания, не знает, кто получит настоящее лекарство, а кто контрольное — плацебо. Этот тест приходится проводить по одной причине: чтобы понять, в каком случае действует сила самого лекарства, а в каком — сила надежды человека на него. До теста практически все новые препараты, вне зависимости от их состава, показывают невероятные результаты. И вот озадаченные фармацевты в конце концов нашли ключ к этой загадке: своим чудесным действием новые лекарства обязаны врачам. При назначении лекарства врач своим отношением и всем своим видом, сам того не подозревая, вселяет в больного уверенность и надежду.

Десятки исследований подтвердили: целительная сила заключена в самой надежде. И наоборот — отсутствие надежды разрушает здоровье. Сотрудники Ро-честерского университета изучали поведение больных, перенесших операцию на открытом сердце. Оказалось, что больные с признаками депрессии в большинстве случаев не выживали — они умирали через какое-то время после операции. Другое известное исследование под названием «Разбитое сердце» было посвящено изучению уровня смертности среди вдовцов в течение полугода после смерти жены. Обследовали четыре с половиной тысячи мужчин. Оказалось, что среди вдовцов — в большинстве своем находящихся в состоянии депрессии — смертность на сорок процентов выше, чем среди остальных мужчин того же возраста.

Изучение личных дел военнопленных показало: некоторые из них умирали без видимых причин — они просто теряли надежду. Майор медицинской службы Кушнер пять с половиной лет провел в плену во Вьетнаме. Вот один случай из его жизни:

«Как-то раз я познакомился с военнопленным — молодым закаленным бойцом морской пехоты, который выдержал уже два года лагерной жизни. Парень был образцовым пленником — он поддерживал себя в хорошей форме, руководил лагерной воспитательной группой. Он делал это ради освобождения: начальник лагеря пообещал освободить тех, кто будет сотрудничать с охраной. Но со временем парень понял, что его обманули и свободы ему не видать. И тогда он превратился в зомби: отказался от работы, от пищи, от контактов с окружающими. Он сутками лежал на нарах и сосал палец. Прошло несколько недель — и молодой человек скончался».

Обсуждая этот случай, ученые отмечают, что строго медицинского обоснования здесь нет. «Этот человек жил надеждой на освобождение. Когда надежда рухнула, он решил, что его усилия тщетны, ему нечего больше ждать, и умер».

Как сказал известный врач-физиолог Гарольд Вульф: «Надежда, вера и цель жизни — целебные силы. Утверждая это, я основываюсь не только на своих взглядах, но и на выводах, полученных в результате корректно проведенных экспериментов».

Неуловимый дар

В больницах и интернатах для хронических больных пациенты, как правило, делятся на две категории. Первые — это «надеющиеся», то есть люди, которые стремятся преодолеть свой недуг и вернуться к нормальной жизни. Вторые — «пораженцы». Посетив знаменитую психиатрическую клинику Меннингера, священник и писатель Брюс Ларсон спросил у врачей, что является ведущим фактором при лечении сумасшедших. Все единодушно признали: это надежда самого пациента на выздоровление. Но врачи тут же сказали, что совершенно не представляют, как донести эту надежду до больных. Надежда — это качество духа, она неуловима. И все же медики сразу видят, когда у пациента наступает перелом, и он впервые осознает, что у него есть другое будущее, отличное от тягостного настоящего.

Врачи клиники Меннингера уяснили на своем опыте: обучить человека надежде и мужеству невозможно. Но надежду можно передать — нужно лишь искать способы, чтобы пробудить ее в страдающих людях.

Деятельность организации «Международная амнистия» — прекрасный пример распространения такой заразной надежды. Ее основатель — политический заключенный — был на грани отчаяния. И вот ему передали спичечный коробок, на котором было написано одно слово: мужество. Крохотный знак солидарности заронил в его сердце семя надежды и желание жить. Когда этот человек вышел на свободу, он создал организацию, в основе работы которой лежал простейший принцип: люди из свободных стран пишут письма политзаключенным, которые томятся в тюрьмах и терпят мучения. Сердца тысяч узников загорелись надеждой — они поняли, что кому-то, пусть даже незнакомым людям, есть до них дело.

Иногда надежда кажется нелепой и неразумной. Такой она была у заключенных в концлагерях. И все же, как видно из слов Солженицына в начале главы, люди, у которых нет надежды, должны искать любую зацепку, чтобы продолжать надеяться, продолжать жить. В безнадежных обстоятельствах надежда нужна как хлеб — она дает силы жить. Для Солженицына надеяться — было вопросом выбора. Надежда для него была средством выживания, она подпитывала жажду жизни. Позднее он написал «Архипелаг ГУЛАГ», чтобы отдать должное своим товарищам по несчастью и принести им надежду. Для Достоевского надежда на освобождение — ощущение, что «ты здесь временно, будто в гостях» — стала принципом всей его жизни. Благодаря ей он понял, что после земной жизни будет и другая жизнь.

В своей книге «Познание Бога» теолог Юрген Мольтман рассказывает, как надежда помогла ему выжить в лагере. Он попал в плен как солдат немецкой армии. Его перебрасывали из одной тюрьмы в другую: он побывал в Бельгии, в Шотландии, в Англии. Суровые будни тюремной жизни — холод, голод, болезни — усугублялись моральными страданиями. Он с отчаянием наблюдал за поражением своей страны, он узнал, какие зверства совершались во имя Германии. «Я видел, как у других пленных наступало духовное опустошение, как они теряли всякую надежду. Без надежды заключенные быстро сдавали и, бывало, умирали. Меня тоже чуть не постигла подобная участь. К новой жизни меня возродила надежда, для которой, казалось, не было никакого основания».

Надежда, спасшая Мольтмана, — это надежда всех христиан. Уходя на войну, он взял с собой две книги: стихи Гете и труды Ницше. Однако ни одна из них не принесла ему успокоения. Постепенно рухнули привычные основания его жизни, которые прежде верно ему служили. Тогда Мольтман взялся за Новый Завет, который вручил ему как-то армейский капеллан. В качестве приложения в конце книжечки были напечатаны Псалмы. Прочитав их, Мольтман вдруг открыл для себя Бога, «Который всегда с теми, кто сокрушен сердцем».

После освобождения в 1948 году Мольтман оставил занятия физикой и вступил на путь теологии. Сейчас Мольтман — один из ведущих теологов мира. Особую известность ему принес новаторский труд «Теология надежды».

Вдохновляющий пример — вот что порой бывает единственной ниточкой, уцепившись за которую, человек способен выбраться из пучины отчаяния и безнадежности. На протяжении всей книги я рассказываю о людях, которые смогли успешно пережить страдание. Но существует и множество примеров, как страдание разрушает жизнь человека. Отличие историй успеха в том, что в них всегда присутствует надежда — единственное, что способно преобразить боль и страдание. Если человек находится в отчаянии, ему нужно за что-то ухватиться — за другого человека или за идею.

Возможно, здоровым людям надоедает читать в журналах статьи об инвалидах, которые «обрели счастье и смысл жизни». Однако нездоровые люди, с которыми мне довелось беседовать, относятся к таким историям серьезнее. Чужие свидетельства помогают им перестать оплакивать свою жизнь. А некоторые из подобных историй бросают всем нам мощный вызов.

Что такое надежда? Это вера, что в будущем нас ждет что-то хорошее. Надежда — это не оптимизм и не позитивное мышление, которым свойственно отрицание реальности. Мне кажется, те, кто находится рядом со страдальцами, путают оптимизм и надежду. Они искусственно изобретают повод, чтобы взбодрить больного: «Да, мам, твоя память, конечно, ухудшается. Но ведь память — это не главное». Или: «У тебя сильно упало зрение, но ты ведь по-прежнему хорошо слышишь. Это здорово, правда?» «Тебе тяжело пришлось на этой неделе, но может быть, на следующей неделе боль немного отпустит».

Мое общение с людьми из группы «Ни дня напрасно» научило меня относиться к оптимистическим заявлениям осторожно. Они звучат для умирающих как оскорбление, а не как основание для надежды. Тяжелобольным нужно нечто большее, чем оптимизм Полианны — героини Элионор Портер. Их надежда не рядится в шелка жизнерадостности — она закована в латы мужества. Их надежда связана с прыжком в неизвестность, она сродни вере: «Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим 8:24–25).

Надежда спасает от пессимизма, она не дает поверить, что вселенная — всего лишь хаос молекул, что у человека нет предназначения. Истинная надежда всегда честна. Пусть человек упал, пусть случилось самое худшее — надежда говорит, что это не конец, что жизнь продолжается. Надежда поднимает и ведет дальше.

Надежда — реалистка, она не скрывает действительности от смертельно больного, но она дает ему силу жить дальше. Орвилль Келли, основатель движения «Ни дня напрасно», говорит, что надежда неотделима от мужества: «Я не считаю себя умирающим от рака. Я человек, который

живет, вопреки раку. Каждый новый день для меня — это не шаг к смерти, а день жизни, обладающий ценностью и дарящий мне радость».

Долготерпение

Люди из группы, которую я посещал вместе с другом, больны серьезными хроническими заболеваниями. Эти недуги тянутся долго и при этом не поддаются излечению. Таким больным от здоровых людей требуются особая забота и внимание. В былые времена от тифа, оспы или желтой лихорадки люди умирали достаточно быстро. В наши дни смертельные заболевания зачастую становятся затяжными. Люди, страдающие от них, признают, что помимо всего прочего испытывают сильную усталость. В первое время, какой бы ни была болезнь, они окружены вниманием друзей и знакомых. Почтовые ящики переполнены открытками, цветы некуда ставить. Но со временем поток внимания ослабевает.

Столкнувшись с трудностями, люди испытывают растерянность и впадают в беспокойство. Одна верующая женщина рассказала мне, что при каждом следующем рецидиве онкологического заболевания участие к ней проявляли все меньше людей. Болезнь развивалась, женщина слабела. Страх усиливался. Она становилась все более одинокой. Казалось, многие друзья-верующие возмущены тем, что их молитвы об исцелении не услышаны. Они вели себя так, будто больная сама во всем виновата. Утратив веру в исцеление женщины, они отделились от нее, оставив ее наедине с болью, чувством вины, самоосуждением.

Через нечто подобное проходят родители детей с врожденными дефектами. Сразу за рождением больного ребенка на них обрушивается волна сострадания, но постепенно поддержка окружающих ослабевает. Чем дальше — тем больше трудностей и тем меньше желающих помочь. Когда человек болен смертельной болезнью, он видит конец своего пути. Другое дело — родители детей-инвалидов. Завершения их трудов не видно. Они несут бремя заботы о ребенке до конца своих дней, и им необходимо заранее подумать о том, кто будет за ним ухаживать после их смерти.

Перечисляя плоды Духа, Павел упоминает качество, которое он называет немного устаревшим словом «долготерпение». Хорошо бы нам всем иметь долготерпение! Оно особенно нужно жертвам мучительной болезни и тем, кто за ними ухаживает.

Христиане с энтузиазмом относятся к чудесным исцелениям, но страдания не приветствуют. Стоит пояснить, почему же я обошел тему исцелений. Во-первых, об исцелениях и так написано достаточно хороших книг — личные свидетельства, богословские труды. Во-вторых, я пишу о людях, для которых страдание превратилось в западню, заставило их усомниться в Боге. Исцеление сразу же разрешает все мучительные сомнения человека, но, надо признаться, далеко не каждый получает чудесное освобождение от страданий. Спросите хотя бы у Брайана Штернберга.

Я не хочу обесценивать чудеса физического исцеления. Но, как я уже упоминал, исцеленные (равно как и те, кто обладает даром исцеления) все равно когда-нибудь умрут. Выходит, что исцеление не решает проблему боли, оно отодвигает боль.

Реальная возможность чудесного исцеления вселяет в сердца верующих надежду. Но если исцеления не происходит, несбывшаяся надежда превращается в суровое испытание веры. Человек впадает в отчаяние, ощущает себя преданным. Вот что написала мне о своих переживаниях Барбара Сандервилль, молодая девушка, у которой парализованы ноги:

«Когда я обратилась к Богу, мне сказали, что Бог исцелит меня. Это было невероятно. Сначала я даже боялась поверить в такую возможность. В Библии я не нашла ни одного места, которое противоречило бы идее исцеления. Я стала искренне надеяться, а потом и верить, что Бог меня исцелит. Однако вера моя была нетвердой. Когда мне говорили, что Бог не исцеляет всех подряд, что болезнь — это крест, который нужно нести, сомнения брали верх. Прошлой осенью, я перестала верить, что Бог меня исцелит.

Но и тогда я не могла смириться с мыслью о том, что мне придется провести всю жизнь в инвалидной коляске. Я знала: Бог способен вернуть мне здоровые ноги, и мне казалось, что Он просто не хочет этого сделать. Мне было невероятно горько это осознавать. Я перечитывала пятьдесят третью главу Исайи и Первое послание апостола Петра. Я обвиняла Бога в том, что Он дразнит меня обещанием исцеления, словно голодного пса куском мяса. Он показал мне великие возможности, но не позволил их достичь. Я знала из Библии, что Бог человеколюбив и многомилостив, что Он отвечает на молитвы Своих детей. Поэтому я чувствовала себя глубоко виноватой за нехорошие мысли о Боге. В душе бушевали такие противоречивые чувства, что я начала терять рассудок, подумывала о самоубийстве.

Чувство вины и глубокой обиды росли. Они превратились в стену между мной и Богом. Я стала принимать транквилизаторы — они позволяли хоть как-то прожить день. У меня начались сильные головные боли, серьезно ухудшилось зрение. Врачи не могли найти этому никакого

объяснения.

Я продолжала молиться. Я знала, что Бог жив. Но каждая молитва заканчивалась рыданиями и гневными выпадами в Его адрес. Меня захлестывали волны жалости к самой себе. Раз за разом я задавала Богу вопрос, почему Он не хочет исцелить меня, тогда как в Писании ясно сказано, что Христос исцелял больных людей».

В конце концов Барбара прошла курс психотерапии и смогла избавиться от ожесточения. Однако она до их пор ждет от Бога физического исцеления.

Подобные истории убеждают меня: к проблеме чудесного исцеления нужно подходить реалистично. Исцеление — возможность, надежда, а не гарантированный дар. Когда чудо случается, это огромная радость. Но если его не происходит, это не значит, что Бог оставил человека на произвол судьбы. Нет, Он силен творить благо через наши немощи. Он верен этому обетованию.

Последняя надежда

У христианина всегда есть особый ресурс для борьбы за выздоровление, для борьбы с беспомощностью, страхом и бессмысленностью существования. Я имею в виду надежду. Последний раздел книги посвящен преимуществам, которые дает человеку христианская вера. Но было бы неправильно не упомянуть в этой главе о нашей самой главной надежде — надежде на воскресение и жизнь в мире ином. Там проблема страдания станет для нас лишь далеким воспоминанием.

Христиане верят, что впереди их ждет прекрасное будущее, каким бы мрачным ни виделось им настоящее. Бруно Беттельгейм, переживший ужасы гитлеровских лагерей, признает: такая вера превращается в реальную силу: «Известно, что в концлагерях люди, имевшие твердые религиозные и моральные убеждения, переносили испытания намного лучше, чем их неверующие товарищи. Вера, включая и веру в будущую жизнь, вселяла в них силы, каких не было у других».

Джони Эриксон-Тада рассказывает, как однажды побывала в интернате для умственно отсталых. Она часто посещала больницы и интернаты, и, сидя в инвалидном кресле, рассказывала свою историю. Обычно все слушали ее, затаив дыхание. На этот раз ее слушатели не способны были сосредоточиться на ее рассказе. Когда Джони стала рассказывать о рае, ее уже никто не слушал.

День был жаркий, Джони почувствовала, как по спине текут струйки пота. Она изо всех сил пыталась вернуть внимание слушателей. Наконец она в отчаянии выпалила: «На небесах вы обретете новый разум». Не успели эти слова сорваться с ее губ, как Джони пожалела о сказанном: не жестоки ли они, не оскорбительны ли? Но в то же мгновение атмосфера в комнате изменилась: больные встретили ее слова радостными возгласами и громкими аплодисментами.

Слова пробудили в них глубинные надежды. Больные лучше, чем кто-либо другой осознавали: их разум недоразвит, далек от совершенства. И вот перед ними открывается обетование — надежда всех христиан: впереди их ждет жизнь, которую не будут омрачать болезни. После смерти они получают полное исцеление. Апостол Павел напоминает нам: «Наше же жителство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все» (Флп 3:20–21).

Мне кажется, что мы, западные христиане, со свойственным нам высокомерием стесняемся подчеркивать свои надежды на вечную жизнь, на получение обещанных наград на небесах. Могу припомнить лишь пару проповедей, в которых говорилось бы о «венце жизни» или о «венце праведности». Современная культура твердит нам, что наше страдание — это единственная реальность, а вечная жизнь на небесах — несбыточные мечты.

Но какую еще надежду дать парализованному человеку или матери ребенка, больного синдромом Дауна? На что им надеяться? Чтобы ответить на эти вопросы, расскажу вам историю Марты — участницы группы «Ни дня напрасно». Ее история в каком-то смысле охватывает все, что я узнал о страдании за тот год, в течение которого посещал группу.

Я обратил внимание на Марту во время первой же встречи. У остальных налицо были явные признаки тяжелой болезни: редкие волосы, землистый цвет кожи, отсутствие конечностей, произвольные подергивания. У Марты внешне все было в порядке: привлекательная двадцатилетняя девушка. Я подумал, что она ходит на собрания группы, как и я — с кем-то за компанию.

Когда до нее дошла очередь рассказывать о себе, она поведала: совсем недавно у нее обнаружили амиотрофический латеральный склероз (АЛС). Год назад от этой болезни умер ее

отец, а еще двумя годами раньше скончался дядя. АЛС редко передается по наследству и еще реже встречается у молодых женщин, но, к несчастью, Марта попала в число исключений.

Эта болезнь разрушает нервные клетки. Сначала утрачивается контроль за движениями — действиями рук и ног, кистей и стоп. Затем болезнь подкрадывается к непроизвольным движениям — нарушается работа дыхательной системы и наступает смерть. Бывает, болезнь пожирает свою жертву быстро. Бывает, что недуг развивается довольно медленно. Отец и дядя Марты после начала болезни протянули два года. Марта знала о течении болезни все до мельчайших подробностей.

Первый раз я пришел на встречу группы в марте. В апреле Марта уже сидела в инвалидной коляске. Ходила она с большим трудом, из-за этого ее уволили с работы (она работала в университетской библиотеке).

К маю у Марты отказала правая рука, она больше не могла пользоваться ходунками. Врач-физиотерапевт научил ее поднимать вещи с пола с помощью хитроумного приспособления, состоящего из швабры и клейкой ленты. К этому времени она уже с трудом управлялась и с механической коляской.

К июню отказали обе руки. Пальцы еще шевелились, и Марта — пусть с трудом, — но могла нажимать кнопки пульта новой электронной коляски. Ей требовался круглосуточный уход, и она была вынуждена перебраться в стационар.

Я стал регулярно навещать Марту, вывозил ее на короткие прогулки, иногда привозил на машине на встречи группы. Я понял, по каким причинам болезнь лишает человека человеческого достоинства. Прежде чем надеть на Марту туфли, мне нужно было проверить, не скрючились ли у нее пальцы на ногах, и расправить их — иначе ей будет больно. Я научился, прежде чем просунуть руки Марты в рукава, аккуратно выпрямлять и пальцы рук. Сажая девушку в машину, я внимательно следил за тем, чтобы не повредить ей руки, бессильно болтающиеся по бокам. Оказалось, не так-то легко аккуратно усадить в маленькую машинку безвольное тело весом в шестьдесят килограммов.

Без посторонней помощи Марта не могла выполнить ни одного действия: ни одеться, ни подставить себе судно, ни устроить голову на подушке. Когда она плакала, кто-то должен был сидеть рядом, чтобы вытирать ей слезы и сопли. Тело было ей совершенно неподвластно.

Иногда мы с Мартой говорили о смерти и о надежде. Признаюсь честно, когда говоришь о полном исцелении, воскресении и вечной жизни с человеком, находящимся в положении Марты, великие упования христиан начинают казаться пустым звуком. Они звучат неубедительно и легковесно. Марте не нужны были ангельские крылья — ей нужны были руки, которые не висели бы как тряпки; рот, из которого не текли бы слюни; легкие, которые работали бы, как положено. Должен признать: перед ее мучениями меркла даже вечная жизнь без страданий и слез. Казалось, вечная жизнь — слабое утешение для измученной девушки.

Она, конечно же, думала о Боге, но едва ли думала о Нем с любовью. Она всем сердцем противилась обращению к Богу, считая что прийти к Нему можно только из любви, но никак не из страха.

К октябрю стало понятно, что жить Марте осталось недолго — болезнь стремительно прогрессировала. Вскоре девушке пришлось тренировать дыхание с помощью аппарата, похожего на детскую игрушку: нужно было изо всех сил дуть в трубочку, чтобы маленькие синие шарики в колбочках подлетали вверх. Между мучительными выдохами Марта вслух размышляла о том, что лучше: сначала потерять голос или сразу перестать дышать? В конце концов она решила: хорошо, если первыми откажут легкие. Лучше быстрее умереть, чем умирать безгласной, будучи не в состоянии произнести ни слова.

Сказывалось недостаточное снабжение мозга кислородом: во время разговора Марта то и дело засыпала. Иногда по ночам она в ужасе просыпалась, чувствуя, что задыхается, но не могла позвать на помощь.

Несмотря на трудности с передвижением, Марта смогла в последний раз съездить в свой любимый летний домик в штате Мичиган и побывать в родительском доме неподалеку. Она делала последние приготовления к смерти, со всеми прощалась.

Марте отчаянно хотелось пожить хоть пару недель дома, в своей чикагской квартире, проститься со всеми друзьями и подготовиться к смерти. Но как осуществить мечту, если Марте нужен круглосуточный медицинский уход? Пребывание Марты в больнице оплачивало государство, но о финансировании специализированного ухода на дому не могло быть и речи.

В Чикаго нашлась организация, которая предоставила Марте бесплатную помощь. Члены христианской Общины Ребы окружили Марту любовью и заботой, в которых особенно нуждалась умирающая девушка. В этой общине была женщина — ее звали Сара, — страдавшая параличом ног.

Она прекрасно понимала, как мучительно жить в теле, которое тебе не повинуется. Во многом благодаря Саре община решила взять Марту на свое попечение и сделать все возможное, чтобы та смогла осуществить свои последние мечты.

Ради Марты шестнадцать женщин перестроили свою жизнь. Они разделились на две группы, поделили между собой домашние обязанности и заботу о своих детях, и стали посменно по двое дежурить около Марты. Еще семнадцать человек из общины образовали молитвенную группу. Они молились за Марту, об ее исцелении. Они молились и за тех, кто служил умирающей и свидетельствовал ей о любви Божьей.

Шестнадцать женщин все время были рядом с Мартой. Они выслушивали ее жалобы и путанные речи, купали, помогали ей сесть, укладывали спать, дежурили ночами у кровати, прислушиваясь к ее дыханию. Они молились за нее, любили ее. Когда Марте становилось страшно, они всегда были готовы ее утешить. Эти женщины помогли Марте почувствовать свою значимость — она перестала ощущать себя беспомощным и ненужным созданием. Она — со всеми своими бедами и страданиями — была нужна им. Эти женщины стали для Марты олицетворением тела Христова — Церкви.

Сестрам удалось донести до девушки суть надежды всех христиан. В конце концов Марта, видя Божью любовь, явленную ей христианами, обратилась ко Христу. Она продолжала считать Бога–Отца безжалостным и даже жестоким, но отдала себя в руки Бога–Сына, Который умер за нее на кресте. Не страх подтолкнул ее к Господу — она почувствовала Его любовь. На церковном богослужении Марта засвидетельствовала о своей вере и приняла крещение.

Марта умерла в 1983 году накануне Дня Благодарения. Ее скрюченное и изуродованное тело было жуткой карикатурой на прежнюю красавицу Марту. Но когда тело отказало, Марта покинула его. Теперь она живет в новом теле. Она познала полноту и радость жизни. Она и сегодня жива благодаря той победе, которую одержал Христос. Христова победа достигла Марты благодаря женщинам из Общины Ребы. Но верим ли мы в вечную жизнь? Обладаем ли надеждой? Если наша надежда, замутненная богословскими спорами, ослабела, и мы не в состоянии нести истину корчащемуся в предсмертных конвульсиях миру, то тогда мы и в самом деле, как сказал апостол Павел, «несчастнее всех человеков» (1 Кор 15:19).

Часть 5

Что дает вера?

Глава 18

Увидеть своими глазами

Бог плачет с нами, чтобы однажды мы возрадовались вместе с Ним.
Юрген Мольтман

Любая религия, будь то буддизм, индуизм, ислам или нью-эйдж, так или иначе отвечает на вопрос о боли и страдании. Почти все, что я говорил о боли — о ее значении для организма, о том, как справляться с болью и как помогать страдальцам, — относится ко всем людям, независимо от вероисповедания. Теперь я хочу остановиться именно на христианском учении и поразмышлять над тем, что говорит о боли христианство. На что может рассчитывать верующий во Христа?

По сути, чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно вернуться к исходной точке — к вопросу «Где Бог, когда я страдаю?» Этим вопросом задавались и Клайв Льюис, и Клавдия Клэкстон, и актриса, чей возлюбленный утонул, упав за борт яхты. Этот же вопрос мучил и Джони Эриксона–Тада, и Брайана Штернберга, и узников концлагерей. Перед каждым страдальцем неизбежно встает вопрос: «Где Бог? Что Он чувствует, когда я мучаюсь? Есть ли Ему до меня дело?»

Жаворонок летит,
Улитка ползет,
Бог в небесах —
Порядок в мире.

Эти строки написаны Робертом Браунингом в середине девятнадцатого века — в эпоху безмятежного оптимизма. Но потом отгремели две мировые войны, пошли в ход атомные бомбы. Мир пережил холокост, геноцид, множество бедствий мирового масштаба. Сегодня мало кто будет утверждать, что в мире есть порядок. Хуже всего то, что Бог, по–видимому, преспокойно обитает Себе на небесах, не обращая внимания на ужасы, творящиеся на земле. Почему Он не вмешается?

Вопль работяги

Вот какие претензии высказывает в наше время Богу рядовой работник. Перед вами нехитрая история, рассказанная женой крестьянина–иммигранта. (Историю записал психиатр и писатель Роберт Коулз.)

«В прошлом году мы решили посетить церквушку в Нью–Джерси. Мы взяли с собой всех наших детей, даже грудную малышку. Священник — преподобный Джексон — его имя я точно никогда не забуду, велел нам сидеть тихо. Потом он сказал, что мы должны быть счастливы, что оказались в Штатах. Потому что христианская страна, а не какая–то там безбожная.

Тут мой муж вспылил — у него наверно разыгрались нервы. Он вскочил и начал кричать. Потом подошел прямо к священнику и велел ему заткнуться и больше не вякать. Муж кричал, чтобы священник проваливал обратно в свою церковь, где бы она ни была, и оставил нас в покое. Что мол, нечего делать вид, будто он оказывает нам милость.

А потом муж сделал самое ужасное: он взял малышку Энни, поднял ее и сунул под нос его преподобию. Он орал и вопил на священника как сумасшедший — я никогда еще не видела мужа таким. Точно не помню, что он говорил, но, видимо, о том, что наша Энни больна, а мы не можем показать ее врачу. И еще, что у нас нет денег ни на нее, ни на других детей, ни на самих себя.

А потом он поднял Энни над головой, так что она оказалась выше его преподобия, и спросил, почему бы священнику не помолиться за Энни. Почему бы ему не помолиться, чтобы Бог наказал наших хозяев–фермеров за то, что они плохо обращаются с нами — приезжими. Потом мой муж опять кричал, что Богу нет до нас дела, что Он заботиться только о «Своих».

Священник ответил мужу. Зря он начал ему перечить, ой, зря. Он сказал, что нужно выбирать слова: нельзя обвинять и ругать Бога, упрекать Его в наших несчастьях. Бог, мол, не обязан следить за тем, что делают фермеры, и что с ними происходит здесь, на земле. «Бог печется о вашем будущем», — так сказал преподобный. Я думала, что муж взорвется. Он и правда опять начал кричать, но повторял только одно слово: «Будущее! Будущее! Будущее!» А потом снова сунул Энни под нос священнику, бедная малышка расплакалась. А муж все спрашивал, какое может быть будущее у Энни, и что делал бы его преподобие с нашим «будущим», окажись он на нашем месте.

Муж сказал, что его преподобие такой же, как и все, — он наживает на нас. А потом поднял Энни высоковысоко, почти к кресту и крикнул Богу, мол, нечего священникам говорить от Его имени — пусть Он Сам спустится и увидит все Своими глазами. Нечего всяким попам — он упорно повторял слово «попы» — говорить за Него.

Муж сказал про попов и уселся на место. В церкви никто не проронил ни звука, стояла мертвая тишина. А потом кто–то сказал, мой муж прав, и все захлопали. Я совсем засмушалась».

Этот крестьянин–иммигрант как нельзя лучше обрисовал суть проблемы страдания. Больные дети, отсутствие денег и надежды на будущее — почему Бог допускает подобное? Перед этой семьей стоят не философские, а самые что ни на есть жизненные вопросы: их дочь страдает, они ничем не могут ей помочь. Неужели Богу все равно?

Никакие христианские книги не помогут семье этого крестьянина решить свои проблемы. Им требуется сострадание и любовь, а не теоретизация происходящего. Однако разъяренный отец семейства, сам того не сознавая, разгадал главный секрет христианского отношения к страданию. Держа над головой свое дитя, подняв его к кресту, он потребовал, чтобы Бог Сам спустился с небес и посмотрел, что здесь творится. Крестьянин заявил, что священники, которые прикидываются посредниками между Богом и миром, не вызывают у него доверия.

Но дело в том, что Бог однажды уже сошел с небес. Он пришел в наш мир человеком, Он познал все тяготы этого мира. И нам нечего было бы ответить этому крестьянину, если б не было Воплощения.

Честно и по правилам

Герои Ветхого Завета, такие как Иов или Иеремия, иной раз спрашивали Бога, не заткнул ли Он уши, чтобы не слышать их стенаний. Иисус раз и навсегда положил таким сомнениям конец. Бог не затыкает ушей. Напротив, Он обрел человеческие уши — с барабанными перепонками и ушными раковинами. На пыльных дорогах Палестины Сын Божий Своими ушами слышал плач и стоны больных и нищих, вздохи отчаяния мучимых чувством вины.

Взгляните на жизнь Христа свежим взглядом. Он — единственный в истории, Кто мог планировать Собственное рождение. И Он сделал выбор: умалил Себя и променял небесное совершенство на немощную плоть. Он облекся в кровь, мышцы и сухожилия, хрящи и нервные клетки. В Библии сказано, что нет такого искушения, которого не перенес бы Иисус. Он познал одиночество, усталость, голод. Он противостоял дьяволу. За Ним ходили толпы людей, жаждущих чуда. Его преследовали враги, желавшие Ему смерти.

В Библии есть лишь одно описание внешнего вида Иисуса. Оно записано задолго до Его

рождения в книге пророка Исайи: «Нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис 53:2–3).

Когда Иисус только начал Свое служение, народ откровенно смеялся над Ним: «Из Назарета может ли быть что-то доброе?» (Ин 1:46). Шуточка не новая: мол, Иисус — деревенщина, чудака из Назарета. И Он вел Себя соответственно: якшался с отверженными — прокаженными, проститутками, мытарями, калеками, откровенными грешниками.

Соседи выгнали Иисуса из родного города, хотели Его убить. Родственники сомневались в Его здравомыслии. Тогдашние правители надменно утверждали, что никто из властей и духовенства Его не признает. Его последователи — разношерстная компания, в основном рыбаки и крестьяне. Работяги–переселенцы чувствовали бы себя рядом с Ним в своей тарелке. Но в конце концов даже ученики Иисуса оставили Его. Народ променял Его жизнь на жизнь разбойника.

Ни в одной другой религии Бог по собственной воле не принимает образ твари — немощной и страдающей, не становится одним из нас. Английская романистка Дороти Сейерс пишет:

«Неважно, почему Бог сотворил человека именно таким — немощным, не защищенным от лишений, страданий и смерти. Но у Бога достало мужества и честности влезть в шкуру тварного существа. В какую бы игру Бог не играл со Своим творением, Он играет честно и по правилам. Он не требует от человека того, чего не взыскал бы с самого Себя. Бог знает все тяготы человеческой жизни — от бытовых и семейных неурядиц, нехватки денег и утомительного труда до вопиющих унижений мук, отчаяния, поражения и смерти. Когда Бог был человеком — Он был им на самом деле. Он родился в бедности, умер в позоре и считал, что земная жизнь прожита не зря».

То обстоятельство, что Иисус пришел на землю, чтобы пострадать и умереть, не облегчает нашей участи. Но оно показывает: Бог вовсе не восседал праздно на небесах, безучастный к нашим страданиям. Он пришел к нам и стал одним из нас. Во Христе Иисусе Бог показал, как Он воспринимает наши беды и муки. Поэтому все вопросы о Боге и страдании следует преломлять через призму наших знаний об Иисусе Христе.

Как воплотившийся Бог реагировал на людскую боль? Встретив человека в беде, Он проникался к нему глубоким состраданием. Сказал ли Он хоть раз: «Голоден? Потерпишь!» Или: «Хватит хныкать — беда, видите ли, у него случилась!» Когда умер Лазарь, Иисус плакал. А сколько раз Он исцелял просивших об исцелении? Иногда ради исцеления Ему приходилось нарушать вековые традиции и религиозные запреты. Так было, когда Он исцелил женщину, страдавшую кровотечением или прокаженных.

Глядя на Иисуса, можно быть уверенным: Бог не испытывает удовольствия от созерцания наших бед. Не думаю, чтобы учеников Христа мучил вопрос: «Есть ли Богу дело до людей?» Каждый день они видели живое свидетельство заботы Бога — с ними был Иисус.

Когда вочеловечившемуся Богу предстояло принять страдание, Он повел Себя очень по-человечески. Он пытался избежать мук, трижды вопрошал Бога, нет ли другого пути. Но другого пути не было. И тогда Иисусу пришлось — наверное, впервые в жизни — испытать чисто человеческое чувство полного одиночества: «Боже Мой, Боже Мой! Дли чего Ты Меня оставил?» Читая евангельские описания последней ночи Иисуса, я видел, как яростно Он боролся со страхом, беспомощностью и безнадежностью. Он прошел все круги страдания, которые проходим и мы с вами.

Земная жизнь Христа раз и навсегда закрывает вопрос о том, как Бог относится к нашим страданиям, что Он чувствует. Ответ Бога — это не мудрые слова и не новая философия боли. Его Ответ — Он Сам. Философия способна многое объяснить, но ничего не может изменить. Евангелие, история жизни Иисуса, обещает нам дивные перемены.

Крест

Любовь крепка, как гвозди. Любовь и есть гвозди:

Тупые, толстые гвозди, пробившие плоть Того, Кто создал нас, прекрасно зная, что Он творит, И до конца видя и наш, и Свой крест.

К.С. Льюис. Любовь тепла, как слезы

У нас есть один символ, который всегда напоминает об Иисусе Христе — это крест. Сегодня золотой крестик можно увидеть и у спортсмена, и у красивой женщины. Но ведь в древности крест был орудием казни. Зачем переиначивать жестокую реальность истории? Казалось бы, с таким же

успехом мы можем носить ювелирные украшения в форме крохотного электрического стула, миниатюрной газовой камеры или шприца.

Но на самом деле крест, универсальный символ христианства, напоминает нам о том, что Бог знает о наших страданиях и бедах не понаслышке. Он в муках умер на кресте. Ни у какой другой религии, кроме христианства, нет столь уникального символа. В разных религиях много богов, но лишь Бог христиан настолько возлюбил мир, что стал одним из нас и умер.

Сердца телезрителей сжимаются, когда в новостях передают о гибели скаковой лошади или тигренка в зоопарке. А вот подробности казни Иисуса — бичевание, терновые шипы, медленная пытка на кресте — стали для нас настолько привычны, что уже не вызывают ни ужаса, ни содрогания. А ведь в отличие от современной казни, быстрой, совершаемой без лишней огласки, исполнение приговора над Иисусом тянулось много часов и происходило на глазах у глумившейся над Ним толпы.

В тот день все обещания Иисуса показались людям пустыми. Этот человек — царь? Это шут, а не царь. И корона на Нем из терна. Кто-то накинул на Него «царскую» багряную накидку, и она вся пропиталась кровью, которая сочилась из ран от ударов плети.

И это — Бог? Даже ученики, которые ходили с Ним три года, не поняли сути происходящего. Они смешались с толпой, боясь, как бы их не обвинили в принадлежности к подданным «мнимого царя». Надежды на сильного правителя, который избавил бы народ от бедствий и страданий, не оправдались.

Смерть Иисуса — краеугольный камень христианской веры, важнейшее событие Его пришествия. В Евангелиях о нем рассказывается во всех подробностях. Во времена земного служения Иисус много говорил о Своей смерти, предсказывая ее то полунамеками, то прямо и однозначно. Но все Его пророчества так и остались непонятыми, пока не пришел Его крестный час. Как же решает проблему боли и страдания христианство — религия, центральным событием которой является крестная смерть Самого Бога?

Апостол Павел назвал крест камнем преткновения для многих, и история подтвердила его слова. Еврейские раввины недоумевают: почему Бог, Который не позволил принести в жертву сына Авраама, допустил смерть Собственного Сына? В Коране сказано: Бог слишком любил Иисуса и не позволил Ему умереть, Бог сделал так, что на кресте вместо Иисуса умер злодей. Известный американский телеведущий Фил Донахью так обосновывает свои претензии к христианству: «Почему всеведущий и преисполненный любви Бог позволил, чтобы Его Сына распяли на кресте во искупление моих грехов? Если Бог—Отец исполнен милосердия, почему Он не спустится и не отправится на Голгофу Сам?»

Все эти возражения упускают из виду суть Евангелия — Бог к нам спустился. Непостижимым образом Он пришел на землю и умер. Бог не наблюдал сверху за тем, что происходило на земле. Бог пребывал *во Христе*. И во Христе Он примирял с Собою мир. По словам Мартина Лютера, на кресте «Бог боролся с Богом». Будь Иисус просто человеком, Его смерть доказала бы лишь одно: Бог жесток. Но Иисус был Сыном Божиим, и этот факт доказывает, что Бог полностью отождествил Себя со страдающим человечеством. На кресте Бог взял на Себя весь ужас страданий нашего мира.

Для кого-то образ бледного тела на кресте — это символ поражения. Смерть — значит все кончено. Разве благ Бог, Который не помог Своему страдающему Сыну? Но прислушайтесь! Не кричит ли нам Бог с креста: «Я люблю вас!»? На кресте вся любовь мира сошлась воедино. Она явлена нам в отчаянно одинокой распятой Фигуре. Иисус говорил, что Ему достаточно сказать слово, и ангелы Его спасут. Но Он соглашается обойтись без ангельской помощи — из любви. Там, на Голгофе, Бог полностью подчинился Собственным нерушимым правилам справедливости.

Так крест — камень преткновения для одних — становится краеугольным камнем христианской веры для других. Рассуждения о том, как Бог относится к боли и страданию, неизбежно ведут к кресту. В конце книги Иова на вопрос о страдании Бог отвечает ошеломляющей лекцией — лекцией о Своем могуществе и силе. После Голгофы акцент смещается: на первое место выходит не сила, а любовь:

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»

(Ии 3:16).

«Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?»

(Рим 8:31–32)

Почему это важно

Однажды мне довелось разговаривать со священником, только что вернувшимся с похорон восьмилетней девочки. Девочка умерла от рака. Все прихожане больше года усиленно молились за исцеление девочки, но тщетно: болезнь победила. Похороны стали для священника настоящим испытанием — он был на пределе душевных и физических сил, его вера была поколеблена. «Что мне сказать людям? Мне нечем их утешить, мне нечего им сказать», — признавался он. Но потом, призадумавшись, добавил: «У меня нет слов, чтобы облегчить их скорбь. Но у меня есть ответ. Этот ответ — Христос».

Смерть и воскресение Иисуса Христа являются ответом практическим, а не абстрактно-богословским. Я извлек для себя по крайней мере четыре урока, которые во многом повлияли на мое отношение к страданию.

Я научился смотреть на настоящее сквозь призму будущего.

Один мудрый человек, Джо Бейли, как-то сказал: «Не забывай в темноте ночи о том, что узнал при свете дня». Но бывает, что тьма сгущается настолько, что мы едва ли помним, каков он — свет. Ученики Христа прочувствовали это состояние в полной мере.

На последней вечере, в минуты предельной близости с учениками, Иисус сделал громкое заявление: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16:33). Можно представить, как после этих слов, сказанных Самим Богом во плоти по спинам одиннадцати пробежали мурашки восторга. В эту минуту они, как один, готовы были с радостью отдать за Иисуса жизнь. В ту же ночь Петр схватился за меч, защищая Господа.

Однако к следующему утру все одиннадцать утратили веру. Слова, сказанные прошлым вечером, должно быть, эхом отдавались в их ушах, когда они издали смотрели, как умирает на кресте их Учитель. Казалось, мир одержал над Богом полную победу. Ученики разбежались из Гефсиманского сада, а Петр даже поклялся, что не знает Христа.

Дело в том, что ученики не видели будущего. Воспоминания о Свете, Который пребывал с ними, рассеялись как дым. Но буквально через несколько дней их озарил новый свет — Пасха. Тогда-то они и узнали, что Богу не страшна никакая тьма. Они поняли, что значит смотреть на настоящее через призму будущего. Новая надежда воспламенила их сердца: и боязливые изменили мир.

Добрая половина мира отмечает в наши дни Страстную Пятницу и Пасху. В западных странах Страстную пятницу называют «Благой». Она стала Благой благодаря тому, что случилось в Пасхальное воскресенье. Пасха дает надежду всем христианам: в один прекрасный день Бог придет и восстановит Свое Царствие на земле. Тогда Пасхальное чудо охватит весь мир.

Если мы оказываемся во тьме, если знакомый мир рушится, вспомните, что мы живем в канун Пасхи. Апостол Павел выразил эту мысль так: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим 8:18). Полагаю, что Иисус неслучайно произнес слова «Я победил мир» именно в те минуты, когда римские солдаты готовились Его арестовать. Иисус видел настоящее через призму будущего.

Я узнал, что боль может обратиться во благо.

В христианских доктринах содержится много парадоксов, которые так и останутся загадкой, если рассматривать их вне контекста жизни и смерти Иисуса Христа. Об одном парадоксе я уже упоминал: с одной стороны, бедность и страдания — это «плохо», я борюсь с ними всю жизнь; с другой стороны, они выливаются в благословение. Более того, нищие и страждущие названы блаженными. Подобное превращение зла в добро, а плохого в хорошее во всей полноте явлено во Иисусе Христе. Он взял на Себя боль и страдания, тем самым прославив их. Он явил нам пример, указал путь.

В Иисусе Христе мы имеем идеальный пример библейского отношения к страданию. Я теперь никогда не скажу о человеке, что он страдает из-за своего греха. У меня есть пример Христа: Он был безгрешен и страдал. Бог не обещал нам, что ураганы обойдут стороной наши дома и обрушатся на дома соседей-язычников. Бог ничего не сказал о том, что, едва попав в организм христианина, вредоносные микробы сами собой погибнут. Мы не избавлены от скорбей этого мира, равно как не избег их и Христос. Вспомните, как строго упрекнул Спаситель Петра, когда тот стал возражать против необходимости страданий (Мф 16:23–25).

Мы воспринимаем боль, как беспорядок. Иисус относился к ней так же. Поэтому Он и

совершал чудеса исцеления. В Гефсиманском саду Он не говорил: «Господи, благодарю Тебя за возможность пострадать». Нет, Иисус отчаянно молился об избавлении от мук. Однако Он по своей воле пошел на мучения, пошел ради достижения высшей цели. В конце молитвы Он задал все Свои мучительные вопросы и доверился воле Отца, понимая, что Бог силен обратить во благо даже смерть Своего Сына.

Корнелий Платинга—младший пишет: «Мы не отсылаем друг друга ко кресту, чтобы найти объяснение злу. Размышления о Голгофе не помогут понять, почему ты заболел раком кожи. Нет, мы поднимаем ко кресту глаза, ибо ждем оттуда помощи. Взглянув на крест, мы видим, что Бог разделяет нашу скорбь — а значит Ему можно доверять». Самое худшее, что могло произойти — страшную смерть Своего безвинного Сына — Бог превратил в окончательное торжество над смертью и злом. Такова суть Бога. Он — Созидатель. Божий промысел поставил злой умысел на службу добру, даровав нам всем великое обетование и надежду. Немыслимые крестные страдания обратились в наше торжество: ранами Иисуса мы исцелились (Ис 53:5), Его немощь дала нам силу.

Что изменилось бы в мире, приди Иисус в образе Супергероя, Которому не страшна боль? А что если бы Он не умер на кресте — во время разговора с Пилатом просто взял и вознесся бы на небеса? Но нет, смиренно разделив наш удел, приняв на Себя худшую долю, Иисус дал нам надежду на то, что Бог преобразит и наши страдания — как преобразил Его. Смерть и Воскресение Христа дают нам основание верить: никакое испытание — будь то болезнь, крушение семьи, потеря работы, банкротство или другое горе — не окажется сильнее преобразующей силы Бога.

В Евангелиях лишь раз упоминается о том, что ученики называли Иисуса Господом — но уже после Его смерти и воскресения. Об этом сказано в конце Евангелия от Иоанна. Все ученики поверили в то, что Христос воскрес. Не поверил лишь Фома. Фоме нужны были доказательства. Он стоял на том, что не поверит, пока своими руками не дотронется до ран на теле Христа. И вот в помещении с запертыми дверями появляется Иисус и показывает Фоме Свои раны. «Господь мой и Бог мой!» — восклицает Фома (Ин. 20:28). Раны Христа стали для него доказательством чуда из чудес — Воскресения.

Я постиг новый, глубинный смысл страдания.

В ветхозаветные времена несчастье ранило верующих вдвойне: тогда считалось, что Бог вознаграждает верных покоем и достатком. В новозаветные времена картина меняется. Апостол Петр наставляет страдающих христиан: «Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет 2:20, 21).

Страдание приобретает смысл, если рассматривать его в свете евангельской вести — как крест, который призван нести каждый, кто следует за Христом.

Пусть Иисус не всегда освобождает нас от страданий, но Он наполняет их смыслом: они становятся частью Его страданий. Мы помогаем осуществлять Божий план спасения мира и становимся соработниками, сопричастниками Бога.

Вот что пишет капеллан, который последние месяцы второй мировой войны служил на Тихоокеанском флоте США: «Вторая дивизия участвовала во многих сражениях и понесла большие потери. Но мне не встретился ни один солдат или офицер, который усомнился бы в исходе войны. Не было и военнослужащих, которые задавались бы вопросом, почему победа не приходит немедленно, если и так ясно, что союзники в конечном итоге победят. Да, победа уже виднелась на горизонте, но до нее еще предстояло дойти, слолив последнее сопротивление врага».

Возможно, человеческие страдания и потери есть не что иное, как наше участие в Христовых страданиях. В мире идет грандиозная битва, от исхода которой зависит судьба всего творения. А на полях сражений без боли и потерь не обойтись.

Апостол Павел заявляет, что на кресте Иисус Христос одержал триумфальную победу над силами зла. И победу Ему принесла не сила, а жертвенная любовь. Крест Христов однозначно свидетельствует об исходе великой битвы, но сражение еще не закончилось. И вот Павел стремится к тому, «чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Флп 3:10). Он хотел во всей полноте стать сопричастником земной жизни Иисуса Христа — и в страдании, и в радости.

При такой постановке вопроса мы видим: наши потери в духовных битвах — это проявления воинской доблести, за которые в один прекрасный день мы будем вознаграждены. В этой жизни нам не дано до конца понять значение всех наших поступков: очень многое вершится незримо. История распятия Христа подтверждает этот вывод. То, что две тысячи лет назад выглядело, как рядовой акт

жестокого колониального «правосудия», свершившийся на окраине Римской империи, стало центральным событием в истории человечества и принесло спасение всему миру.

В каких случаях страдания обретают новый смысл? Когда в Южной Африке священник в знак протеста садится в тюрьму. Когда социальный работник переезжает в трущобы, где живут его подопечные. Когда супруги продолжают бороться за сохранение брака, который трещит по швам. Когда отец с надеждой и готовностью простить ожидает возвращения блудного сына. Когда молодой врач не поддается соблазну быстрого успеха и обогащения и едет лечить людей в какой-нибудь медвежий угол. Подобные муки всегда имеют особый смысл — наши малые и большие битвы вливаются в генеральное сражение и победу Христа. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Рим 8:19).

Я обрел уверенность в том, что Бог понимает меня и мне сострадает.

Благодаря свершенному Иисусом Христом мне не приходится кричать в пустые небеса: «Эй, Ты там, наверху! Есть Тебе до меня дело или нет?» Если в мою жизнь вошло страдание, это не значит, что Бог меня оставил. Бог жил в нашем мире, и это убеждает меня в том, что Он слышит наши стенания. Более того — Он стенает вместе с нами. Мы проходим через горнило испытаний — Он пребывает рядом с нами, подобно четвертому человеку в раскаленной печи Навуходоносора (Дан 3:92).

Зачем нужно было Иисусу страдать и умереть? Этот вопрос заслуживает отдельной книги, хотя на эту тему уже написано множество книг. Среди всевозможных ответов Библия предлагает нам и самый загадочный: страдание стало для Бога «научением» — «воспитанием навыка». Мои слова могут показаться еретическими, но я следую непосредственно тексту Послания к Евреям.

Оно было адресовано иудеям, воспитанным в духе Ветхого Завета. Автор стремится показать им, что Иисус превыше всего, что было раньше. Эта мысль красной нитью проходит через все Послание. Чем же Иисус превосходит религиозную систему, которая так много значила для иудеев? Может, Он обладает большей властью? Нет, апостол говорит совсем о другом: Иисус выше, потому что Он стал мостиком через пропасть, зиявшую между людьми и Богом. Вот что пишет автор Послания Евреям: «Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию» (Евр 5:8). В другом месте говорится, что Вождь нашего спасения через страдания достиг совершенства (Евр 2:10).

Эти слова полны непостижимой тайны, но из них ясно: вочеловечение Бога — значительное событие не только для нас, но и для Самого Бога. Главная движущая сила человеческой истории — желание Бога до конца понять нас. С одной стороны, Бог, Который создал нервную систему со всеми ее сигналами, хорошо понимает, что такое боль. С другой стороны, способен ли Он, бестелесный Дух, ощутить эту боль? До вочеловечения это было невозможно. Только обретя тело, Бог познал, каково это — быть человеком.

За тридцать три года человеческой жизни Бог в полной мере узнал вкус лишений, одиночества и предательства. Он узнал, как больно, когда тебя хлещут по лицу, когда плоть с металлическими шипами сдирает кожу со спины, когда грубые гвозди пронзают мышцы и крушат кости. Сын Божий изведal боль сполна.

Пусть нам и непонятно, каким образом Бог может воспринять что-то иначе, чем воспринимал раньше, но благодаря Иисусу Бог сейчас воспринимает наши стенания по-другому. Автор Послания к Евреям в изумлении признает: Бог прошел через все испытания, которые выпадают на нашу долю. «Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр 4:15).

Мы имеем Первосвященника, Который, окончив «высшую школу страдания», может «снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью» (Евр 5:2). Благодаря Иисусу Христу Бог понимает нашу боль. Наши слезы становятся Его слезами. В страданиях мы не одиноки. Ни отец больной малышки, ни умирающая от лейкемии девочка, ни скорбящие семьи подростков, погибших в городе Юба, ни прокаженные из Карвилля — никто не страдает в одиночку.

Томас Элиот написал в поэме «Ист Коукер», вошедшей в цикл «Четыре квартета»:

Распятый врач стальным ножом
Грозит гниющей части тела;
Мы состраданье узнаем
В кровоточащих пальцах, смело
Берущихся за тайное святое дело.

Жизнь похожа на операцию — бывает так же нестерпимо больно. Но мне легче переносить эту боль, если я знаю, что мой врач — это Врач Распятый, и что Ему ведома всякая боль и всякая скорбь.

Глава 19

Члены тела Христова

Познавший боль и страдания обычно не спешит произнести избитые слова утешения. Соприкосновение с тайной страдания выводит человека из области пустого мудрствования и ведет его к молчанию и сдержанности: подлинное утешение не облечь в слова, его можно выразить только единением со страдальцем.

Джон Ховард Гриффин

Все три года Своего служения Сын Божий был доступен людям. Каждый мог прийти к Нему со своими бедами и горестями. Каждый мог следовать за Ним и видеть, как Он относится к больным и нуждающимся. Каждому было ясно: Богу есть дело до его страданий.

Но Иисус не остался на земле. Вот уже две тысячи лет Церковь существует без Его зримого присутствия. Нельзя прилететь в Иерусалим и записаться на прием к Спасителю. Что же нам делать? Как ощутить любовь и сострадание Бога сегодня?

Авторы Нового Завета, еще не до конца свыкшиеся с мыслью, что Иисуса с ними больше нет, уделяют этому вопросу особое внимание. Они дают нам две подсказки.

Первую мы находим у апостола Павла: «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8:26). Евангелия открывают нам Бога, Который всегда рядом, Который стал одним из нас, Который Своими ушами слышал людские стенания. Из Посланий Павла перед нами предстает иная ипостась Бога — Бога внутри нас, невидимого Духа, обитающего в наших сердцах и способного понять и выразить всю нашу боль.

Поскольку я пишу о страдании и о разочаровании в Боге, мне приходят письма, в которых люди изливают свои горести. Мне хорошо знакомо ощущение полной беспомощности: порой после прочитанного я даже не знаю, о чем и как молиться. Я думаю, что каждый верующий сталкивался с подобным состоянием. Как, например, молиться о супругах, чьи отношения зашли в полный тупик? Как молиться о матери, чей ребенок болен неизлечимой формой рака? Как молиться о брошенной в тюрьму непальской христианке? О чем просить? Какие слова говорить?

Приведенный выше отрывок из Послания к Римлянам сильно облегчает наш молитвенный труд: не нужно мудрить, не нужно подбирать слова для молитвы. Порой достаточно плакать и вздыхать перед Богом. Когда я читал эти слова Павла, мне на ум пришел образ чуткой матери, без слов понимающей своего младенца. Я знаю опытных матерей, которые способны сразу понять, отчего плачет ребенок — от голода или от недостатка внимания, от боли в ухе или в животике. Для меня все детские крики совершенно одинаковы, а мать сердцем распознает значение каждого писка своего малыша.

Святой Дух настолько чутко прислушивается к голосу наших сердец, что с Ним не сравниться ни одна, даже самая мудрая и чуткая мать. Павел говорит, что Дух Святой обитает внутри нас и понимает те наши нужды, которые сами мы не осознаем. Дух способен выразить их на недоступном нам языке. Когда мы не знаем, что сказать Богу, Дух Святой находит нужные слова. Получается, что наша полная беспомощность дает Богу возможность проявить Себя, и это доставляет Ему радость. Наша немощь пролагает дорогу для Его силы.

Иисус говорил ученикам: им будет лучше, если Он их покинет. Он предвосхищал новые проникновенные отношения с любящим Богом, Который отныне будет жить в сердцах. «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам» (Ин 16:7). Теперь Дух Святой обитает в нас — такова печать, Которой Бог запечатлевает Своих. Дух Святой — залог, гарантия того, что впереди нас ждет нечто лучшее.

Однако Дух Святой — это все-таки дух: Его не увидеть, к Нему не прикоснуться, Он — как дуновение ветра. Где-то в необозримом будущем нас ожидают небеса, но как быть сейчас? Как зримо увидеть Божью любовь, как ощутить ее физически здесь, на земле?

Вторая подсказка Нового Завета касается присутствия на земле Тела Христова. Этот образ исполнен тайны. В Новом Завете Тело Христово упоминается более тридцати раз. Павел употребляет это понятие, говоря о Церкви. После Вознесения дело, начатое Христом, предстояло

вершить несовершенным и неумелым людям. Иисус взял на Себя роль Главы Церкви, а все остальные функции — рук, ног, ушей, глаз и голоса — передал Своим еще неопытным ученикам, а вместе с ними — и нам. Французский поэт Поль Клодель так описал эти перемены: «С момента Своего воплощения Иисус желал лишь одного: снова жить человеческой жизнью. Поэтому Он хотел, чтобы у Него было множество лиц, в каждом из которых Он проживал бы жизнь заново» (1).

Если внимательно перечитать все четыре Евангелия, то становится ясно: таков был замысел Иисуса с самого начала. Он знал, что Его земное время коротко, и говорил о тех задачах, которые предстояло выполнить уже после Его смерти и Воскресения: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18).

Иисус стал невидимым Главой огромного Тела, в котором много членов — и это по-новому определяет наше отношение к страданию. Иисус доверил нам утешать страждущих и помогать им. Само понятие Тела Христова ясно говорит о нашей главной задаче: являть миру Христа, нести утешение нуждающимся в нем.

Наверное, апостол Павел об этом и думал, когда писал: «Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор 1:3–5). В своем служении Павел постоянно придерживался этой заповеди. Он собирал средства для голодающих, он посылал помощников туда, где возникали неурядицы. Всякий дар от верующих Он принимал, как дар от Самого Господа Бога.

Боль объединяет

Что объединяет части тела в единый организм? Эффективнее всего это делает болевая система. Если я поранил палец, то болевая система дает мне понять: палец на ноге очень важен для всего тела, он принадлежит мне, и мне нужно о нем заботиться. Если мне случайно наступили на палец, я скорее всего крикну: «Поосторожней, это я!» Я безошибочно пойму, что часть моего тела в опасности — об этом мне сообщат болевые рецепторы. Боль очерчивает границы моего тела — где я, а где уже не я.

Известно, что волк, попавший в капкан способен отгрызть себе онемевшую на морозе лапу. Обморожение нарушает ощущение цельности тела — волк перестает признавать лапу своей.

Помните, я рассказывал о малышке, которая отгрызла собственный пальчик? Не ощущая боли, кроха понятия не имела, что палец — часть ее тела, которую нужно защищать. Больные, потерявшие чувствительность, вынуждены постоянно следить за состоянием своих конечностей.

Работая с доктором Брэндом, я остро осознал ценность болевых ощущений. Боль для организма жизненно необходима. Вот в теле прозвучал болевой сигнал о вторжении. И тут же красные и белые кровяные клетки устремляются к месту, откуда раздался сигнал тревоги. Организм срочно сворачивает все второстепенные процессы и все силы бросает на лечение раны. Боль является пусковым механизмом слаженного, энергичного взаимодействия всех систем тела.

Боль — сигнал, который заставляет меня оставить все дела и обратить внимание на поврежденную часть тела. Если я потянул мышцу, боль вынуждает меня прервать игру в баскетбол. Если я натер ногу, боль заставляет меня надеть другую обувь. Если мой желудок ноет, боль заставляет меня поспешить к врачу. Короче говоря, здоровое тело — это тело, которое всегда быстро и четко передает мозгу болевые сигналы.

Нам, входящим в Тело Христово, следует поучиться у человеческого тела, как реагировать на боль, появившуюся у того или иного члена. Тогда мы сможем стать подлинным воплощением воскресшего Христа.

Для доктора Пола Брэнда эта мысль стала ключевой в созданной им философии.

«Чтобы многоклеточные организмы смогли появиться на свет, отдельным клеткам нужно было отказаться от автономии и научиться быть вместе, страдать друг за друга. Творец задумал и создал высшую расу многоклеточных существ — человечество. Человек обладает способностью осуществлять высокие цели. Но для достижения целей требуются совместные усилия людей. И вот уже не только отдельные клетки тела взаимодействуют друг с другом — люди, тесно связанные с Богом, вступают в отношения, построенные на взаимной ответственности.

В человеческой общине, как и в теле, ключевым условием гармонии является способность ощущать боль. Сколько радости приносит гармоничная работа человеческого организма! Если же взять отношения между мужчиной и женщиной, то в них присутствует масса неполадок. Человеческое общество страдает из-за того, что недостаточно страдает.

Как много горя мы приносим миру из-за собственного эгоизма: очень часто одного

человека совершенно не волнует, что рядом с ним страдает другой! Если в теле одна клетка начинает разрастаться за счет остальных клеток, мы называем это раковой опухолью. Мы прекрасно знаем: если позволить этим клеткам расти, организм умрет. Но если каждая клетка тела будет строго подчиняться высшим регуляторным центрам, рак в организме не возникнет. Бог призывает нас поучиться у низших существ. Следует двигаться к более высокому уровню развития, чтобы стать сопричастниками нового сообщества, которое Бог готовит для спасения мира».

Крик и шепот

Конечно, если избегать людей, которым нужна помощь, жить будет проще. Но для христианина служение нуждающимся — святая обязанность, поручение данное ему Самим Богом. И вы, и я, и все верующие являем собой Тело Христово и призваны поступать, как и Он — идти к тем, кто испытывает боль и лишения. Именно так действовал Бог на протяжении всей истории.

Ближний Восток, Южная Африка, Северная Ирландия — это болевые точки на Телу Христа. Из этих стран доносится крик. Скандалы, в центре которых стоят священнослужители. Нищета в странах третьего мира. Слышим ли мы эти крики боли? Хотим ли их услышать? Отвечаем ли на них? Или мы постепенно теряем чувствительность и перестаем обращать внимание на болевые сигналы, а в результате жертвуем какой-то частью Тела Христова? И ведь не все крики боли доносятся издалека. В каждой церкви, на каждом предприятии, в каждой семье всегда есть страдающие. Откликаемся ли мы на нужды безработных, разведенных, вдов, больных, лежащих больных, бездомных и престарелых?

На протяжении многих веков христианская Церковь — Тело Христово — совершала неоднозначные поступки. Порой казалось, что Церковь самоуничтожается. Вспомним хотя бы инквизицию или религиозные войны. Оставляя верующему человеку свободу, Христос, тем не менее, возлагает на него поручение — нести миру Божью любовь. Несмотря на все ошибки, Церковь выполняла свою миссию. В каждом крупном городе США есть медицинские учреждения с христианскими названиями: больницы Христа, Девы Марии, Доброго Самарянина, Лютеранская, Баптистская. Все эти заведения, даже те, которые сегодня стали коммерческими и чисто светскими, были в свое время основаны верующими, убежденными в том, что исцеление больных — их призвание.

В Индии христиане составляют менее трех процентов населения, но на их долю приходится восемнадцать процентов всей оказанной в стране медицинской помощи. Для индийского крестьянина, который, может быть, никогда и не слышал об Иисусе Христе, слово «христианин» ассоциируется в первую очередь с местной больницей или медицинским фургончиком, который раз в месяц приезжает в деревню. Помощь оказываются бесплатно — ради Христа. Конечно, это не сама проповедь Евангелия, но прекрасное ее начало.

В западных странах проблем с оказанием медицинской помощи нет — этим занимаются специализированные службы. Однако там появилась другая проблема, которая особенно остро стоит в крупных городах, — проблема бездомных. Откликнется ли общество на крик боли, который исходит от миллионов бездомных людей — со скамеек в городских парках, из-под мостов, от тепловых трасс, где они ночуют? Церковь и здесь оказалась в первых рядах — она организует приюты и передвижные кухни для бездомных.

А вот личное свидетельство целительного прикосновения Тела Христова. Мне переслали копию письма, написанного женщиной из Гранд Рапиде. Ее муж, известный церковный музыкант, умер от амиотрофического латерального склероза (АЛС). Жена ухаживала за ним в течение семи лет до самой его смерти. Через год после его кончины вдова разослала письмо с благодарностью тем верующим друзьям, которые ей помогали. Она писала:

«Когда восемь лет назад у Нормы появились первые признаки заболевания, вы окружили нас любовью и заботой. Сколько записок и открыток мы получали! Открытки были и забавными, и глубокими, они несли нам тепло и заботу, они были дороги нам.

Вы приходили, звонили по телефону... А какие изумительные блюда вы для нас готовили! Вы питали не только наши тела, но и согревали наши души. Вы ходили за покупками и выполняли массу других домашних дел. Откладывая свои домашние дела, вы шли к нам, чтобы помочь с нашими: подметали дорожки, ходили на почту, выносили мусор. Мы не были отрезаны и от церковных собраний: вы записывали для нас проповеди на пленку. А сколько мы получали подарков! Их невозможно сосчитать, и все они согревали наши сердца.

Вы оказывали нам медицинскую помощь, и даже ухитрились залечить мужу зуб прямо на дому. Вы придумывали всякие приспособления, которые облегчали нашу жизнь. Вспомните «жилет для кашля» или «тревожную кнопку», которой Норм пользовался до самых последних дней. Вы делились с нами стихами из Писания. Среди вас была группа молитвенников, которые постоянно

молились о тех, кто регулярно приезжал к нам, чтобы делать Норму дыхательные процедуры. Вы дали моему мужу возможность по-прежнему ощущать себя в музыкальной среде — и церковного служения, и музыкальной жизни в целом.

А как вы за нас молились!!! День за днем, месяц за месяцем, год за годом! Ваши молитвы удерживали нас на плаву, помогали преодолеть особенно тяжелые периоды, давали силы, которых по-человечески нам неоткуда было взять. Благодаря вашим молитвам, мы не ослабевали в молитвах своих. Придет день, когда мы узнаем, почему Бог не исцелил моего мужа здесь, на земле. Но одно мы знаем точно: Норм прожил гораздо дольше, и ему было намного легче, чем обычно бывает при АЛС. Мне кажется, чтобы выразить наши чувства к вам, недостаточно даже слова «любовь»!»

Я мог бы вернуться к четвертой части этой книги, где говорится о том, как справиться с болью. Я мог бы показать, что друзья этой женщины выполнили все мои советы по велению собственного сердца. Своей заботой и вниманием они явили ей заботу и внимание Бога. Благодаря их любви и поддержке стойкую женщину не мучили сомнения в Божьей любви. Она ощущала любовь Бога через чуткое прикосновение членов Его Тела — членов ее церковной общины.

Носите бремена друг друга

Прислушайтесь к словам человека, который знает, что такое единство Тела Христова: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор 11:29). Или: «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле» (Евр 13:3).

Давайте послушаем другой голос, голос Джона Донна:

«Церковь есть Церковь вселенская, соборная — и таковы ее деяния. Все, творимое ею, — всеобщее достояние. Крестит ли она младенца — и я вовлечен в это крещение, ибо через крещение сочетается он с Водительницей, которая и моя Водительница. Через крещение он сливается с Телом, одним из членов которого являюсь я. Погребает ли она мужа — это погребение трогает меня: все человечество — создание Одного Автора, оно — единый том...

...Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий — часть континента; и если море смоем утес, не станет ли меньше вся Европа: меньше — на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом. Смерть каждого человека умалет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе».

Библия говорит нам, чтобы мы носили бремена друг друга. Это наука страдания, которую мы способны освоить. Пусть не каждый согласится, что его боль — дар. Пусть кто-то обвиняет Бога в несправедливости. Но факт остается фактом: скорбь и боль — наши спутники в этой жизни, и мы волей-неволей должны с ними справляться. Как Иисус откликнулся на страдания этого мира? Он брал на Себя бремя тех, с кем соприкасался. Если мы — Его Тело, воплощение Его любви и заботы в этом мире, то обязаны следовать Его примеру.

Образ Тела — образ Божьего присутствия на земле. Иногда Его присутствие проявляется явно через чудеса, дарованные страдальцам сверхъестественной силой. Но чаще Он доверяет выполнение Божьих замыслов в этом мире нам, Своим соработникам. Мы призваны жить на земле *так*, как жил бы Христос: не только рассказывать людям о Нем, не отсылать их со всеми их проблемами к Богу, но еще и бороться за справедливость, молиться о милости и страдать со страдающими.

Писатель из Южной Африки Алан Пейтон, автор книги «Плачь, любимая страна», рассказывает о Франциске Ассизском — человеке, который стал подражателем Христа. Один из переломных моментов в жизни Франциска таков: богатый юноша Франциск, тогда еще Бернардони, скакал на коне и увидел на обочине дороги прокаженного. В тот период Франциск был ожесточен против Бога. Вид прокаженного вызвал у него гнев и отвращение. Однако в глубине души у него вдруг возникло совсем другое чувство, которое перекрыло ожесточение. Он спешил, подошел к несчастному, обнял его и поцеловал в губы.

Пейтон пишет, что Франциск мог бы обругать прокаженного или похулить Бога за жестокость к своим созданиям, но Франциск поступил по-другому. Он решил не тратить силы на проклятия, а стать орудием мира в руках Бога. Поступок Франциска преобразил и его самого, и несчастного отверженного: «То, что пробудило во мне отвращение и гнев, вдруг обернулось невероятным упоением для души и тела», — говорит святой Франциск.

Реакция святого Франциска похожа на отношение Алеши Карамазова к брату Ивану в романе

Достоевского. Алеша не мог найти ответов на мучительные вопросы о боли и страдании. И вот он решил пойти к страдающим и с любовью их обнять. Достоевский подчеркивает движение души Алеши. А помните, как отнесся Иисус у Достоевского к Своему врагу — Великому Инквизитору?

Если бы Церковь всегда следовала этому образцу и отвечала на людские страдания не догмами, а любовью, то, возможно, мучительные вопросы не вставали бы перед верующими с такой силой. Совместные усилия всех частей Тела Христова могут стать великой преобразующей силой, способной изменить жизни одиноких, страждущих, отверженных мира сего. Церковь может стать тем деревом, о котором говорит Евангелие — огромным деревом, которое становится прибежищем для многих птиц.

В больницах всегда поражаешься тому, как по-разному утешают больных верующие и неверующие. Одни говорят: «Мы молимся за тебя». Другие: «Удачи тебе — будем держать за тебя пальцы скрещенными». Если мне потребуется одним предложением ответить на вопрос: «Где Бог, когда я страдаю?» — то я отвечу встречным вопросом: «Где Церковь, когда я страдаю?» Мы, верующие, и есть самый зримый ответ Бога изнемогающему миру.

«Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин 3:16–18).

Глава 20

Нас ждет новый мир

Как в мае снег Свой век отжил, Так тают беды предо мной!
Джордж Герберт. «Цветок»

Христианство предлагает страдающему человеку еще один ни с чем не сравнимый дар. Библия являет нам трехтысячелетнюю историю человечества, но все исторические события оказываются исчезающе малыми по сравнению с одним важнейшим событием — с Голгофой. Смерть Иисуса Христа на Голгофе стала кульминацией истории, ее поворотным моментом. Но смерть Спасителя — все-таки не вершина и не конец истории.

По прошествии трех дней после погребения выяснилось, что Иисус жив. Жив?! Не может быть! Поверить этому известию было трудно. Даже ученики не поверили в Его воскресение, пока Он не явился им и не позволил прикоснуться к Своему телу. Но вот что удивительно: Он пообещал, что однажды каждый верующий получит новое тело.

Воскресение Иисуса Христа, Его победа над смертью открыли новую страницу не только в истории человечества, но и в летописи боли и страдания. Теперь можно смело сказать: и боль, и страдание преходящи. Иисус Христос дал нам удивительное обетование — пообещал новую жизнь, в которой не будет боли. Это значит, что какой бы сокрушительной ни была мука сейчас, она не продлится вечно.

Надежда всех христиан — надежда на жизнь грядущую с Богом, жизнь без боли и слез. Как это ни удивительно, люди сегодня говорят о вере в небесную жизнь с большой неловкостью. Вера в грядущую жизнь многим представляется попыткой уйти от решения проблем этого мира.

У чернокожих мусульман есть похоронная церемония, которая символически отражает современные взгляды на жизнь и смерть. Когда гроб с телом умершего выставляют для прощания, родные и близкие окружают помост и стоят в полном молчании. Ни цветов, ни слез, ни пения. По кругу пускают подносы, с которых люди берут по мятному леденцу. Потом по сигналу все кладут леденцы в рот. Пока леденец медленно тает во рту, каждый думает о том, как сладка была жизнь покойного. Но вот леденец рассосался — это знак того, что жизнь кончилась. Больше ничего не будет.

А мы? Как мы относимся к смерти? Стремимся избежать любого напоминания о ней! Реанимационные отделения, хосписы, морги, кладбища — эти заведения прячутся за высокими заборами. Но если смерть неизбежна, наше поведение полностью соответствует философии чернокожих мусульман. Современный мир пронизан язычеством, которое говорит нам, что смерть — это конец, последняя точка, а вовсе не переход в жизнь вечную. Элизабет Кюблер-Росс выявила пять этапов, которые проходит умирающий, и сделала вывод, что последний этап — принятие — наиболее благотворный. С тех пор медики стараются подвести своих пациентов именно к принятию смерти.

Однажды на встрече группы «Ни дня напрасно» женщина по имени Донна, у которой была последняя стадия лейкемии, рассказала, с каким нетерпением она ждет дня, когда попадет на небеса.

Ее слова вызвали у членов группы полное замешательство: повисла тишина, потом кто-то неловко кашлянул, кто-то сделал большие глаза. Тогда ведущая группы предложила всем обсудить вопрос о том, как помочь Донне справиться со страхами и подойти к этапу принятия смерти.

В тот раз я ушел с собрания с тяжелым сердцем. Наша материалистическая, чуждая вере культура учит людей не обращать внимания на глубинные чувства! Донна, следуя побуждению сердца, прикоснулась к основанию христианского богословия: смерть — наш страшный враг, но в конечном итоге он будет истреблен. Однако все участники группы, включая ведущую, посчитали, что Донна просто не хочет смириться перед лицом смерти. Почему? Ведь каждый из них месяц за месяцем наблюдал, как постепенно угасают функции его организма. Почему они боятся подумать, что смерть — это еще не конец? Сама мысль о скорой кончине Донны вызывает лишь одну реакцию: «Будь ты проклята, смерть!»

Некоторое время спустя мне попала на глаза цитата из Блеза Паскаля. Он жил именно в ту эпоху, когда мыслители только начали высмеивать на их взгляд примитивные понятия о душе и о вечной жизни. Паскаль так сказал об их мнении: «Неужели он и ему подобные рассчитывают ошастливить нас, сообщив, что по твердому их убеждению наша душа — не более чем дуновение ветерка, струйка дыма, да еще произнеся это тоном, преисполненным гордости и самодовольства? Подобаает ли утверждать такие вещи столь беззаботно? Или, напротив, их следует произносить с прискорбием, ибо что на свете может быть прискорбнее?»

Какая страшная подмена ценностей происходит в людских умах! Люди кичатся верой в то, что со смертью человек исчезает окончательно и бесповоротно. Они почитают надежду на блаженную вечность трусостью. Справедливо ли согласиться с темнокожими мусульманами, с материалистами и марксистами во мнении, что наш мир, пораженный злом и страданием, и есть последнее пристанище человека?

Библия дает новое представление о жизни после смерти. Оно рождает не страх и не тоску, а радость и предвкушение. Наша планета стонет от боли — и христиане вполне обоснованно жаждут оказаться в новом мире, в котором Бог сотрет с глаз плачущего каждую слезинку.

Пасхальная вера

Сейчас мы видим лишь тень будущего. Нам лишь временами дано ощущать несказанную радость — ту радость, которая влечет нас в мир иной и которую у нас никто не отнимет. Мы будто заключены в темной комнате — сцена из пьесы Сартра «За закрытой дверью», — но сквозь щели в стенах просачиваются узкие полоски света. В них — добродетель, слава, красота, сострадание, истина и справедливость. Можно предположить, что за этими стенами существует какой-то другой мир, ради которого стоит претерпеть любые скорби.

Христианская вера не дает безболезненного способа смириться со смертью, но открывает путь к ее преодолению. Христос — это Жизнь. Его Воскресение безоговорочно свидетельствует о том, что Бог не ограничен пресловутым циклом жизни, который завершается смертью. Он делает все возможное, вернее, Он уже сделал все возможное, чтобы разорвать этот цикл.

В октябре 1988 года произошел несчастный случай: во время подводного погружения на озере Мичиган погиб один из моих самых близких друзей. В тот день, когда Боб последний раз ушел под воду, я, ни о чем не подозревая, сидел в университетском кафе и читал книгу известного психотерапевта и писателя Ролло Мэя. Книга называлась «В поисках прекрасного». В ней рассказывается о том, как Мэй всю свою жизнь искал красоту. Поиски привели его в Грецию, на Святую Гору Афон, где расположены православные монастыри.

В то время Ролло Мэй только-только начал восстанавливаться после пережитого им нервного срыва. Он приехал на Афон как раз на Пасху и попал на праздничное богослужение. Православная пасхальная литургия исполнена символизма и непередаваемой красоты. В храме висели иконы, пахло благовониями. В самый торжественный момент священник раздал каждому участнику по три пасхальных яйца — изумительно расписанных и обернутых в тонкую ткань. «Христос воскрес!» — провозгласил он. И все присутствующие, в том числе и Ролло Мэй, откликнулись: «Воистину воскрес!»

Ролло Мэй не был верующим. Но вот что он написал в своей книге: «В тот момент я оказался сопричастен некоей духовной реальности. А что если Христос действительно воскрес? Что это значит для нашего мира?» Я дочитал главу до конца и отправился домой. В дверях меня встретила жена. Она сообщила мне горестную весть: Боб погиб. Все последующие дни вопрос Ролло Мэя не выходил у меня из головы. Какое значение имеет для мира, что Христос воистину воскрес?

На похоронах Боба я сказал несколько слов. И задал тот же самый вопрос, только он

прозвучал уже по-другому. Тон вопроса изменило горе. А что если Боб не воскреснет? Мы сидели в часовне, онемевшие от скорби, все три дня обжигавшей наши души. И тогда я вслух предложил представить себе такую картину: вот мы выходим из часовни, идем к машинам, а там — не может быть! — стоит Боб, живой и невредимый. Наш Боб, со знакомой ухмылкой и ясным взглядом серых глаз.

Эта фантазия помогла понять, что почувствовали ученики Иисуса в то пасхальное воскресенье. Три дня они находились во власти горя. Но в воскресенье для них открылся новый свет — свет будущего.

Не будь Пасхи, не было бы жизни после смерти, нового начала и новой земли, и мы были бы вправе считать, что Бог не так уж и могуществен, что Он не слишком нас любит, что Он больше похож на жестокого Создателя Вселенной. Но Библия утверждает: вернуть творение к изначальному совершенству — в Божьей власти.

Признаюсь, что прежде разговоры о вечной жизни и небесах и меня приводили в замешательство. Они казались мне бегством от действительности, нелепой подпоркой, необходимой для того, чтобы смириться с реалиями жизни. Я считал, что в этом мире нужно жить так, будто ничего другого не будет. С годами, однако, мои взгляды изменились, и главным образом из-за того, что я видел, как умирают люди. Что это за Бог, Которого устраивает мир, полный страдания и смерти? Люди внезапно уходят — вдруг исчез, испарился из моей жизни Боб. И если не иметь никакой надежды на будущее, то разве можно верить в Бога?

Апостол Павел, оглядываясь на свою жизнь, в которой хватало страданий — тюрьмы, побои, кораблекрушения, борьба с дикими зверями — говорит нам: если впереди человека ожидает лишь смерть и ничего, кроме смерти, то нужно быть безумцем, чтобы добровольно согласится на такие испытания. «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор 15:19). Вслед за апостолом Павлом я уповаю на воскресение мертвых. Настанет день, когда Христос «уничтоженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп 3:21).

Небесные обители

Известный шотландский писатель и богослов Джордж Макдональд однажды послал письмо своей мачехе. Он хотел утешить ее после кончины близкой подруги. Вот что он написал: «Если бы смерть была именно такой, какой она представляется нам, то Бог не допустил бы, чтобы она стала одним из законов вселенной». Только мы, верующие, можем рассказать миру, что есть смерть на самом деле — какой видит ее Тот Единственный, Кто в страдании прошел через смерть и вернулся к жизни.

По центральному телевидению показали документальный фильм «Умираю». В нем была всесторонне раскрыта тема о том, как вера помогает человеку, находящемуся на пороге смерти. Режиссер-постановщик Майкл Роумер получил разрешение находиться рядом с несколькими умирающими от рака больными на протяжении последних месяцев их жизни. После съемок он признался: «Люди умирают так, как жили. В смерти проявляется вся сущность человека. К последней черте он подходит с тем багажом, который накопил за свою жизнь. Одни подходят к последнему рубежу с отчаянием, другие — с надеждой». Выводы Роумера подтверждаются примерами из жизни двух бостонских семей.

Супругам — Хэрриет и Биллу — по тридцать три года. Оба на грани нервного срыва. В одном из эпизодов Хэрриет в тревоге думает о своем будущем — как жить вдове, оставшейся с двумя детьми. И вдруг она набрасывается на умирающего мужа. «Чем дольше все это будет тянуться, тем хуже для нас», — гневно кричит она.

«Что случилось с той милой девушкой, на которой я женился?» — спрашивает Билл. Хэрриет поворачивается лицом к камере: «Милая девушка умерла от пытки — пытки твоим раком. Кому нужна вдова с двумя сорванцами? Я не хочу, чтобы ты умирал, но раз ты все равно умрешь, то почему не сейчас?»

До смерти Билла остаются считанные недели, а семья распадается. Супруги не могут справиться со своими страхами. Ссоры, крики, плач, обвинения — бывшая любовь и доверие забыты.

На экране появляется другая семья. Преподобный Брайан, пастор баптистской церкви для чернокожих, пятидесяти шести лет. Он тоже умирает от рака. Но в его семье все по-другому. «Сейчас я переживаю один из значимых этапов в моей жизни, — говорит он. — Вряд ли Рокфеллер сейчас счастливее меня».

Операторы снимают пастора Брайана: вот он произносит перед прихожанами проповедь о

смерти, вот — читает внукам Библию, вот отправляется на Юг, чтобы напоследок повидать городок, где он родился. Пастор спокоен и даже безмятежен. Он знает, что готовится отбыть домой — туда, где не будет боли.

Похороны. Церковный хор поет гимн «Он уснул». Проходя мимо гроба, люди наклоняются, чтобы последний раз сжать руку своего пастора или ласково коснуться его плеча. Их любимый друг ушел от них, но лишь на время. Все прихожане верят, что смерть — это не конец, а начало.

Кадры фильма, снятые в церкви пастора Брайана, показались мне до боли знакомыми: моя жена работает с престарелыми жителями Чикаго, и примерно половина ее подопечных — чернокожие. Люди, которым за семьдесят и даже за восемьдесят, живут в преддверии смерти. Но, тем не менее, по словам Дженет, чернокожие и белые смотрят на собственную смерть по-разному.

У большинства белых подопечных Дженет проявляется все больше страхов и недовольства жизнью. Они постоянно жалуются: на жизнь, на родных, на плохое здоровье. Чернокожие, напротив, становятся бодрее, начинают смотреть на жизнь с завидным юмором и оптимизмом, хотя порой у них больше поводов для горечи и отчаяния. (Большинство негров — выходцы с юга, рожденные через поколение после отмены рабства. За свою жизнь они повидали и притеснения, и несправедливость. Многие из них достигли преклонного возраста еще до принятия закона о гражданских правах.)

Почему люди так по-разному относятся к смерти? Дженет говорит, что все дело в надежде, которая корнями уходит в непоколебимую веру чернокожих американцев в Царствие Небесное. «Этот мир — не мой дом, здесь я лишь странник», — говорят они. «Лети быстрее, моя колесница, чтобы скорее увезти меня домой», — так поют они в песнях. Их упования родились в трагический период американской истории, когда жизнь людей с темной кожей была сурова и безрадостна. Но церквям удалось каким-то удивительным образом вселить в своих прихожан живую и стойкую веру — веру в то, что на небесах их ждет прекрасный дом.

Чтобы получить представление об упованиях чернокожих, сходите на похороны. Черные проповедники рисуют живые образы рая — присутствующие готовы отправиться туда хоть сейчас. Да, люди скорбят по ушедшему, но их скорбь не вечна. Исход битвы известен: их ждет победа, а это горе — лишь шаг на пути к торжеству.

Было бы ошибкой не вести борьбу с нищетой и бедами на земле, кивая на грядущую небесную жизнь. Но разве не ошибка — лишать человека, стоящего на пороге смерти, надежды на вечную жизнь?

Одной ногой в раю

Вера в грядущую жизнь в небесной обители влияет не только на наше отношение к смерти. Она во многом определяет и то, как мы проведем всю свою жизнь.

Однажды к Робертсону Макквилкину, бывшему президенту Колумбийского библейского колледжа, подошла очень пожилая дама. Она познала все прелести преклонного возраста: слабость и болезни, морщины и пигментные пятна на коже. Она уже не все могла делать самостоятельно и ощущала себя обузой для окружающих. «Робертсон, почему Бог допускает, чтобы мы становились старыми и немощными? За что мы так страдаем?» — спросила она.

Подумав несколько секунд, Макквилкин ответил: «Мне кажется, по замыслу Бога, в юности красота и сила проявляются во внешнем облике человека. С возрастом красота и сила переходят в духовное измерение. Мы постепенно теряем внешнюю привлекательность, что дает нам возможность сосредоточиться на вечном. Утратив красоту внешнюю, нам легче отказаться от всего преходящего и тленного и устремиться душой к вечным обителям. Оставайся мы всегда молодыми и красивыми, нам вряд ли захотелось бы другой жизни».

Если и есть секрет, помогающий пережить страдания, то он созвучен мыслям Макквилкина. Чтобы выжить, нам следует питать и укреплять свой дух. Тогда он разорвет оковы плоти и воспарит над нею. Христианская вера далеко не всегда способствует укреплению тела. Несмотря на молитвы, ни Брайан Штернберг, ни Джони Эриксон-Тада не получили исцеления. Однако Бог обещает возвращать наш дух, чтобы в один прекрасный день он воссоединился с новым телом. Брайан сможет прыгать — он «выиграет, как телец упитанный» (Мал 4:2), а Джони — будет танцевать!

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф 10:28), — говорил Иисус Христос, посылая учеников в мир. Раз физическая смерть — это не конец, так стоит ли ее бояться? Но не стоит и рваться ей навстречу, ведь она — враг Жизни.

Подведем итог: благодаря вере в небеса обетованные, христиане могут смотреть в лицо

смерти, не теряя надежды и не приходя в отчаяние. Да, смерть — наш враг, но этот враг уже побежден. Мартин Лютер говорил своим последователям: «Даже пребывая в полном здравии, нужно помнить о смерти. Тогда мы не забудем и о том, что мы здесь не навсегда, а, можно сказать, одной ногой уже стоим в раю».

Если человек уже нащупывает одной ногой почву в небесной обители, то это меняет его отношение к скорбям. Любой спор о страдании и боли останется незаконченным, если не затронуть в нем вопрос вечной жизни.

Дотошный спорщик может сколько угодно отстаивать идею о том, что боль — полезная штука, отличная выдумка Бога. Возможно это так. Но боль и страдание — лишь одна сторона медали.

Как представить себе вечность? Вечность несоизмерима с нашей скоротечной жизнью, ее трудно себе вообразить. Попробуйте нарисовать на школьной доске линию длиной три метра и отметить на ней точку. А теперь представьте, что в центре точки находится одноклеточный организм — какой-нибудь микроб. Ему точка будет казаться огромной. Микроб может всю жизнь исследовать пространство этой точки. Но стоит отойти от доски на пару шагов и окинуть взглядом всю картину, как мы увидим: точка — мир микроба — мала по сравнению с линией.

Так и вечность соотносится с земной жизнью. Семьдесят лет — срок немалый. Его хватает, чтобы придумать множество объяснений, почему Бог порой безучастно относится к нашим страданиям. Но справедливо ли судить о Боге и Его замысле на основании впечатлений, полученных за время мимолетной земной жизни? Это все равно, как если бы микроб на основании того, какой ему кажется родная точка, взялся делать выводы обо всей доске.

Наверно нам не хватает перспективы: взгляда с точки зрения вечности. Стали бы мы жаловаться на Бога, если бы Он даровал нам семьдесят лет прекрасной жизни, допустив в нее один час страдания? Сейчас наша жизнь полна скорбей, но срок земной жизни — это всего лишь час по сравнению с вечностью. Как сказала Святая Тереза Авилльская: «С высоты небес даже самая безрадостная земная жизнь покажется всего лишь ночью, проведенной в плохой гостинице».

Для христиан ограниченность земной жизни — не конец бытия. Этот мир — испытательный полигон. Жизнь на земле — лишь точка на прямой вечности. Тем не менее, это очень важная точка: Иисус Христос сказал, что вечная судьба человека зависит от того выбора, который он сделает здесь, на земле. В следующий раз, когда вы будете винить Бога во всех бедах, вспомните: нынешняя жизнь — это лишь микроскопическая часть того, что Бог уготовил человеку. Но и на протяжении этого крохотного — с точки зрения вечности — отрезка времени человек не перестает бунтовать.

Чтобы верно оценить значение страданий и боли следует взглянуть на собственную жизнь Божьими глазами. Об этом немало сказано в Библии: «Бог же всякой благодати, призавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременному страданию вашему, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми» (1 Пет 5:10). «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно (2 Кор 4:17–18).

В книге Иова — в этом величайшем памятнике человеческого страдания — меня всегда занимала одна деталь, которую многие упускают из вида. Я имею в виду подробное перечисление приобретений Иова. Оказывается, Бог возместил ему понесенный ущерб в двойном размере. Итак, было семь тысяч овец — стало четырнадцать; было три тысячи верблюдов — стало шесть; было пятьсот волов и ослов — стало тысяча. Дети — исключение: их количество не удвоилось. Иов потерял семь сыновей и три дочери. И после пережитых страданий у него родились семь сыновей и три дочери. Может быть, автор смотрит на вещи с точки зрения вечной жизни? В таком случае получается, что Иов все равно получил вдвое: десять его нынешних детей однажды соединяться с теми десятью, которые уже перешли в вечность.

Смерть и Рождение

Горькая ирония такова: событие, вызывающее у человека невыносимую боль — смерть — открывает дверь к несказанной радости. Говоря о Своей смерти, Иисус сравнил муки смерти с муками роженицы: боль, кровь — но вот ребенок появляется на свет, и в тот же миг радость вытесняет память о родовых муках (Ин 16:21).

А ведь смерть — это своего рода рождение. Представьте себе, как выглядит появление на свет с точки зрения новорожденного. Вот ваш мир — в нем темно, спокойно и безопасно. Вы погружены в теплую плотную жидкость. Ни о чем не нужно заботиться. Пища поступает без перебоев. Биение материнского сердца убаюкивает, вы знаете: есть некто большой и теплый, кто

заботится о вас. Ваша жизнь — ожидание, но вы не знаете, чего ждете. Зато любые перемены вызывают беспокойство. Вокруг нет острых колючих предметов, нет боли, нет опасности. Славное безмятежное существование.

Но вот однажды вы ощущаете толчки. Такое впечатление, что стены уютного жилища смыкаются, давят. Привычные мягкие и упругие стены с силой сокращаются, выталкивая вас. Тельце складывается пополам, руки—ноги перекрутились, перепутались. Вы проваливаетесь куда—то вниз головой. Впервые в жизни вам больно! Все кругом движется, давление усиливается, оно становится невыносимым! Голова сплюснулась, а толчки становятся все сильнее и сильнее. Путь лежит через узкий темный туннель. Как больно! Какой—то шум, толчок...

Болят все, что только может болеть. Вы слышите протяжный стон, и внезапно ощущаете жуткий страх. Вот оно — ваш мир рушится. Должно быть, жизнь кончена. Вдруг в глаза ударяет слепящий пронзительный свет. Чьи—то холодные грубые руки хватают ваше тельце и вытаскивают его из туннеля. Вас переворачивают вниз головой. Хлесткий шлепок. И уууууаааааааа! Поздравляем, вы родились!

Такова и смерть. Со своей стороны мы видим страшный и темный туннель, нас толкает в него неведомая, непреодолимая сила. Мы туда не хотим. Нам страшно! Сильная боль, тьма и... полная неизвестность. Но за болью и тьмой лежит новый мир. Когда после смерти мы очнемся в сиянии вечности, боль и слезы превратятся в далекое воспоминание.

Вам кажется, что Бог не слышит вас? Вы думаете, что ваши стоны не доходят до Его ушей? Бог не глухой. Он тоже умет скорбеть. В конце концов, Он потерял единственного Сына.

Конец вашей земной истории. Оркестр вытягивает последнюю скорбную ноту, прежде чем грянет радостную песнь. Как сказал апостол Павел: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих... Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим 8:18–19; 22–23).

Земля — пылинка в вечности, хранящей всю историю нашей планеты. Кого удивит своей значимостью пылинка? Она слишком мала. Если смотреть на Землю из туманности Андромеды, то масштаб земных событий покажется иным: гибель Солнечной системы будет похожа на чирканье спичкой — вспыхнул огонек и навсегда погас. Тем не менее, ради этой спичечной головки Бог пожертвовал Собой.

Так не стоит ли смотреть на боль как на свидетельство о том, что мы «еще не там», как сказал голландский богослов Геррит Корнелий Беркувер? Боль напоминает нам о том, какие мы сейчас. Она пробуждает в нас жажду обретения небесного тела. Я убежден, что придет время, когда раны, раковые клетки, стыд, обиды и горе останутся в прошлом. За каждую минуту, прожитую с надеждой, вроде бы не имевшей под собой никакого реального основания, мы получим награду.

Терзаемый муками Иов не оставлял надежду:

«О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, — на вечное время на камне вырезаны были! А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истает сердце мое в груди моей!»

(Иов 19: 23–27).

Где Бог, когда я страдаю?

Как и многие другие люди, я долгое время сетовал на Бога за то, что Он допускает страдание. Вокруг слишком много скорби! Я не мог найти разумного объяснения тем событиям, которые происходят в этом отвратительнейшем из миров.

Но вот я стал замечать удивительные вещи. Я видел тех, кто страдает сильнее меня, но относится к своим бедам иначе, чем я. Я видел, что скорбь далеко не всегда приводит к неверию. Я видел, что скорбь нередко помогает обрести и укрепить веру. Потом я познакомился с больными проказой и убедился, что боль имеет для человека огромную ценность.

Проблема страдания будет остро стоять до тех пор, пока Бог не создаст новое небо и новую землю. Тогда все изменится. Я твердо в это верю. И если бы я не верил — твердо и непоколебимо, что Бог не садист, а Великий Целитель, что Он, по словам Джорджа Макдональда, «ощущает в Себе боль каждого нерва», то я бы и не стал предпринимать попытку раскрыть тайну страдания.

Я перестал гневаться на боль по одной простой причине: я познал Бога. Он даровал мне радость, любовь, счастье, благодать. Они ворвались в мой несовершенный, болезненный мир, словно вспышка. Но этих вспышек было достаточно, чтобы убедить меня: Бог заслуживает

доверия. Радость познания Бога стоит любых мук.

Что дает мне этот опыт? Что он во мне изменяет? Поведу ли я себя иначе, когда в следующий раз буду стоять у постели смертельно больного друга? Но ведь именно у больничной койки и начались мои поиски! Они даровали мне веру в Него, веру столь крепкую, что ее не разрушит никакое страдание.

Итак, где же Бог, когда я страдаю?

Он рядом. Он был рядом с самого начала. Он создал болевую систему, которая несет на себе печать Его гения, Он помогает нам выжить в этом падшем мире.

Бог преображает суть боли, учит и укрепляет нас при помощи боли, но при одном условии: если в страдании мы обращаемся Нему.

Ему хватает выдержки наблюдать за жизнью на бунтующей планете. По милости Своей он позволяет нам жить по нашим законам, делать то, что мы считаем нужным.

Он позволяет нам возмущаться, как возмущался Иов, гневно обвинять Его в несовершенстве мира, который мы сами же и испортили.

Он становится на сторону нищих и страждущих, создает для них Царство. Ради победы Он подвергает Себя унижению.

Он питает наш дух, когда мы не находим облегчения для своих физических страданий.

Он пришел к нам. Он страдал от боли, истекал кровью, стонал и мучился. Он облек земных страдальцев в вечную славу, разделив их боль.

Он и сейчас с нами. Он утешает нас Духом Своим Святым. Он служит нам посредством членов Тела Своего. Он дал нам заповедь носить бремена друг друга и облегчать страдания друг друга во имя Главы Тела.

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?»

(1 Кор 15:51–55)

Он ждет, Он собирает воинство сил добра. Однажды Его воинство вступит в бой — в последний бой века сего — и последнее страдание охватит землю перед тем, как наступит полная и окончательная победа Бога. И после победы Бог сотворит для нас удивительный новый мир. Мир, в котором не будет боли.

Материалы для обсуждения

Изучение такой темы, как боль, лучше проводить в группе. Если это делать в одиночку, есть немалый риск уйти в себя, начать копаться в своей душе. Я надеюсь, что это небольшое руководство по изучению поможет вам собрать группу для обсуждения вопросов, связанных с болью и страданиями. Бог желает, чтобы мы были искренними перед Ним, чтобы мы стремились познавать Его везде и во всём. Кроме этого, я надеюсь, что данное руководство облегчит изучение книги, которую вы держите в руках. Можно найти ему применение следующим образом:

1. Изучать в одиночку. Вы сразу заметите, что руководство разработано для изучения в группе, в нем то и дело предлагаются различные методы обсуждения, которые можно использовать в группе из нескольких человек. Но даже если вы хотите изучать в одиночку, то вам окажут помощь наводящие вопросы, заставляющие задумываться и размышлять.

2. Изучать вдвоём (с супругом или с другом). Если с вами рядом будет хотя бы ещё один человек, то изучение расширит границы вашего мышления.

3. Изучать в небольшой группе. Лучше всего, если в вашей группе не больше двенадцати человек. Слишком большая группа может превратиться в класс, где будет учитель и будут ученики. Есть несколько правил, которых я посоветовал бы вам придерживаться. Это поможет вам организовать успешное изучение моей книги в группе.

а. Нужно готовиться. Данное руководство составлено с расчётом, что вы заранее прочитаете те главы, которые будете обсуждать; материал дискуссий непосредственно связан с содержанием книги. Разумеется, можно обсуждать те или иные вопросы, даже если не все читали книгу, однако обсуждение будет удачным лишь в том случае, если есть хотя бы несколько людей, знакомых с содержанием тех глав, о которых идет речь. Вы даже можете в начале каждого занятия

посвящать 10-15 минут чтению того отрывка, который будете обсуждать.

б. Необязательно строго следовать предложенной системе изучения, Я построил изучение таким образом, что на каждую главу приходится по одному занятию. Но если во время обсуждения у вашей группы особый интерес вызовет какой-нибудь вопрос, ни в коем случае не старайтесь остановить дискуссию и во что бы то ни стало закончить этот раздел. Ориентируйтесь на то, о чём хотят говорить люди. С другой стороны, если ваша группа застряла на каком-то одном вопросе, продвигайтесь вперёд, пока не найдется что-то интересное для обсуждения. Изучение в малой группе не должно быть похожим на урок, где нужно обязательно пройти определённый материал. Обсуждение в группе должно служить стимулом каждому для размышления и самообразования. Пусть ваши естественные интересы не будут ограничены руководством по изучению.

в. Выберите ведущего. Изучение в группе проходит наиболее плодотворно, если есть ведущий — тот, кто следит, чтобы обсуждение проходило достаточно активно. Можно каждый раз выбирать нового ведущего, вести общение по очереди. Чем больше ведущий сам настроен на общение, чем больше он делится своими переживаниями, наблюдениями, тем активнее будут участвовать в общении все присутствующие. Так что если вы исполняете роль ведущего, серьёзно отнеситесь к сво

им обязанностям. В течение недели между занятиями молитесь о своей группе и обдумывайте то, о чем вы будете говорить.

КАК ВЕСТИ ОБСУЖДЕНИЕ

Если вы раньше никогда не пробовали себя в роли лидера небольшой группы и хотите узнать, как это делается, вам могут помочь следующие советы: Когда вам кажется, что у говорящего нет фактов, чтобы обосновать свою точку зрения, спросите: «Почему вы в этом уверены? Что заставляет вас думать именно так?»

Когда вы испытываете непонятное беспокойство, волнение, но не знаете причины, задайте вопросы: «Кто-нибудь ещё чувствует то же, что и я? Вы испытываете что-нибудь по отношению к тому, о чём мы говорим?» Когда вы не верите в то, что вы слышите, скажите: «Постойте, я вас правильно понял или нет? Поправьте меня, если что-то не так». Затем постарайтесь тщательно, ничего не упуская, изложить то, что, на ваш взгляд, только что сказал участник дискуссии. Когда во время жаркой дискуссии было упущено что-то важное и интересное, вы можете сказать следующее: «Давайте на минутку вернёмся к тому, что уже было сказано». Или: «Нельзя ли ещё немного над этим поразмышлять?» Когда говорящий приводит множество примеров, но не может ясно сформулировать мысль, помогите ему: «Я согласен с этими фактами, но всё же какой из этого следует вывод?»

Когда обсуждение задерживается на какой-то детали, задайте вопрос: «По-моему, я потерял нить разговора. Не помните, о чём мы говорили до этого?»

Есть ещё один неплохой приём в дискуссии — поддерживать разговор, задавая вопросы по поводу сказанного кем-то («Когда вы пришли к такому мнению?»), выражая свою поддержку («Я тоже испытывал такое, так что я вас понимаю»), внося ясность («Вы хотите сказать, что Бог Сам причиняет боль, или что Он только позволяет, чтобы мы чувствовали боль?»), выражая своё понимание того, что говорит или чувствует участник дискуссии («Похоже, для вас действительно очень важно то, о чём мы сейчас говорим»),

ГЛАВА 1

Венная проблема

1. Клаудия Клакстон рассказывает о различных взглядах христиан на то, что такое боль. Доводилось ли вам раньше слышать подобные философские размышления по поводу этого явления? Кто из посетителей, на ваш взгляд, наиболее близок к истине: дьякон, вдова, любительница телевизионных шоу, сторонница «прославления за всё» или пастор?

2. Нетрудно найти недостатки в поведении других людей. Ну, а вам приходилось когда-нибудь навещать в больнице таких людей, как Клаудия? Или, может, вы пытались утешить молодых супругов, скорбящих о смерти своего ребенка? Что вы говорили в таких случаях?

Вы можете уделить хотя бы 15 минут обсуждению известных вам примеров из жизни, похожих на ситуацию, в которой оказалась Клаудия. Или можно попытаться разыграть такую ситуацию. Пусть один из вас будет Клаудией, остальные же будут пытаться утешить больную, объясняя, почему, на их взгляд, Бог позволяет нам испытывать боль. Все приводимые доводы нужно обосновывать с помощью Писания.

3. Клаудия была глубоко верующей христианкой, но даже ей довелось испытать ряд

сильных переживаний по поводу своей болезни. Она сердилась на Бога, чувствовала неприязнь к тем, кто её навещал. Она чувствовала, что её вера ослабевает, когда не было ответа на её молитвы. Она чувствовала себя несправедливо обиженной. Её мучили сомнения.

Как вы считаете, Клаудия неправильно относилась к тому, что с ней случилось? Вы чувствовали когда-нибудь что-то подобное? Как Бог смотрит на такие эмоциональные переживания?

4. Прочитайте цитату в начале главы, взятую из книги К. С. Льюиса «Горе. Наблюдения». Вы когда-нибудь чувствовали себя так же? Когда вам трудно, вы больше склонны чувствовать присутствие Бога или, как описывает Льюис, Его отсутствие?

5. Что вы думаете насчёт замечания Тиелике о том, что у американцев «неправильный взгляд на боль и страдания»? Согласны ли вы с этим? Правда ли, что американцы в этом отношении хуже, чем другие?

ГЛАВА 2

Дар, который никто не хочет получать

1. Всем нам известно упрощенное объяснение того, зачем существует боль: «Чтобы мы знали: нельзя дотрагиваться до горящей спички или острого ножа». Но ценим ли мы по-настоящему эту замечательную систему защиты нашего тела от повреждений? Было ли что-нибудь в этой главе, что заставило вас по-новому взглянуть на боль?

2. Подумайте о том, чем вы занимаетесь на работе и в свободное время: приготовление пищи, игра в теннис, ходьба на лыжах и т. п. Насколько наша нервная система рассчитана на все эти занятия? (Допустим» если бы наши пальцы были настолько же чувствительны к боли, как к осязанию, то мы не смогли бы играть в теннис — даже сжать ракетку в руке было бы непереносимым мучением.) Как вы думаете, стоит ли поблагодарить Бога за то, как работает наша нервная система?

3. В этой главе сказано, что система болевых ощущений нашего организма показывает, насколько мудро все задумано Творцом. Согласны ли вы с этим? Если это так, то перед нами стоит ряд богословских вопросов. Вам говорили, что боль появилась в результате грехопадения Адама и Евы? Но что же произошло во время грехопадения? Организм человека вдруг стал совершенно иным, добавились миллионы болевых рецепторов? Можете ли вы найти в Библии эпизоды, подтверждающие то, что боль не существовала до событий, описанных в 3-ей главе Бытия? А как насчёт мук одиночества — они существовали тогда?

4. Как правило, люди недовольны болью по двум причинам: 1) боль очень неприятна, и 2) её нельзя просто взять и отключить. В одном из своих произведений Джозеф Хеллер приводит следующий диалог: «Как можно благоговеть перед Высшим Разумом, который решил, что просто необходимо в сотворённую Им совершенную Вселенную поместить кариес? Зачем Он вообще создал боль?»

«Боль? — жена лейтенанта Шископфа торжествующе уцепилась за произнесенное им слово. — Боль — это очень важное свойство. Боль предупреждает нас, когда нашему телу грозит опасность».

«Ну, а кто же придумал опасности? — настаивал собеседник. — Почему бы Ему не предупреждать нас с помощью дверного звонка или не послать ангела? Отчего же он не снабдил мозг каждого человека специальной сигнальной системой синих и красных неоновых лампочек прямо в центре лба?»

Открытия д-ра Бренда помогают нам понять некоторые причины, лежащие в основе того, что наша нервная система построена именно таким образом. Что вы думаете о его выводах?

5. Исходя из того, что вы знаете о нервной системе человека, особенно из того, что сказано в этой главе, вы создали бы её по-другому? Что бы вы поменяли?

ГЛАВА 3

Ад без боли

1. Знали ли вы о том, что испытывают прокаженные? Было ли для вас открытием, что проказа только разрушает болевые рецепторы и повреждения своему телу больные наносят сами из-за того, что они ничего не чувствуют? Помогло ли это вам правильно оценить роль, которую играет боль в нашей жизни?

2. Лу, Хозе и Гектор рассказывают о том, как обычные повседневные занятия — игра на арфе, прогулка в новых туфлях, мытье пола — могут оказаться крайне опасными для человека, у которого нарушена система болевых ощущений. Обсудите с группой то, чем каждый из вас сегодня занимался. Если бы у вас не было защитной нервной системы, какие действия могли бы причинить

вред вашему организму?

3. Как вы думаете, может осознание важности болевых ощущений помочь больному человеку? Какой аспект проблемы боли оставляет неразрешенным такое объяснение?

4. Больные проказой и люди с «врождённой нечувствительностью к боли» демонстрируют отличие боли от страданий. Прокажённые почти совсем не чувствуют боли, зато они невыносимо страдают. Нередко самые ужасные страдания именно эмоциональные, и наши нервные клетки никакого участия в этом не принимают. Обсудите с группой, какие страдания вы испытываете чаще: физические или эмоциональные?

5. Как насчёт тех параллелей, которые можно провести между физической болью и эмоциями? Главным образом, я имею в виду так называемые «предупредительные» эмоции, такие, как чувство вины, страх. Могут ли эти эмоции оказывать положительное влияние на здоровье человека, как это делает физическая боль?

ГЛАВА 4

Агония и экстаз

1 Боль — это не просто причина и следствие. Человек воспринимает боль, и это восприятие во многом зависит от того, чего ожидает человек. В Соединённых Штатах люди мало обучены тому, как справляться с болью. Как правило, мы нечасто сталкиваемся с физической болью, и мы привыкли быстро заглушать боль с помощью таблеток. С самого рождения младенцев закутывают в мягкие пелёнки и берегут от острых углов. Отопление и воздушные кондиционеры сглаживают резкие перепады температуры. Во многих семьях даже не разрешается ходить босиком.

Как вы думаете, плохо ли это для здоровья? Может, родителям стоит меньше беспокоиться о том, чтобы их дети не знали боли и лишений? Расскажите друг другу, как ваши родители подходили к этому вопросу в вашем воспитании.

2. В 4-й главе описаны примеры того, как усилия и лишения в итоге оказываются вознагражденными, когда боль тесно связана с удовольствием. Расскажите друг другу о самых важных, значительных моментах вашей жизни. Были ли они связаны с болью? Подумайте: был ли в вашей жизни действительный рост, совершенно не связанный с болью?

3. Боль, чувство вины, страх, одиночество — в этой главе перечислены все эти «враги», которых мы стараемся избежать, но которые могут оказаться для нас очень полезными. Есть ли такие враги у вас? Научились ли вы с ними «дружить»?

4. «Истинное удовлетворение приходит не от удовлетворения своих личных потребностей, а через служение другим». Обсудите то, как христиане служат другим можно рассказать примеры из собственной жизни или из жизни ваших знакомых. Как можно согласовать этот принцип с тем, что каждому человеку необходимо самовыражение и поиск собственного «я»?

5. Я описал два типа людей: «звёзды» и «слуги». Есть ли среди ваших знакомых те, кто подходит под одно и этих определений? Согласны ли вы с моими рассуждениями? Приходилось страдать вам или кому-то из ваших близких, открывало ли это вам глаза на то, что в жизни могут быть иные ценности, иные приоритеты?

6. Кейт Миллер однажды сказал: «Боль похожа на удобрение. Когда вы стоите рядом с кучей навоза, вам неприятен запах и вы с трудом его переносите. Но через некоторое время вы начинаете понимать, что без этого зловонного удобрения вам не хватило бы питательных веществ для роста». Согласны ли вы с этим?

ГЛАВА 5

Стонущая планета

1. Основываясь на том, что вы знаете из Библии, как бы вы сказали, наша планета отличается от совершенного плана Божьего? Вы никогда не думали, что было бы на много лучше, если бы Господь дал людям хоть немного меньше свободы выбора? Почему же Он так не сделал?

2. Поговорите о том, с какой целью Бог создал нас, для чего мы живём на этой земле. Вряд ли главная цель в жизни — удовольствие, ведь так часто Он требует от нас сделать что-то очень трудное. Что Он желает совершить в вас, пока вы живёте в этом мире? Какое место в этом плане занимает боль: облегчит она задачу или усложнит?

3. Согласны ли вы с идеей, которую К. С. Льюис выражает следующими словами: «Боль — мегафон Бога»? Насколько индивидуально может использоваться этот мегафон? Иными словами, через страдания Бог что-то говорит всему человечеству в целом или же Он использует боль, чтобы шепнуть вам на ухо, что лично с вами что-то не так?

4. Прочитайте отрывок под названием «Прислушайтесь: эхо». Случалось ли подобное с

вами?

ГЛАВА 6

Что хочет сказать нам Бог?

1. Как правило, каждый год случается, по крайней мере, одна крупная авиакатастрофа, в которой гибнет множество пассажиров. В результате таких катастроф появляется немало людей, которые с огромным облегчением заявляют: «Бог спас меня, не позволив сесть на этот самолёт». В одной катастрофе над Детройтом из 155 пассажиров уцелела лишь одна 4-летняя девочка. Газеты сразу же нарекли спасшуюся малышку «чудо-ребенком». Значит, Бог спас её от смерти, а остальных пассажиров обрёл на гибель? По случайному совпадению, продавщица из издательства «Зондерван» не успела на тот самый авиалайнер — неужели Бог подсказал ей, и только ей, пропустить этот злосчастный рейс? Что говорит нам эта история с авиакатастрофой о том, как Бог действует в нашем мире?

а. У Бога был особый план для каждого, кто был на борту самолёта, и все пассажиры должны были умереть именно в этот день. Каким-то образом Бог позаботился о том, чтобы список пассажиров полностью соответствовал Его планам.

б. Бог устроил так, что самолёт потерпел крушение.

в. У Бога был план только для христиан, которые были на борту самолёта. Он сделал так, чтобы некоторые из тех, кто приобрел билеты, не смогли попасть на самолёт.

г. Авиакатастрофа произошла по естественным причинам — может быть, подвело оборудование или

это была ошибка людей, а может, это был ещё один террористический акт. Бог здесь был совершенно ни при чём.

д. Порой Бог предотвращает катастрофы, но иногда Он позволяет им произойти. Ведь в газетах очень часто пишут о том, как какой-нибудь самолёт чудом избежал гибели.

С какими из этих утверждений вы согласны? Прочитав 6-ю главу, можете ли вы догадаться, как смотрю на это я?

2. «Может быть, Бог каким-то образом слегка подталкивает школьные автобусы, направляя их к обочине, и затем наблюдает, как они на полном ходу врезаются в ограждения и съезжают с дороги? Может, Он красным карандашом тщательно наносит на карту штата Индианы точный маршрут, по которому должен пройти ураган? «Сюда, теперь задень этот дом, уничтожь вот этого шестилетнего ребёнка, но следующее здание оставь нетронутым». Обсудите эти вопросы, а также вопрос, который один христианин задал по поводу землетрясения в Южной Америке. Как вы думаете, Своих детей Бог оберегает от стихийных бедствий более, нежели неверующих?

3. Найдите следующие отрывки в Новом Завете, Пусть кто-нибудь прочитает эти места Писания вслух, за тем спросите, кто причиняет страдания.

а. Луки 13:10-16

б. Луки 13:1-5

в. Иоанна 9:1-3

г. 1-е Коринфянам 11:29-30

д. Деяния 5:1-11

е. 2-е Коринфянам 12:7-10

4. Смог бы Иисус сделать Своё служение более «эффективным», собирать больше слушателей и приводить большее количество людей к покаянию, если бы Он активнее распространял весть о Своем сверхъестественном даре исцеления? Почему же Он этого не делал?

5. Следующая глава называется: «Для чего мы здесь?» Иными словами, какова главная цель нашего пребывания на земле, что должны совершить люди в этом мире? Во время подготовки попросите каждого члена группы ответить на этот вопрос одним предложением.

ГЛАВА 7

Для чего мы здесь?

1. СПИД - это чума нашего времени, и некоторые люди усматривают в этом заболевании Божье наказание. А как считаете вы? Может быть, Бог что-то хочет сказать через это всем людям? Или кому-то конкретно? А может, это вовсе и не Божье послание человечеству?

2. «Я бы смог примириться со страданием, если бы оно было более справедливым. Например, если бы я знал, что страдаю потому, что сделал что-то не так. Несправедливость — вот что более всего меня тяготит». Были у вас когда-нибудь подобные мысли?

В этой главе изложены некоторые предположения относительно того, как бы выглядел мир, в котором царит «идеальная справедливость». Предпочли бы вы такой мир тому, в котором мы живём?

3- Почему Бог такое значение придаёт любви, которая даётся даром? Если в вашей группе есть родители, попросите их рассказать о тех случаях, когда они чувствовали бескорыстную любовь своих детей.

4. Прочитайте и обсудите отрывок из книги Джона. Как вы думаете, он не слишком настойчиво излагает свои доводы? Согласны ли вы с тем, что этот на самом деле прекрасно спланирован для тех целей которые задумал для него Бог?

5. В этой главе упоминаются «два глубоких заблуждения», в которые могут впасть члены церкви. Какое из них представляет наибольшую угрозу вашей церкви?

ГЛАВА 8

Сражаться с Богом? Руки коротки!

Обратите внимание на то, что Бог говорит Иову в 38-41 главах книги Иова; выберите и прочитайте несколько отрывков из Его слов. Какова была бы ваша реакция, если бы вы услышали подобные слова на месте Иова? Удовлетворил бы вас такой ответ? Попросите нескольких участников дискуссии в двух-трёх предложениях выразить то, что Бог хотел сказать Иову.

2. Как вы думаете, почему столь многим оказала поддержку книга «Когда несчастья происходят с хорошими людьми»? Согласны ли вы с моей оценкой выводов Кушнера?

3. В этой главе говорится о полезной стороне страданий. Хотя сами по себе страдания не являются чем-то положительным, они могут нас изменять в лучшую сторону, приносить пользу. Случалось ли такое с вами? Обсудите места Писания, а также ситуации из жизни, когда через боль и страдания совершалось что-то хорошее.

4. Подумайте о тех людях, которым сейчас приходится нелегко: ваши соседи, знакомые в церкви или коллеги по работе. Не называя имён, расскажите в группе о том, как тот или иной человек справляется со своими трудностями, как переносит страдания. Поговорите о тех, кто смотрит на страдания как на разрушительную силу, и о тех, кто умеет видеть в них созидательное начало. В чём заключается отличие?

5. Своими словами объясните, как кто-либо может «радоваться» в своих страданиях.

ГЛАВА 9

После падения

1. Представьте, что вы оказались в гостях у Брайана Стернберга и он попросил вас посоветовать ему, что делать в создавшейся ситуации. Как бы вы могли помочь ему, опираясь на то, что вы уже знаете?

2. Используя материал этой главы и предыдущей, выберите слово, которое лучше всего передаёт то, чего Бог ожидает от нас, когда мы переносим страдания. Вера? Любовь? Радость? Искренность? Надежда? Доверие?

3. Семья Стернбергов считает, что страдания всегда противоречат воле Божьей. Они уверены, что Божьей волей может быть лишь чудесное исцеление Брайана. Другие христиане — например, К. С. Льюис или Джо-ни Эрексон Тада не согласны с такой точкой зрения. Что вы думаете по этому поводу?

4. Надо ли поддерживать у больных христиан надежду на выздоровление? А как насчёт той позиции, которой придерживался Брайан? Помогала ли она или, наоборот, мешала его духовному росту?

5. Семья Стернбергов в результате неизлечимой травмы на себе испытала, что такое длительные страдания. Но такие продолжительные страдания можно испытывать и по другому поводу: неприятные воспоминания из детства; постоянные оскорбления; переживания детей, сбежавших из дома; неудержимое пристрастие к чему-либо. Обсудите некоторые из этих причин. Как вы думаете, права ли миссис Стернберг, говоря, что Бог желает исцелить всех и каждого?

6. Каким образом вы узнаете волю Бога относительно вашей жизни ?

ГЛАВА 10

Я танцую!

1. Когда я писал эту книгу, то намеренно сопоставил этих двух молодых людей и то, что они пережили. Ситуации, в которых оказались Брайан и Джони, были очень похожими, однако они неодинаково отнеслись к своему несчастью. (Не забывайте, что физическая боль, испытываемая

Брайаном, была намного сильнее, чем та, от которой страдала Джони.) Попробуйте в двух-трёх предложениях сказать, в чём, по вашему мнению, заключается основное отличие взглядов Брайана и Джони на страдания. На кого из них вы больше всего похожи в эмоциональном плане, на Брайана или на Джони? А как насчёт богословских позиций?

2. Джони рассказывает о том, каким образом разные люди пытаются помочь тем, кто испытывает страдания, или тем, кто вынужден сидеть в инвалидном кресле. Что говорит Джони о том, какого отношения она ждет к себе со стороны других?

3. «Может, Божий дар для меня — моя зависимость от Него, — размышляет Джони. — Мне не грозит почувствовать себя когда-либо полностью самостоятельной, самодостаточной, когда Бог уже не нужен. Происходило ли в вашей жизни что-нибудь такое, что вынуждало вас полагаться лишь на Бога? Обсудите в группе те ситуации, которые показывали вам вашу зависимость от Него.

4. Как вы считаете, вам удалось прожить «жизнь во всей её полноте»? Если же нет, то чего вам не хватает в жизни?

5. Что вы думаете по поводу слов Джони насчёт «задержки на 40-50 лет»? Может ли вам как-то пригодиться в жизни эта уверенность, что в итоге исцеление всё равно произойдёт? Джони говорит: «Теперь я понимаю значение отрывка Писания о «славных» телах. Со мной это произойдёт, когда после своей физической смерти я на небесах встану на ноги и пойду плясать от радости». А как бы звучала эта фраза из ваших уст? Закончите предложение по-своему: «Со мной это произойдёт, когда после своей физической смерти я...»

ГЛАВА 11

Другие свидетели

1. Как обнаружил Поль Торнье и как нам демонстрируют такие люди, как господин Бакли, страдания могут дать человеку возможность вырасти духовно, помочь ему намного глубже познать, что такое жизнь. Было ли так, что боль и страдания помогали вам пережить что-нибудь подобное?

2. К.С. Льюис пришёл к выводу, что страдания «в целом, похоже, выполняют свою работу». Подумайте о тех людях, которые испытывают хронические боли. Согласны ли вы с утверждением Льюиса?

3. Если верно, что страдания выполняют «душеспасительную» работу в нас, то почему же мы так стараемся уберечь от боли себя и своих детей? Каким образом можно не впадать в крайности?

4. Прочитайте в группе Нагорную проповедь Иисуса (особенно отрывки из Мтф. 5:1-10 и Лук. 6:20-38). Каким образом накренился мир по отношению к бедным и страдающим?

5. Прочитайте список «преимуществ» страданий, взятый из книги Моника Хэлвиг. Вместе обсудите каждый из десяти пунктов, рассказывая, испытывали вы в жизни эти преимущества или нет.

ГЛАВА 12

Экстремальные случаи

1. В этой главе я признаюсь в том, что у меня есть одна черта характера, доводящая меня порой до отчаяния. Чувствовали ли вы когда-нибудь подобное искушение? Если да, то как вы с ним справлялись?

2. Некоторые из служителей немецкой протестантской церкви заявляли: «После Освенцима строчку из гимна: «...Тот, Кто так чудно правит миром всем...» уже просто нет смысла петь». Почему Бог не вмешался, чтобы остановить преступления, почему не остановил Холокост? В Библии так много примеров того, как Бог Своим чудесным вмешательством избавлял Свой народ - так почему же на этот раз чудо не произошло? Подумайте, как можно ответить на эти вопросы.

3. Можете ли вы вместе с Корри-тен-Бум уверенно заявить: «Как ни глубок ров, Бог — глубже»? Каким образом в вашей жизни вы ощущаете Божью любовь?

4. В своей книге я придерживаюсь взгляда на доктрину о Божьем промысле как на доктрину, для понимания которой мы должны смотреть вперёд, а не назад; быть дальновидными, а не смотреть всё время в прошлое. Когда происходят такие события, как смерть Иисуса на Голгофе или Холокост, мы должны не оглядываться назад, задавая вопросы вроде «почему?..», а смотреть вперёд и спрашивать: «А к чему это ведёт?»

К счастью, не всем из нас доведётся пережить экстремальные обстоятельства, описанные в этой главе. Чтобы примеры не были чересчур абстрактными и безличными, позвольте мне привести более заурядную ситуацию для обсуждения. Молодой человек, которого зовут Джек, должен выбрать, на ком жениться: на Мишель или на Сюзан. Он молится об этом и спрашивает совета у

своих, верующих друзей. Пастор церкви беседует с Джеком и объясняет ему, что он стоит на распутье, и от выбора Джека зависит его будущее. В конце концов Джек приходит к выводу, что Бог хочет, чтобы он женился на Мишель. Даже пастор одобряет выбор Джека.

Однако три года спустя Мишель внезапно исчезает с другим мужчиной, оставляя Джека с шестимесячным ребёнком. Джек подавлен. Он вспоминает свою беседу с пастором. Неужели он выбрал не ту дорогу? Неужели он теперь обречён смириться с тем, что самое лучшее, что задумал для него Бог, он пропустил, и остаётся только то, что похуже? Ведь некоторые именно так и считают.

Обсудите эту ситуацию в группе. (Я могу ещё предложить вам представить волю Божию, как развёрнутую дорожную карту, на которой дорога исчезает после того, как вы зашли за поворот. Знание о промысле и дальновидности Бога не должно позволять нам уходить в себя и мучиться размышлениями вроде: «Если бы только я поступил иначе...» Наоборот, что бы ни случилось, какие бы тяжёлые последствия за собой это ни влекло, Бог может возместить нам все потери сполна, пусть даже прошлое вернуть нельзя. Всё, что ни делается, в итоге может привести к нашему благу. Вот что я имею в виду, говоря, что доктрина о промысле Божьем требует от нас умения смотреть вперёд, а не назад.)

5. Обсудите следующие слова: «Суть веры состоит в том, чтобы мы заранее верили в то, что обретет смысл для нас в будущем». Что это значит?

ГЛАВА 13

Признаки выздоровления

1. Как сказал Джон Клакстон, когда супружеская чета испытывает тяжёлые потрясения, гораздо лучше становятся видны те недостатки, которые ещё до этого существовали в их отношениях. Обсудите состояние кого-то из своих знакомых, кто пережил тяжёлый кризис. Как это повлияло на их отношения с семьёй друзьями?

2. Вы тоже чувствуете себя неловко в присутствии людей, испытывающих страдания? Вы стараетесь избегать общения с ними? Я рассказал о тех препятствиях, которые мне пришлось преодолевать. Какие препятствия мешают вам?

3. Что изменилось бы в вашей жизни, если бы вы, как участники курса «Не упusti сегодня», узнали, что вам осталось жить лишь несколько месяцев?

4. Вместе с группой прочитайте 1-е Послание коринфянам, 13-ю главу. Постарайтесь применить идею этого отрывка ко всем, кто страдает. Как это может им реально помочь?

5. Я перечислил четыре этапа выздоровления, о которых мы будем говорить во время обсуждения четырёх последующих глав. Можете ли вы дополнить этот список?

ГЛАВА 14

Страх

1. Попросите каждого из присутствующих дать по три ответа на вопрос: «Чего вы боитесь?»

2. Судя по тому, как вы относитесь к боли, кем бы вы себя назвали по шкале Асенаты Петри: нагнетающим, понижающим или умеренным?

3. Что вы узнали за последние несколько недель такого, что помогло вам понять назначение страданий и таким образом избавиться от лишних опасений, переживаний?

4. Выберите кого-то из вашей группы или пригласите человека со стороны, кто в своей жизни пережил какое-то несчастье и кому довелось многое испытать. Если это возможно, пригласите этого человека на занятие и попросите рассказать о том, кто и каким образом больше всего помогал ему справляться с трудностями. Спросите его, какой совет лучше всего подходит для тех людей, кто переносит страдания. А может быть, лучше всего выражать своё сострадание молча, без слов?

5. Чувствовали ли вы когда-нибудь, что Бог вас оставил? Что вам помогало в таких случаях?

ГЛАВА 15

Беспомощность

1. Каждый из нас порой ощущает свою беспомощность — необязательно быть больным, чтобы почувствовать себя слабым и незащищённым. Что обычно заставляет вас чувствовать себя беспомощными?

2. Обсудите это шаткое равновесие между оказанием помощи и той ситуацией, когда

больным оказывается слишком много помощи. Было ли у вас так, что кто-то слишком настойчиво предлагал вам помощь?

3. В течение нескольких минут поговорите о том, что на самом деле нужно писать в «открытках к выздоровлению». Что мы по-настоящему хотим сказать тем людям, которые сейчас страдают?

4. Если кто-нибудь из вашей группы лежал в больнице обсудите то, что он там увидел, помня о рассказе Нормана Казинса. Подумайте, как должно быть всё устроено в идеальной больнице?

5. Психолог из Атланты выводит правило, которое убедительно подтверждает своим примером Джони Эрексон Тада: для страдающего человека очень важным шагом является нахождение способа, как самому начать помогать другим. В вашей церкви или группе верующих умеют таким образом направлять людей на служение? Подумайте о разведённых парах или о тех, кто страдает хроническими заболеваниями. Каким образом они реально могут в своём окружении давать что-то другим, вместо того, чтобы только самим принимать помощь?

3. Обсудите какой-нибудь период времени в вашей жизни, когда вам было особенно тяжело в физическом или эмоциональном плане. Какие «зарытые сокровища» вы для себя нашли благодаря тому, что пережили?

4. Шэрон Фишер упоминает о том, что испытавший несчастье человек может проходить через пять различных этапов, определенных Элизабет Кюблер-Росс. Когда у вас несчастье, проходите ли вы через такие же этапы или аналогичные им? А что происходит, когда вы испытываете физическую боль?

5. Обсудите рассуждения доктора Трогиша насчёт того, почему Бог позволяет, чтобы рождались дети с серьёзными нарушениями психики. Согласны ли вы с его выводами?

ГЛАВА 16

Смысл

1. Обсудите то, что рассказал пастор со Среднего Запада. Что было неправильного в отношении церкви к нему тогда, когда у него был нервный срыв? Чего он ожидал от них?

2. В этой главе описывается, как мы привыкли относиться к различным ситуациям, в которых людям больно или неудобно. Обсудите с группой, как могут отнестись окружающие к человеку, который страдает по следующему поводу:

1) эпилепсия; 2) синяк, полученный во время игры в хоккей; 3) ветряная оспа в возрасте 24 лет; 4) трудные роды; 5) пластинки на зубах; 6) тяжелые травмы, полученные в результате автокатастрофы; 7) постоянные головные боли; 8) операция на коленном

ГЛАВА 17

Надежда

1. Когда вы болеете, то вам больше присуще вести себя как «надеющийся» или как «пораженец»? Каким образом окружающие помогли вам легче перенести несчастье?

2. Своими словами опишите, чем отличается надежда от оптимизма.

3. Вспомните кого-нибудь из ваших знакомых, кто уже достаточно длительное время испытывает страдания. Склонны ли они принимать помощь или отказываются от неё? Чувствуете ли вы себя неловко в их присутствии?

4. Как Барбара Сандервилль отнеслась к советам окружающих, которые убеждали ее, что единственный выход для нее — молиться об исцелении? Как вы думаете, стоит ли нам вот так вселять в больных надежду на исцеление? Правильно это или нет? Что бы в сказали Барбаре, если бы она попросила вас объяснить ей, почему Бог не исцелил ее?

5. Обсудите в группе то, что произошло с Мартой. Как бы в вашей церкви отнеслись к такому человеку, как Марта?

ГЛАВА 18

Смотреть на мир Его глазами

1 Бог вполне мог бы явиться в мир во всем Своем величии и могуществе. Вместо этого, смирившись и став немощным человеком, Он пришел и обрек Себя на страдания. Для чего? Почему же Он не явил всю Свою силу и не стер с лица земли боль и страдания?

2. «Взяв боль на Себя, Иисус придал ей благородный смысл». Согласны ли вы с этим

утверждением? аким образом Иисус придал боли благородный смысл? Как вы думаете, может ли это оказать действительную, осязаемую помощь тем, кто переносит страдания?

3. В этой главе приведено краткое жизнеописание Иисуса Христа. Отличается ли эта точка зрения от той, к которой вы привыкли с детства? Не думаете ли вы, что церковь несколько идеализирует Иисуса?

4. Может, вы встречались со стихотворением, которое приписывают одному американскому солдату времен гражданской войны. Здесь хорошо описано, как боли можно придать противоположный смысл: и душевные), или тех, кто присасывается, как пиявка, к людям, проявившим хоть толику сочувствия к ним?

3. Поговорите о ваших знакомых, кому сейчас плохо. Можете ли вы помочь им без покровительства и отеческой заботы с вашей стороны?

4. Подумайте о тех, кто в вашей церкви сейчас испытывает страдания. Перечислите несчастья, о которых вам известно: болезни, скорбь по умершим, сексуальное надругательство, развод, алкоголизм. Всей группой помолитесь за конкретных людей, о которых вы вспомнили.

5. Каким образом вы бы смогли проявлять участие и заботу ко всем этим людям в течение долгого времени? Возможно ли будет нести их бремена и самому не стать обремененным?

ГЛАВА 20

Впереди — новый мир

1. Большое ли внимание в вашей церкви уделяется доктрине о жизни после смерти? Некоторые считают, что эту доктрину неправильно понимают, что церковь попросту обещает людям золотые горы на небесах, как способ забыть о проблемах, с которыми мы сталкиваемся в нашей жизни. Однако Библия определенно указывает на то, насколько важна жизнь после смерти. Как сохранить должный баланс?

2. В фильме «Смерть» показаны два различных отношения к приближающейся смерти. Вспомните о том, как переживали беды ваши знакомые. Было ли отличие в том, как к несчастьям относились христиане и неверующие?

3. Обсудите пример с доской, наглядно демонстрирующий кратковременность земной жизни по сравнению с вечностью. «Стали бы мы жаловаться Богу, если бы Он за все наши семьдесят лет жизни допустил лишь час страданий, наполнив остальное время покоем и радостью? Конечно, в нашей земной жизни хватает страданий, но ведь эта жизнь всего лишь час по сравнению с вечностью». Может, такой подход вам кажется жестоким и бессердечным? Как это должно повлиять на ваш взгляд на страдания?

4. Прочитайте отрывок, где сравниваются смерть и рождение. Как вы думаете, это сравнение уместно? Как может нам помочь взгляд на смерть, как на всего лишь темный тоннель, ведущий к свету?

5. В конце главы я подвожу итог моему исследованию того, какую роль играют страдания в нашей жизни. (По крайней мере, это итог данной книги — само исследование еще не закончено!) Я вновь перечисляю основные моменты всей книги. Прочитайте эти тезисы один за другим. Подумайте, можете ли вы согласиться с моими выводами, или вы сказали бы по-другому? Если бы вам представилась возможность собственноручно написать заключительную главу о том, что вы узнали о страданиях, как бы она выглядела? На листке бумаги перечислите те принципы, которые для вас приобрели больший смысл в результате изучения этой темы в группе.

6. Обсуждение боли и страданий может увести вас от реальности, так что вы забудете о действительных страданиях, которые испытывают окружающие. Постарайтесь, чтобы этого не произошло. Посвятите себя Христу и тому, как Он смотрит на мир; то же самое сделайте в вашей группе. Раненый Хирург чувствует нашу боль и стремится помочь нам. Он решил сделать это исключительно ценой Себя Самого — и когда Он пришел в этот мир, Он был таким же, как и мы с вами. Если миру суждено увидеть Иисуса Христа и Его путь, пусть они видят Его через нас. Обсудите то, как вы можете научиться относиться к страданиям так, как относился к ним Христос. Попросите Бога научить вас всегда чувствовать чужую боль. Именно это способно объединить Его тело.